

ББК 76
А 38

Факультет
журналистики ВГУ
Академия наук
региональной печати

АЛЬМАНАХ

Выпуск 5-6 (188-189)
2022

Редакционная
коллегия:

В.В. Тулунов —
главный редактор
А.А. Кажихин
А.М. Шишлянникова
(Воронеж)
С.Г. Корконосенко
(Санкт-Петербург)
А.И. Акопов
(Ростов-на-Дону)
Ю.Н. Мясников
(Томск)
В.Ф. Олешко
(Екатеринбург)
Ю.В. Лучинский
(Краснодар)

ISBN 5-900955-02-8

Корректоры – Т. Коновалова,
Е. Рязских

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета.

Подписано в печать
21.09.2022. Тираж 150 экз.

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА Владимир Тулунов По следам медиафорума.....	2
МАССМЕДИА Виктория Дабеза Стикеры «Комсомольской правды» как элемент коммуникации с аудиторией.....	5
Елена Красова Модификация тела в коммуникативном пространстве массмедиа и молодежная аудитория.....	8
Владимир Листенгартен Многотиражные газеты вузов региона: современные аспекты....	13
Виктор Силин В списке не значился.....	17
Владимир Тулунов Медиа в условиях информационной войны	20
ЖУРНАЛИСТСКОЕ МАСТЕРСТВО Виктор Савельев Неудавшиеся репортажи	29
РЕКЛАМА И ПАБЛИК РЕЛЕЙШНЗ Наталья Суворова Бренд музея в аспекте проблемы геобрендинга	37
ЛИТЕРАТУРА Александр Бунеев, Юрий Кургузов «Вот такую жизнь жить я хочу вовеки...»	39
Валерия Юмашева Абсурд как категория комического в английской литературе ...	51
РЕЦЕНЗИЯ.....	54
ИСТОРИЯ В СУДЬБАХ	56
СТУДЕНЧЕСКИЙ ОПЫТ	58
СООБЩЕНИЯ.....	63
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ.....	72

Владимир Тулунов По следам медиафорума

В июле в Воронеже состоялся юбилейный — десятый — открытый медиафорум на тему «Новая реальность в региональных медиа: экономика, политика, общество». Площадками для лекций, дискуссий, тренингов и мастер-классов с участием региональных и федеральных экспертов были выбраны кинотеатр «Спартак» и Областной Дом журналистов.

«Ежегодно, проводя собеседование абитуриентов, спрашиваю: “Телевизор смотрите?”, и почти все бодро отвечают: “Нет!”, а кто-то даже добавляет: “У нас и телевизора-то нету...” Дальше — больше: радио не слушаем, газеты не читаем! А зачем же, говорю, вы на журнал поступаете? А мы, отвечают, блогерами хотим быть. Конечно, за 4–6 лет обучения у большинства наших студентов меняется отношение к классическим СМИ, но ведь моя печаль — в целом о современной молодежи, о молодежной аудитории. Вот таким не просто грустным, а тревожным наблюдением поделился я на открытии прошедшего Воронежского медиафорума, предполагая, что и эта проблема не останется без внимания. На что раздалось резко-бестактное: прекратите говорить, что молодежь не смотрит телевизор!.. И даже цифры прозвучали: в России люди пользуются интернетом в среднем 3 часа 40 мин в день, а вот телевизор смотрят от 3,5 часов до 4,5 часов в день... Может, эти данные и верны, хотя кому нужна “средняя температура по больнице”?.. Я-то — о молодежи! Мне что, теперь после их честных ответов так же осаживать: мол, прекратите говорить, что вы не смотрите телевизор!.. К тому же серьезные социологи опираются на репрезентативность выборки, различают телесмотрение и вовлеченное смотрение ТВ! Ведь если вычестить из полученных трех-четырёх часов спорт, сериалы, “семейные” ток-шоу и т.п., сколько останется на тележурналистику?.. На ту самую качественную социальную информацию, коей и был посвящен прошедший медиафорум, проводившийся в десятый раз именно для того, чтобы хотя бы обозначить болевые точки, коллективно подумать о том, как их решать...»

Далее для справки я привел несколько данных, характеризующих некую тенденцию:

Об авторе: Тулунов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

«2014 г.: За прошедшие два года горожане 15–34 лет стали смотреть телевизор на 100 минут в неделю меньше.

2015 г.: 66% представителей молодого поколения ежедневно включает телевизор; еще примерно четверть молодых горожан смотрит телевизор не каждый день, но несколько раз в неделю, а 8% практически не смотрят телевизор. В возрастной категории от 35 и старше показатели соответственно такие: 86% — 13% — 1%. В возрастной группе 15–34 интернетом ежедневно пользуется 85% (за неделю набегает 18 часов; в случае с ТВ — 15 часов). При этом 37% приходится на просмотр художественных фильмов; 26% — на телесериалы; 27% — на другой телеконтент (юмор, развлекательные передачи и т.п.); 11% — на короткое видео.

2019 г.: 46% юношей и девушек в возрасте от 14 лет и до 21 года не сидят у телевизора. Еще 38% постепенно отказываются и допускают, что вообще откажутся от ТВ в пользу других источников информации. И лишь 16% остаются верны старому доброму “ящику”.

2021 г.: На вопрос “Смотрит ли молодежь телевизор в России?” один из реципиентов ответил так: “Нет, не смотрит. Знаю это по своим детям, по знакомым и друзьям. Молодежь точно не смотрит, за редким исключением каналов, где крутят фильмы. И еще смотрят ТНТ и СТС”¹.

Автора обрадовало, что пост вызвал оживленную дискуссию, часть которой предлагается читателям «Акцентов». Далее представим ее в форме диалога.

Ирина Соляная: Я больше 10 лет не смотрю телевизор, даже не знаю, где от него пульт. Это не гордость, это экономия времени. И выбор. Я не хочу поток массовой культуры на мою седую голову. Ни музыки, ни фильмов, ни новостей мне от них не надо

Владимир Тулунов: Да, подготовленный человек может выбирать и отбирать (каналы, рубрики, авторов и т.д.), но дети-юношество-молодежь нуждаются в «навигаторе». Телеграм и даже сайты СМИ приучают к потреблению краткой, сжатой информации с ограниченным контекстом и подтекстом. Это когда вместо романа предлагается сжатое изложение сюжета. Для сдачи экзамена этого порой бывает достаточно, а для понимания стиля писателя, для получения наслаждения от мыслей и слов — недостаточно... А очерки

¹ См.: <https://www.sostav.ru/publication/uji-chtoby-ostatsya-19391.html>; <https://zen.yandex.ru/media/psychologyofthemain/>; <https://rg.ru/2019/03/04/kak-otnositsia-k-televideniiu-molodoe-pokolenie.html>

Гиляровского, Аграновского, Пескова и многих других публицистов до сих пор читаю с удовольствием. Потому что в них отражено время.

Наталья Иванова: ТВ точно не навигатор, а дополнительный дезорганизатор.

Владимир Тулунов: Кого-то организует, кого-то дезорганизует; мне ТВ нравится — всегда нахожу интересное и важное для себя, а когда не нахожу, перехожу к чтению книг, которые также отобрал в библиотеку за многие годы. И смартфон, стационарный компьютер тоже помогают. Но найти важное и понять найденное помогают базовые системные знания, полученные в течение жизни, в том числе и через традиционные СМИ.

Наталья Иванова: Базовые знания через традиционные СМИ после перестройки уже никто не давал. Я про естественные науки.

Владимир Тулунов: Кто пользовался традиционными СМИ (из которых также надо выбирать качественные), тот получал. Понятно, что не все, но и раньше действовала система: школа, литература, кино, театр, СМИ и т.д.

Инесса Бабкина: А может быть, дело в методе обучения? Не зубрить полученный материал, а представлять услышанное через свое понимание ситуации? Обучать с вопроса: а что ты думаешь, чувствуешь по поводу...?! Может быть, тогда у молодых людей выработается привычка думать на тему. Не пробегать, пролистывать, а думать, прежде чем ответить урок. Исключительно своими мыслями, умственным сочинением на тему. Тогда любая информация будет восприниматься как размышление о событии, факте. Иначе как приучить думать, осмысливать, анализировать?!

Владимир Тулунов: Правильно, но это дело школы, в которой пора сделать обязательным предмет «Медиаобразование» (учить воспринимать медиаинформацию, психологически защищаться от негативной информации, создавать информацию и т.д.). В общем, и здесь действует принцип предложения и вопроса...

Инесса Бабкина: Именно. Речь шла о школе. Что бы абитуриент мог объяснить хотя бы себе, куда и зачем он поступает, даже без присутствия телевизора. Он будет уметь мыслить сам. Тогда телевизор будет не отторжением, а возможностью разумного выбора.

Дарья Казбанова: А чего его смотреть и газеты читать, если там только проплаченные статьи? Молодежь это чувствует очень быстро. Блогеры (и то не все!) — последний оплот реальности получается...))

Юрий Скрипченко: Да смотрят они телевизор. Только не эфирный... На ТВ чудовищное количество рекламы, назойливой, безобразно длинной и частой. Поэтому лично я, например, эфиры не смотрю, хоть и бывший телевизионщик. Но очень скучаю по качественной печатной прессе, потому что тот же журнал — это законченный продукт, композиционно выдержанный, имеющий начало и конец. А вот сайты — это бесконечное листание.

Владимир Тулунов: Спрашивал и про это. Нет, не смотрят... Точнее, смотрят все, что связано с играми, развлечениями и т.п. А вот информация, подготовленная профессионалами, системная и качественная, проходит мимо них.

Юрий Скрипченко: Поколение омежек и мамкиных пирожков)) сложные противоречивые процессы, из которых состоит жизнь, понимать не хотят. Любят, чтобы им разжевали, в ротик положили, да еще и по плечикам одобрительно похлопали. И чтоб побольше эмоций.

Лариса Ритга: Ну, просто неправильно сформулирован вопрос. Потому что чтобы держать руку на пульсе новостей в мире, телевизор вовсе не нужен.

Владимир Тулунов: Если о новостях, то да, но СМИ, особенно с развитием интернета, теперь должны брать аналитикой, публицистикой, «большим стилем». А чтобы быть в курсе новостей, достаточно телеграм-каналов в смартфоне.

Лариса Ритга: Так большой стиль — тоже и в интернете. Мне кажется, ТВ надо смотреть с единственной целью — отслеживать приглаженное, официальное, то есть допущенное к просмотру. Но для этого нужно задать именно такой целью — сравнивать источники. Тут да, соглашусь: такое сравнение должно быть свойственно человеку с публицистическим мышлением. Но все равно для этого телевизор не нужен.

Владимир Тулунов: Возможно, с возрастом роль телевизора возрастает. Я встаю, включаю телевизор, который работает и фоном, пока делаю зарядку, завтракаю... Собираясь на работу, слушаю (подглядывая!) новости, смотрю на «Культуре» «Пешком», «Легенды мирового кино» — вплоть до ухода на работу. Ведь так удобно: и экран большой, и качество изображения отличное. Но я и смартфон использую — как мини-компьютер. Но, например, читать лонгриды даже на большом компе тяжело — все равно приходится распечатывать...

Лариса Ритга: А у нас наоборот: встаем — и сразу бежим к компа. Это удобнее: каждый смотрит и слушает свое. А фоном у нас аудиокниги.

Владимир Тулунов: Вот я сейчас лежу и смотрю телевизор (политические передачи, до того футбол, художественные фильмы), периодически просматриваю смартфон... Удобно! Когда рисую — также слушаю-смотрю телевизор; когда заканчиваю телесмотрение — просматриваю прессу, выбирая наиболее интересные статьи. Могу среди ночи почитать, рано утром... То есть не вместо, а вместе!

Ольга Лиса: XIX век: «Сколько можно читать книжки, хоть бы с умными людьми потолковал». XX век: «Сколько можно смотреть телевизор, хоть бы книжку почитал». XXI век: «Сколько можно сидеть в сети, хоть бы телек посмотрел». Мы куда-то спешно эволюционируем, но вектор неясен.

Анастасия Загорская: Владимир Васильевич, опрашиваю своих студентов и подтверждаю: не смотрят ТВ, не слушают радио и не покупают прессу. Поражает, что некоторые хотят стать маркетологами, только чтобы... работать с соцсетями. То есть другие виды рекламы даже не рассматривают...

Людмила Шилина: Большая популярность у Телеграм: коротко, четко, по делу, без рекламы. Журналистом можно работать не только на ТВ или в газете, это данность нового времени. Если раньше: мама, я в телевизоре, это было супердостижение, то сегодня «телевизор» у каждого в руке.

Наталья Иванова: ТВ смотреть невозможно. Или надо не спать ночью, когда выходит что-то умное, а не развлекательное. Или, я не знаю, быть глухим. У меня не хватает терпения выдержать какую-либо из анимированных заставок, да зачем же они еще такие длинные! А звук, почему он такой резкий, а картинка, почему так вспыхивает! Я слушаю радио и немножко читаю интернет, иногда с видеороликами, но дозированно.

Вот такой получился полилог. Очевидно, что налицо многоаспектная проблема: кризис традиционной журналистики, кризис журналистики как социального института. Началось с бумажной прессы, тиражи ко-

торой продолжают падать, затем проблемы возникли у телевидения. И дело не в средствах (передачи можно смотреть и по «ящику», и по гаджету), дело в том, что даже профессионально сделанный, качественный информационный продукт не читают, не смотрят, не слушают. Классические СМИ готовят некие законченные «произведения» (номер газеты, журнала; ТВ-, РВ-программа, передача), придерживаясь некой информационной политики, стратегии, профессиональных и этических стандартов... Плохо, если это работает вхолостую, особенно по отношению к молодежи, которая со временем должна пополнить ряды постоянной медиааудитории.

Виктория Дабезжа Стикеры «Комсомольской правды» как элемент коммуникации с аудиторией

Аннотация: анализируются стикерпаки газеты «Комсомольская правда», их функции и значение в маркетинговой стратегии, поддержке бренда и коммуникации с аудиторией.

Ключевые слова: стикеры, мессенджеры, «Вайбер», стикерпаки, бренд, коммуникация, маркетинг.

Современные мессенджеры невозможно представить без стикеров (от англ. *sticker* — наклейка) — пиктограмм, которые появились в результате симбиоза эмодзи и мемов. Если эмодзи добавляют сообщению эмоции, то стикеры в состоянии заменить целое предложение, их можно назвать коммуникативными универсалиями.

Стикеры придают голосу бренда человечность. Таким образом, в соцсетях и мессенджерах коммуникация b2c становится более доверительной, даже дружеской. И это вполне закономерно: современные маркетинговые стратегии сосредоточены сейчас не на продукте, а на человеке. Поэтому эмоциональное общение выходит на первый план, оно позволяет разговаривать с аудиторией на одном языке.

«Стикеры дают возможность брендам интегрироваться в регулярные коммуникации между людьми, когда собеседники находятся в более расслабленной обстановке — все это идет на пользу маркетингу» [1].

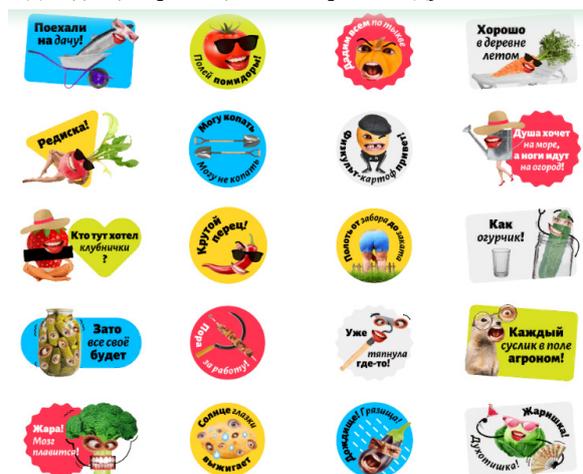
Печатным средствам массовой информации, которые по вполне понятным причинам (низкая оперативность, дороговизна, периодичность выхода) не могут участвовать в регулярной коммуникации с аудиторией, стикеры в мессенджерах помогают напомнить о себе и повысить лояльность читателей.

Лидером в этом секторе маркетинга среди российских печатных СМИ является газета «Комсомольская правда», бренду которой принадлежит 6 вайбер-стикерпаков. Все стикерпаки «КП» выполнены в разном стиле и демонстрируют разные направления работы газеты с аудиторией. Кроме того, все используют технологию «Free & Follow»: при скачивании стикеров пользователи автоматически подписываются на паблик-сообщество «Комсомольская правда», где можно прочитать новости

Об авторе: Дабезжа Виктория Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

(оперативность информирования аудитории возрастет), поучаствовать в акции, конкурсе или розыгрыше. Сообщество «Комсомольской правды» в Viber насчитывает более 760 тысяч подписчиков, которые ежедневно в режиме реального времени получают последние новости о событиях, происходящих в России и мире.

1. Стикерпак «Наша дача!» моментально приобрел популярность у пользователей, ведь дача — это место, где многие проводят отпуск или выходные, то есть личная зона комфорта. Сезонный стикерпак выполнен в виде коллажей. С лингвистической точки зрения содержит фразы-мемы («Каждый суслик в поле агроном!», «Зато все свое будет!», «Полоть от забора до заката», «Как огурчик!»). Многие стикеры основаны на игре слов, например на одном из них изображена садовая тяпка с надписью «Уже тяпнула где-то!», и на простых рифмах («Дождище! Грязища!» и «Жаришка! Духотишка!»).

Стикерпак «Наша дача»

2. Стикерпак «Победа будет за нами!» выпущен к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Стикерпак выполнен в виде почтовых марок с акварельными рисунками. Стикеры содержат фразы из известных произведений («Жди меня и я вернусь!», «Давай закурим, товарищ, по одной»), фразы-мемы («Спасибо деду за Победу!», «Миру мир!»). На одном из стикеров изображен пожелтевший номер «Комсомолки» военных лет, рядом надпись «С Великой Победой, товарищи!». Таким образом газета напоминает о своей уже почти вековой истории и поздравляет читателей с поистине великим для всех праздником.

Стикерпак «Победа будет за нами!»

3. К своему 95-летию в 2020 г. «Комсомольская правда» выпустила тематический, самый брендовый и самый «мемный» стикерпак «Срочно в номер!», причем не только для «Вайбера», но и для «Одноклассников». Все стикеры изображены в виде обложек и разворотов «Комсомолки», айдентика включена на максимум: используется фирменный шрифт газеты, ее верстка и брендовые цвета (белый, синий, красный — возможно, здесь и аллюзия на флаг России). Из 20 стикеров одна половина содержит явные мемы («Денег нет, но вы держитесь!», «Наташ, ты спишь? Вставай, мы там все уронили!», «Как тебе такое, Илон Маск?» и др.), а вторая — просто расхожие фразы («Уже мчу!», «Срочно в номер!» и др.). Стикерпак подобран таким образом, что их могут использовать как читатели газеты, так и ее сотрудники, а также профессиональное сообщество журналистов в целом.

Стикерпак «Срочно в номер!»

Выпуск стикерпаков газета использует и как инфоповод, анонсируя их на сайте KP.RU [2].

4. Стикерпак «Мой питомец самый лучший» создан по итогам конкурса, проведенного «Комсомолкой» среди читателей, которые присылали фотографии своих кошек и собак. Уже давно установлено, что для создания вирусного эффекта изображения животных, особенно

кошек, — беспроигрышный вариант. Стикерпак сделали не только для «Вайбера», но и для «ВКонтакте». Стикерпак не содержит мемов, а скорее выполняет роль эмодзи: «Обхохочешься!», «Я в деле!» и т. д.

Стикерпак «Мой питомец самый лучший»

5. Стикерпак «Будь тигром в Новом году!» — подарок газеты своим читателям к Новому 2022 году. Здесь также используются довольно простые стикеры, большинство из них содержат лишь одно слово: «Милота!», «Отпуск», «Опасно!» и т. д.

Стикерпак «Будь тигром в Новом году!»

6. Особого внимания заслуживает стикерпак «В Новосибирске поймут!» — яркий пример брендинга территории. На стикерах изображены достопримечательности города, а в надписях угадываются шутки, которые, видимо, поймут только новосибирцы (возможно, название намекает, а заодно и пиарит, на центр помощи подросткам «Тут поймут», открытый в Новосибирске в 2021 г.).

Например, на стикере с изображением театра «Глобус» надпись «Такой глобус не пропьешь» (аллюзия на фильм «Географ глобус пропил»). Используются также изображения театра оперы и балета, памятника лабораторной мыши, памятника светофору, главной площади с памятником Ленину, высотки, прозванной в народе «Бэтмен», и других знаковых для города мест. На одном из стикеров — стилизованный герб Новосибирска с изображением двух соболей и надписью «Столица Сибири».

Скачав этот стикерпак, пользователи могут присоединиться к региональному сообществу «Новосибирск KP.RU».

Стикерпак «В Новосибирке поймут!»

Таким образом, можно прийти к выводу, что стикерпаки мессенджеров являются заметной частью коммуникации газеты «Комсомольская правда» с аудиторией и отражают несколько направлений работы: поздравление с праздниками (День Победы, Новый год), конкурсы для участников сообщества, самопиар, брендинг территорий. Необходимо отметить, что стикеры «КП» внедряются не только

в «Вайбер», но и в отечественные социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники». Новейшие стикерпаки «Будь тигром в Новом году!» (декабрь 2021 г.) и «Мой питомец самый лучший» (февраль 2022 г.) отличаются от других и простой исполнением, и примитивным смысловым наполнением. Возможно, редакционная политика газеты в отношении стикерпаков изменилась, либо поводы для создания стикеров не столь значительны.

Главное в позиционировании и выстраивании маркетинговой стратегии в мессенджерах — общаться с целевой аудиторией на одном языке, и этому способствует новый инструмент — стикеры, которые одновременно являются и коммуникативными единицами, и частью брендового мерча. Разработка и продвижение стикерпаков в маркетинговой концепции бренда увеличивает охват аудитории и повышает результативность всей маркетинговой кампании.

Литература

1. Отправьте это немедленно. Почему стикеры стали популярными в бизнес-среде.— Режим доступа: <https://performance360.ru/stickers/> (дата обращения: 23.03.2021).
2. К юбилею «Комсомолки» в Viber появился тематический стикерпак.— Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27134/4223601/> (дата обращения: 23.03.2021).

Елена Красова Модификация тела в коммуникативном пространстве массмедиа и молодежная аудитория

Тело — ваш друг. Не обращайтесь с ним, как с врагом.
Э. Берн

Аннотация: в центре внимания статьи проблема модификации тела в контенте массовой коммуникации. Анализируются массмедийные сюжеты и образы, данные социологических исследований представлений молодежи г. Воронежа о канонах красоты, внешнем облике женщины и подходах к видоизменению телесности.

Ключевые слова: массмедийный контент, каноны красоты, модификация тела, татуирование.

Значимость для современного человека привлекательного тела возрастает в условиях социальных трансформаций — глобализации и цифровизации, распространения консьюмеризма, развития идей феминизма и бодипозитива. Причем био- и нанотехнологии, генетика, нейрохирургия открывают широкие возможности для внедрения в практику все новых способов совершенствования тела. Изменяются и сами каноны телесности. В живой исторической действительности, как пишет теоретик культуры М. М. Бахтин, каноны красоты «никогда не были чем-то застывшим и неизменным, а находились в постоянном развитии, порождая различные исторические вариации классики и гротеска» [1, 17]. Между разными идеальными образцами внешнего облика людей происходит взаимовлияние, скрещивание и смешение.

Особая отрасль знания — «Социология тела» — исследует физические, в том числе сексуальные, практики, изучает динамику представлений о красоте тела, о «здоровье» и «нездоровье», о том, что является «нормальным» или «ненормальным» [2, 100]. Известно, что тело является природным, и социальным конструктом, то есть представляет собой сложную систему, в которой сочетаются социальные, биологические и психологические компоненты. Телесные практики в рамках социологического подхода рассматриваются как санкционированные культурой (в том числе и массмедийной) способы обращения с телом, его использования и преобразования [3, 3].

Об авторе: Красова Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна ВГУ.

Индустрия красоты в современном модернизированном обществе развивается динамично, охватывая разнообразные телесные практики — от нанесения макияжа и татуирования до пластической хирургии. Изменение тела в соответствии с модными идеалами женственности, мужественности и сексуальности становится для многих людей важным жизненным проектом, предметом соревнования и презентации в сети, полем экспериментирования. Порой эксперименты демонстрируют виктимное поведение индивида, основанное на стремлении подвергать опасности свое здоровье и жизнь. Так, французский блогер Энтони Лоффредо транслирует многотысячной аудитории свой путь стать «черным инопланетянином». Для этого он удалил уши, губы, нос и пальцы на руках, разделил язык пополам и закрасил черным глаза, вставил под кожу имплантаты.

Человек массы руководствуется канонами красоты, тиражируемыми по всем каналам коммуникации — по телевидению, в гляцевых журналах, в социальных сетях и блогах и т. п. Совершенствование тела осуществляется исходя из следующих побуждений:

- эстетических, связанных со стремлением к внешней привлекательности и сексуальности;
- социально-идентификационных, отражающих принадлежность к социальной группе, приверженность к авангардному искусству боди-арт или противопоставление личности обществу;
- индивидуально-психологических, выражающих личностную уникальность и историю жизни, импульсивность поведения, а также поиск острых ощущений.

В 2021 г. ВЦИОМ изучил отношение россиян к особенностям внешности других людей [4]. Более 60% опрошенных испытывают безразличие к тому, что в последнее время на обложках популярных журналов или в рекламе появляются изображения моделей с отличиями от общепринятых стандартов красоты, 20% смотрят на это положительно, а 15% — отрицательно. Однако среди главных качеств, свойственных женщинам, половина россиян все же выделяет «красоту» [5], косвенным образом поддерживая различные преобразования тела.

Массовая коммуникация наполнена посланиями о привлекательности и престижности телесных модификаций. В обществе стираются различия между разными их видами — вынужденными — по медицинским или эстетическим показаниям и связанными

с саморазрушающими действиями — татуировками, пирсингом, шрамированием, клеймением, раздвоением языка, введением искусственных имплантатов под кожу (в публикациях СМИ чаще используется термин имплант) и т.п. Психологи даже включают последние в разряд отклоняющегося поведения или социальной болезни [6]. Чаще всего к механическому декорированию тела прибегают люди, имеющие антисоциальный, истероидный, мазохистский и нарциссический тип личности. Отмечаются глубинные причины подобных действий, коренящиеся либо во внутренних переживаниях личности, либо в расстройствах психики:

- тенденции к уходу от реальности и неприятия образа «Я»;
- низком уровне развития самосознания и самоуважения;
- отсутствию рефлексии;
- неудовлетворенности собственным социальным статусом;
- неадекватной самооценке.

Противоречивость проблемы традиционных и массовых культурных практик настолько существенна, что обнаруживается даже в трактовке этих видов как «приемлемых» и «не приемлемых». В связи с этим справедливо возникают сомнения в субъектах отторжения, в историческом времени и сроках «неприемлемости». В политическом менеджменте появляются призывы запретить операции по модификации тела в России. Депутат Законодательного собрания Ленинградской области В. Петров предложил министру здравоохранения подумать над запретом в России операций по модификации тела, таких, как удаление ушных раковин, разрезание языка и вживление предметов под кожу [7]. Пластический хирург, доктор медицинских наук ЦНИИ стоматологии и челюстно-лицевой хирургии Минздрава Е. Вербо отмечает «настораживающую тенденцию»: под нож хирурга ложатся здоровые и привлекательные молодые женщины, а девушки-подростки ждут достижения совершеннолетия, чтобы «сделать губы как у Анджелины Джоли» или грудь «как у Мэрилин Монро» [8]. Согласно одному из социологических исследований, в ходе которого опрашивались эксперты (фитнес-тренеры, стилисты, тату-мастера, хирурги и косметологи), пластическая хирургия была признана самой рискованной техникой конструирования желаемого тела [9, 14]. Респонденты указали также на проблему качества осуществления тату-процедур, так как зачастую после них возникают осложнения: инфекции, дерматологические проявления системных заболеваний, приобретенная гиперчувствительность к красителям. Нужно добавить, что кожа человека — самый большой орган, выполняющий жизненно важные функции. Причем формирование внешности не самая главная из них, гораздо значительнее — разделительная, защитная, регулирующая и осязательная.

Между тем, в коммуникативном пространстве массмедиа происходят значимые изменения в отношении нетипичного, размываются и не имеют четкой границы стандарты «красоты» и «уродства», «нормы» и «не нормы». Благодаря социальным медиа, татуиров-

ка и пирсинг перестали быть отличительным знаком субкультуры или ритуала, а вошли в моду, меняя ценностные ориентиры молодого поколения [10].

Во-первых, привлекают внимание российской молодежной аудитории кинофильмы известных режиссеров о механическом декорировании тела, к примеру, «Американская Мэри» (2012, Канада), «Истинный облик» (2012, США) «Звезда» (2014, Россия), «Вечно молодой» (2017, Франция), «Мне по кайфу» (2018, Франция), «Скверный бог» (2019, Нидерланды) и др. Культура постмодернизма окончательно трансформировала человеческое тело, превратив его в симулякр, сделав тело — телесностью [11].

Во-вторых, человеческое тело широко используется для рекламирования. Персонажи видеорекламы все чаще украшены многочисленными татуировками. Таким образом продвигаются даже лекарственные средства, например спрей от боли в горле Тантум Верде Форте. Еще в 2011 г. компания «220 Вольт» запустила беспрецедентную в России акцию, предлагая сделать тату за деньги. Участник акции набивал себе логотип компании и получал за это 10 тыс. рублей. Эта организация стала первым в России распространителем рекламы на человеческом теле. Можно согласиться с предположением о том, что образцы канона красоты формируются в настоящее время не кинематографом, как это было в XX в., а в большей степени вездесущей рекламой [12, 75].

В-третьих, блогеры воспринимаются как инфлюенсеры с креативным подходом к новой эстетике телесности. Их преимуществами в сравнении с традиционными СМИ являются креативность и скорость реакции на повестку дня, что вызывает доверие и позволяет привлекать внимание аудитории [13]. Блогеры изменяют внешность с помощью хирургии, наносят татуировки и продают свое тело для рекламы. Так, блогер из Владивостока Е. Онопко продал свою шею для рекламы — набил названия аккаунтов девяти людей. Стоимость одного ника начиналась от 100 тыс. рублей [14]. В сетевом издании «Teendaily» отмечается, что модным трендом у блогеров и тиктокеров выступает полностью татуированное тело со множеством различных рассеянных элементов, авторская символика, геометрия, а также мини-тату, несущие в большей мере эстетический, а не смысловой характер [15].

В-четвертых, совершенствуются различные стили модификации тела в художественном направлении «боди арт», частью которого становится и татуирование. Тату-культура позиционирует себя как одно из направлений современного искусства, например, в работах известного фотографа Роджера Кисби [16].

Портрет тату-культуры, представленный в средствах массовой информации, характеризуется как неоднозначный с разного рода сюжетами [17, 153–155]:

- нейтральными с участием специалистов — историков, антропологов, криминалистов;
- негативными с участием психологов, которые включают рискованные модификации в разряд девиантного поведения;
- провокационными, призванными привлечь внимание к знаменитости и эпатировать публику.

Телесность в медийной реальности формируется по мере возникновения тех или иных ситуативных и преходящих «модных» тенденций, а массмедиа образы отличаются эклектичностью и стереотипностью [18, 44]. Например, тесная связь внешнего вида и здоровья может оказаться ложной в связи с обращением к пластической хирургии — достижением привлекательности путем создания дополнительных рисков для здоровья (такая идея высказывается в диссертационном исследовании Е. А. Гольман) [19].

Чтобы выявить представления молодых о здоровом образе жизни и о привлекательности внешнего облика, а также отношение молодежной аудитории

к модификации тела в условиях мощного влияния массмедийной культуры, можно обратиться к результатам прикладных исследований. Автор в 2019–2021 гг. осуществил ряд таких проектов на основе репрезентативной региональной выборки — в г. Воронеже [20]. В них использовались методы массового опроса, формализованного интервью, контент-анализа, проективные техники, а также вторичный анализ данных центров изучения общественного мнения.

Когда участников опроса спросили об отношении к здоровому образу жизни (ЗОЖ), оказалось, что их позиции сформировались по трем направлениям. См. таблица 1.

Таблица 1

Позиция молодежи по отношению к здоровому образу жизни, %

Позиция	%
Предпочитаю вести здоровый образ жизни с правильным питанием и двигательной активностью, с отказом от вредных привычек	33,2
Хотелось бы оздоровиться, но условия жизни не позволяют — не хватает времени	37,4
Пока здоров можно себя не ограничивать в удовольствиях	25,2
Другое: «занимаюсь спортом, но есть вредные привычки»; «сам не курю и вам не советую»; «отношусь положительно, но без фанатизма»; «хотелось бы оздоровиться, но лень»; «пытаюсь не есть вредных продуктов, иногда занимаюсь двигательной активностью» и т. д.	4,2

Наглядно видно, что треть респондентов следуют принципам ЗОЖ, а две трети — нет, уповая на молодость. Лозунгом этого фрагмента может стать такое высказывание: «Сложно в настоящее время вести здоровый образ жизни, поэтому я как все».

Фактор внешней привлекательности человека вышел на первый план в представлениях молодежи о том, что способствует возникновению чувства симпатии в межличностных отношениях женщины и мужчины, потеснив общность ценностей и коммуникабельность.

Что касается мнения молодых женщин о привлекательности девушки, то оно включало три компонента — социальный облик, физический облик и экспрессивность поведения. Во-первых, в социальном облике были выделены аккуратный внешний вид, одежда, которая идет, модные прически, был сделан упор на то, что девушка выглядит оригинально и выделяется среди других, следит за собой (44%). Во-вторых, в плане физического состояния упоминались здоровый внешний вид, правильные черты лица и стройная фигура (34%). В-третьих, экспрессивность описывалась следующими суждениями: девушка улыбочивая и веселая, она светится изнутри, харизматична, удовлетворена своим внешним видом, умеет подчеркивать индивидуальность (22%).

Чтобы выяснить, какими представлениями о красоте руководствуются молодые женщины, им было предложено выбрать пословицы и поговорки, отражающие закрепленные в сознании стереотипные образы. Получилась следующая картина:

— здравый смысл: «красота приглядится, а ум вперед пригодится», «истинной красоте не нужны украшения», «не родись красивой, а родись счастливой» (83%);

— негативный подход: «глаза лучистые, а мысли не чистые», «красна ягодка, да на вкус горька» (14%);

— материальный достаток: «тот умен, кто богато наряжен» (3).

Оказалось, что оценки в основном опираются на здравый смысл, а внешняя привлекательность связывается в большей мере с социально-психологическими характеристиками, а не с природными свойствами тела.

Большинство удовлетворено собственной внешностью, недовольных оказалось пятая часть, а затруднившихся ответить — 5%. Между тем социальные психологи пришли к выводу, что можно достаточно высоко оценивать свой внешний облик, но при этом быть обеспокоенным им [21, 180]. Судя по всему, беспокойство имеет место. См. таблица 2.

Таблица 2

Ориентация молодых женщин на подражание внешности знаменитостей, %*

На кого Вы хотели бы быть похожей?	%
На актрису, модель, певицу (А. Джоли, М. Беллуччи, Э. Хэттэуейн, Дж. Робертс, Н. Портман, М. Монро, О. Хэпберн, К. Найтли, П. Круз, Б. Лавлин, И. Шейк, К. Делевинь, К. Кардашьян, Дита фон Тиз, Д. Ловато, Ли Чжи Ын (IU), В. Брежневу, Б. Спирс, О. Серябкину и др.)	62,9

Другое (блогер, телеведущая, спортсменка, писательница, редактор журнала, политический деятель, дизайнер, модельер, музыкант, режиссер, ученый)	3,8
Ни на кого («не равняюсь ни на кого», «не хочу быть похожей», «не надо искать себе кумира», «я рождена оригиналом, не хочу быть чьей-то копией», «каждый человек индивидуален, не хочу быть похожей на кого-либо», «нет таковой»)	8,0
На себя («я сама себе идеал», «не особо слежу за знаменитостями, хотела бы найти себя и свой стиль, а не быть похожей», «не сотвори себе кумира», «на улучшенный вариант себя»)	4,7
Затруднились ответить	20,6

*Используются оригинальные суждения респондентов

Как видно, около 67% интервьюированных сориентированы на подражание внешности кумиров и лишь 13% не хотели бы быть похожими «ни на кого» или походить только на себя. Чаще всего упоминалась Анжелина Джоли — один из лидеров киноиндустрии по количеству татуировок. На спине актрисы надпись на кхмерском, защищающая от несчастий. Внизу живота — фраза «Что меня питает, то меня и убивает» на латыни, а также большой черный крест. Есть список широты и долготы, где каждый пункт — это место, где появились на свет дети (как родные, так и приемные), буква «М» на ладони в память об умершей матери [22]. Вопрос оказался сенситивным, поэтому пятая часть воздержалась от ответа.

По данным исследования ВЦИОМ, у большинства россиян никогда не было татуировок, и они не планируют их делать [23]. Более половины опрошенных нейтрально относятся к тем, кто имеет татуировки, еще 15% понимают и поддерживают любителей тату, а 27% не поддерживают или осуждают их.

Среди воронежских испытуемых вопрос о татуировках вызвал противоречивые реакции. Сложилось следующее отношение к татуированию (приводятся самые интересные высказывания молодых женщин).

Положительное — 46%:

— восторженное, как к искусству («чем больше на улицах татуированных людей, тем больше произведений искусства на тех же улицах», «на данный момент тату является таким же искусством, как раньше было создание картин», «у меня их шестнадцать и, таким образом, я навсегда оставляю что-то важное для себя», «это круто, смотря на свои татуировки человек мотивируется», «тату — это класс!»);

— положительное с выделением права распоряжаться своим телом («мое тело — мое дело», «каждый имеет право делать с собой то, что ему хочется и выглядеть так, как хочется», «это выбор каждой женщины»);

— положительное при определенных условиях («если закрывает шрам», «если несут смысл», «если небольшие и сделаны аккуратно», «если не уродуют и идут ее образу», «если нет аллергии на краску», «если не переборщить»);

— положительное как способу самовыражения («я с татуировками чувствую себя красивой», «это возможность утвердить свою независимость», «помогает девушкам чувствовать себя уверенно»).

Отрицательное — 18%:

— больше негативное, чем позитивное («в этом нет ничего привлекательного», «нравится естественная

красота», «не вижу в этом смысла», «со временем у них ухудшается внешний вид», «процедура может быть опасной для здоровья», «это для мужчин, женщинам их делать не стоит»);

— крайне негативное («не эстетично», «вульгарно», «уродует», «захламляет тело», «ухудшает внешний вид», «тело — это храм»);

Нейтральное — 31%: («равнодушно, но себе бы делать не стала», «они же их делают себе, а не мне», «мне все равно», «нравится — делай, не нравится — не делай»).

Очевидно, что положительные и нейтральные оценки преобладают в значительной степени. Надо сказать, что удельный вес отрицательных высказываний растет по мере увеличения возрастного статуса и осознания рисков, вреда для кожи и внешнего вида в целом.

По отношению к пластической хирургии молодые женщины разделились практически на две равные группы — с положительными и отрицательными коннотациями. Негативное отношение связано в большей мере с опасением по поводу вреда пластических вмешательств в целом и недоверия к специалистам, которые делают такие операции, в частности. В то же время пятая часть убеждена в большей привлекательности естественного внешнего вида.

Лишь 2% участниц исследования ничего не принимают для сохранения и улучшения своего физического облика, полагая, что молодости достаточно. Остальные обращаются ко всевозможным методам и процедурам, используя разные подходы. Если их проранжировать, то первое место занимает оформление внешности с помощью косметики, макияжа, парфюмерии, красивой одежды и обуви (41%). Второе место отводится тщательному уходу за волосами, лицом, телом и косметологическим процедурам (33%). Третье место — поддержанию здорового образа жизни (питанию, витаминам, БАДам — 18%). Что важно, модификация тела с помощью хирургического вмешательства, татуировок и пирсинга в реальной практике применяется 4% опрошенных.

Итак, проблема телесных модификаций, как в теоретическом плане, так и в практической реализации, отличается высокой степенью неоднозначности. В ходе воронежских эмпирических исследований было выявлено противоречие между массовыми и традиционными культурными практиками. Среди молодых женщин распространено одобрение механических модификаций, хотя их позиция по отношению, например, к тату-

ированию формируется как противодействие внешнему давлению со стороны социальных институтов семьи и образования. Однако в целом стремление молодых к внешней привлекательности все же основывается на рациональном подходе к совершенствованию тела с помощью обычных нерискованных методов.

Вместе с тем современная массмедиа-культура оказывает значительное воздействие на представления молодежи о телесных модификациях. Социальные медиа, апеллируя к молодому поколению, тиражируют ненормативные образцы «прекрасного тела», формируют модель демонстративно-статусного потребления. В медийном контенте противоречиво соседствуют конструктивные и деструктивные тенденции. Презентируются эталоны телесного канона и модного поведения — разнообразие, гендерная нейтральность и толерантность, а также и чрезмерности, граничащие с безвкусицей, эпатаж и риск для здоровья. Креативно информировать молодежную аудиторию о конструктивных подходах к оформлению внешности (костюме, косметике и макияже), двигательной активности и здоровому питанию в противовес рискованным манипуляциям, демонстрировать нейтральные сюжеты с компетентным подходом специалистов — возможный путь повышения эффективности медиаконтента. Назрела необходимость законодательного регулирования блогосферы.

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. Введение. Постановка проблемы / М. М. Бахтин. 1990. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/bakhtin_rablai.pdf.
2. Орлова И. Б. Взаимопересечения социологии знания, социобиологии и социологии тела / И. Б. Орлова // Власть. 2014. № 9. С. 100105.
3. Гольман Е. А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования: автореф. дис. канд. социол. наук / Е. А. Гольман. М., 2015. 30 с.
4. Бодипозитив: новый взгляд на внешность. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/bodipozitiv-novyyi-vzglyad-na-vneshnost>.
5. «Левада-Центр»: 50% россиян назвали «красоту» главным качеством женщин.— URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/news/242421-levada-gender-stereotypes>.
6. Березовская С. Психологические аспекты модификации тела / С. Березовская. URL: <https://www.b17.ru/article/93386/>; Фесенко Д. А. Влияние современной медиапродукции на подростковые стремления к модификации тела / Д. А. Фесенко, С. В. Книжникова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 37. С. 161–165. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95655.htm>.
7. См.: Российский депутат предложил запретить операции по модификации тела. // Свободная пресса.— 1 дек. 2021 г. URL: <https://svpressa.ru/health/news/238369/>
8. Емельяненко В. Заболеть красотой. Куда ведет бум на пластические операции // Российская газета Столичный выпуск. 01.04.2019. № 71(7829). URL: <https://rg.ru/2019/04/01/kuda-vedet-bum-na-plasticheskie-operacii.html>.
9. См.: Антонова Н. Л. Тело как проект: практики конструирования / Н. Л. Антонова, А. В. Меренков // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического ун-та. Сер. Социально-экономические науки. 2019. № 2. С. 8–20.
10. См.: Русанова А. А. Специфика репрезентации атипичной телесности в массовых коммуникациях / А. А. Русанова // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып.9. С. 123–126; Трушина Т. Л. Презентация тела в современной моде: от гламура к гендерной флюидности / Т. Л. Трушина // Вестник Челябинского гос. ун-та.— Сер. Философские науки. 2018. No 2(412). Вып. 47. С. 74–78.
11. Сколота З. Н. Эстетика «новой телесности» в виртуальном пространстве / З. Н. Сколота // Международный научно-исследовательский журнал. Философские науки. 2012. Вып.6. URL: <https://research-journal.org/philosophy/estetika-novoj-telesnosti-v-virtualnom-prostranstve/>.
12. Трушина Т. Л. Презентация тела в современной моде: от гламура к гендерной флюидности / Т. Л. Трушина // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. Философские науки. 2018. Вып. 47. No 2(412). С. 74–78.
13. От блогеров к инфлюенсерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10560>.
14. Блогер с тату-рекламой на шее набил ник сексолога с ошибкой. URL: <https://360tv.ru/news/obschestvo/bloger-s-tatur-reklamoj-na-sheej-nabil-nik-seksologa-s-oshibkoj/>.
15. См.: Единороги, как у Милохина, или надписи, как у Вали Карнавал: что о блогерах говорят их татуировки. URL: <https://teendaily.ru/news/zvezdny-stile/edinorogi-kak-u-milohina-ili-partaki-kak-u-edy-miller-cto-o-blogerah-govorat-ih-tatuirovki>.
16. Самовыражение, или 16 женщин, рискнувших «примерить» бодмод. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/170715/25335/>.
17. Воробьева Е. С. Татуирование как объект социологического исследования / Е. С. Воробьева // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 3(86). С. 148–161.
18. Роговец О. В. Телесность в массмедиа образах / О. В. Роговец // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2018. № 3(14). С. 40–44.
19. Гольман Е. А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования: автореф. дис. канд. социол. наук / Е. А. Гольман. М., 2015. 30 с.
20. См.: подробнее: Красова Е. Ю. Ценностные ориентации двух поколений воронежцев: сравнительный анализ / Е. Ю. Красова, Д. О. Мельникова // Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. 2019. № 4. С. 49–55; Красова Е. Ю. Представления воронежской молодежи о любви как жизненной ценности (социологический анализ) / Е. Ю. Красова // Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. 2020. № 4. С. 57–64; Красова Е. Ю. Внешняя привлекательность в имидже молодой женщины / Е. Ю. Красова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2021. № 3. С. 115–119.
21. Лабунская В. А. Обеспокоенность и удовлетворенность студентов своим внешним обликом / В. А. Лабунская, Е. В. Капитанова // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 1. С. 167–183.
22. Натальная живопись: 100 звездных тату.— URL: <https://www.wday.ru/krasota-zdorovie/beauty-gid/100-zvezdnyih-tatuirovok/>.
23. ВЦИОМ выяснил отношение россиян к татуировкам. URL: <https://ria.ru/20190723/1556784248.html>.

Владимир Листенгартен

Многотиражные газеты вузов региона: современные аспекты

Аннотация: в статье содержится обзор многотиражных газет вузов Воронежской области, анализ характерной для них тематики публикаций, позволяющий судить об их роли в современной вузовской жизни.

Ключевые слова: многотиражные газеты, вузы Воронежской области, достижения, опыт, наука, люди.

В XXI в. не только выросло число высших учебных заведений, но и более значимой стала их роль. Это явилось отражением объективных обстоятельств: повышения значения развития научных исследований и их внедрения в практику, значительного увеличения числа студентов, усиления роли вузов в социально-экономическом и культурном развитии регионов, в которых они расположены [1].

Не случайно Президент России В. В. Путин на XI съезде Российского союза ректоров четко обозначил для вузов целевую установку «...стать центрами развития технологий и кадров, настоящими интеллектуальными локомотивами для отраслей экономики наших регионов» [2].

В связи с этим в структуре самих высших учебных заведений повышается роль выходящих в них

многотиражных газет, меняются их функциональные и содержательные задачи.

Как известно, вузовские многотиражные газеты создавались и функционируют как периодические издания конкретного коллектива и ставят своей целью информирование тех, кто в нем работает и учится, только собирается стать студентом, а также представителей заинтересованных организаций о жизни, делах, достижениях и планах коллектива вуза и его структурных подразделений, участие в формировании общественного мнения.

В современных условиях, с развитием электронных носителей и созданием в каждом вузе информационного сайта, функция оперативного информирования практически ушла из многотиражных газет. Зато они усилили свою аналитическую составляющую; больше стали выступать как «визитная карточка» вуза, публиковать материалы, рассказывающие о достижениях, передовом опыте, людях, проблемах, которые решаются в коллективе и стоят перед ним.

Представляется полезным, исходя из сказанного выше, проанализировать современные публикации многотиражных газет вузов Воронежской области.

В настоящее время они выпускаются в 8 высших учебных заведениях из 17 вузов региона (см. таблицу 1).

Таблица 1

№№ пп	ВУЗ	Наименование газеты	Год начала издания
1.	Воронежский государственный университет	Воронежский университет	1929
2.	Воронежский государственный аграрный университет им. Петра I	За кадры	1929
3.	Воронежский государственный педагогический университет	Учитель	1931
4.	Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко	Медицинские кадры	1949
5.	Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова	За лесные кадры	1965
6.	Воронежский институт МВД РФ	Известия	1992
7.	Воронежский институт высоких технологий	Виват!	2003
8.	Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина	Патриот	2008

Об авторе: Листенгартен Владимир Семенович, кандидат исторических наук, доцент, советник ректора Воронежского госуниверситета, ученый секретарь Совета ректоров вузов Воронежской области.

Как видно, самые «возрастные» из них — газеты Воронежского государственного университета, которая за 93 года издания трижды меняла названия («Красный университет», «За научные кадры», «Воронежский университет»), и Воронежского аграрного университета «За кадры».

Самым «молодой» по времени начала выхода в свет является газета Военно-воздушной академии им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина.

Для современных вузовских газет характерно обилие цветных фотографий, красочное оформление, увеличение объема. Увеличились и временные промежутки между номерами. Основное место теперь отводится материалам, более подробно освещающим разностороннюю жизнь вуза.

Следует отметить как положительный факт, что каждая из вузовских газет региона по оформлению и подаче материалов имеет «лица не общее выражение», сформировала свой стиль.

С разной степенью активности в газетах (и это характерно для всех анализируемых изданий) находят отражение общие группы тем, которые наиболее характерны. Остановимся на них, опираясь на примеры, взятые из номеров газет разных вузов, вышедших в свет в 2020–2022 гг.

Материалы, отражающие историю и традиции вуза

Форма подачи их разнообразна: от изложения фактов, повествующих о различных этапах создания и становления вуза, воспоминаний ветеранов и выпускников, до очерков, посвященным тем, кто ушел жизни, но оставил заметный след в создании и развитии вуза.

Так, газета «Воронежский университет» [3] в течение обозначенного временного периода размещала на своих страницах материалы, посвященные бывшим ректорам Юрьевского университета В. Г. Алексею (1866–1943), Воронежского государственного университета В. В. Гусеву (1931–2007), профессорам Н. Г. Нифонтову (1899–2001), Н. Н. Бурденко (1876–1946), открытию мемориальных досок в память крупных ученых-лингвистов И. П. Распопова (1925–1982) и А. Н. Ломова (1935–2018), истории стройотрядовского движения.

В газете Воронежского государственного педагогического университета (ВГПУ) «Учитель» [4] в связи с 90-летием вуза был размещен целый ряд материалов: воспоминаний, выдержек из дневника одного из первых студентов, обзор книг, выпущенных к юбилею вуза.

Газета Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г. Ф. Морозова (ВГЛТУ) «За лесные кадры» [5] отразила факты истории, рассказав об открытии музея вуза.

Газета Военно-воздушной академии им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина «Патриот» [6], обращаясь в первую очередь к курсантам, посвятила статьи празднику День защитника Отечества и тому, как он отмечается в академии.

Материалы о достижениях вуза

Они занимают большое место в публикациях вузовских газет. Буквально в каждом номере всех проанализированных изданий рассказывается об открытиях ученых вуза, научных исследованиях молодежи, участии в научной работе студентов, научных конкурсах и конференциях. 2021 год для этого был особенно «стимулирующим», так как все вузы приняли участие в объявленном президентом России Годе науки

и технологий. Статьи и интервью по этой тематике насыщены конкретными примерами и фактами, отражают конкретный опыт.

«Воронежский университет», например, только в одном номере разместил материалы о результатах исследований филологами ВГУ современной поэзии и приобщении к науке молодежи.

«За лесные кадры» дает обзор участия ученых ВГЛТУ в XI Национальной научно-технической конференции и проведении научно-практической конференции «Арктика: инновационные технологии, кадры и туризм». Причем это не просто информация, а содержательные публикации, содержащие и конкретные факты, и конкретные фамилии тех, кто добился научных успехов.

Газета «Патриот» посвящает свои статьи разработкам, которые получили положительную оценку специалистов российской армии, работе «научной роты», где проходит обучение и службу талантливая молодежь, результаты конкурса на лучшую научную разработку.

Газета «За кадры» Воронежского государственного аграрного университета им. Петра I (ВГАУ) [7] много внимания уделяет научной молодежи. Об этом наглядно свидетельствуют даже заголовки статей: «Студенты приняли участие в конкурсе молодых ученых», «Наука молодых», «Молодежный вектор развития аграрной науки».

Материалы о внедрении научных исследований в практику, связи с производством

Данная тема тесно связана с предыдущей (тема достижений в научных исследованиях). Материалы на эту тему читатель найдет в каждом из анализируемых вузовских изданий, но наиболее ярко она представлена на страницах газеты «Медицинские кадры» [8].

Так, газета из номера в номер обобщает взаимодействие кафедр и факультетов медуниверситета с врачами и лечебными учреждениями, рассматривая опыт, направления работы и задачи профилактической медицины, результаты реализации программы «Наука — практике», публикует материалы круглого стола ученых университета с врачами общей практики и др. При этом подчеркнем, что редколлегия добивается, если так можно сказать, «хорошей читабельности» всех материалов, а следовательно, внимания и интереса всех категорий читателей.

Рассказы о людях

Все газеты, которые нам довелось анализировать, много места отводят рассказу о людях. И это закономерно, ибо максима «все дело в людях» не теряет своей актуальности в современных условиях. Используя различные формы (очерк, зарисовка, интервью), авторы предоставляют читателям (а это и те, кто работает, и те, кто учится, и те, кто только готовится стать студентом, и те, кто входит в категорию «друзей и партнеров вуза») возможность лучше узнать тех, кто воплощает в себе наиболее положительные и яркие черты вузовского ученого и педагога. Думается, это особенно важно для

молодежи, так как жизненный пример для нее не потерял и не теряет своей значимости.

В подтверждение сказанного приведем всего три примера из трех вузовских газет (хотя они, повторимся, имеются в каждой газете).

«Воронежский университет» в номере от 30.03.2022 опубликовал интервью П. Пономарева с доктором культурологии, профессором Т. А. Дьяковой. Притом, что интервью является одним из самых сложных журналистских жанров, ему в разговоре удалось выявить самые главные стороны подхода педагога и ученого к своей работе: справедливость по отношению к студентам, значение педагогического диалога («педагогика сотрудничества»), размышления о роли личности преподавателя, который призван давать студенту не только знания.

Благодаря интервью зримо возникает образ университетского ученого с активной жизненной позицией: ведь Т. А. Дьякова еще и главный редактор интереснейшего альманаха «Университетская площадь», и научный руководитель Воронежского литературного музея. Ненавязчиво и последовательно интервью подводит читателя к осознанию значения творческой атмосферы в университете, и активного нахождения в ней преподавателя и студента, и стремления не останавливаться, чтобы двигаться вперед.

Газета «За лесные кадры» представила читателям очерк о профессоре В. М. Бугакове, выпускнике ВГЛАТУ (тогда института), прошедшего путь до ректора (2005–2015), продолжающего и сейчас активную творческую и общественную деятельность. Очерк А. Ступченко озаглавлен «Формула успеха В. М. Бугакова», и все его содержание стремится ее «расшифровать». Герой очерка говорит о том, что главным, что помогало ему в жизни и вело по ней — это люди: родители, семья, учителя, наставники, у которых он старался перенять трудолюбие, ответственность, добросовестное отношение к любому делу. Свою жизнь В. М. Бугаков не отделяет от родного вуза: «Для меня ВГЛТУ это не работа — это моя жизнь», — говорит он и считает свое участие в его развитии главным для себя. Сказано в очерке и о любви героя к спорту и книгам, которые тоже входят в «формулу успеха».

Исходя из фактов жизненного пути своего героя и его размышлений, автор очерка сумел избежать словословия, что делает текст одновременно и поучительным, и интересным для читателя, особенно молодого.

«Медицинские кадры» в одном из своих номеров посвятили целую газетную полосу рассказу о жизненном пути профессора А. Н. Пашкова (автор Л. Машурова). Поводом для этого стало награждение героя материала общенациональной премией «Профессор года».

А. Н. Пашков — заслуженный работник высшей школы России, доктор биологических наук, заведующий кафедрой биологии, заслуженный профессор ВГМУ им. Н. Н. Бурденко, академик ряда общественных академий. Его жизненный путь отражает целеустремленное движение к постоянному научному и творческому росту, и это не просто «карьерная лестница», а достижение конкретных результатов, имеющих значение для науки, подготовки специалистов, развития вуза.

Именно это и показывает на большом числе фактов автор статьи.

Думается, что все три приведенных примера (а их можно продолжить) наглядно свидетельствуют, что при всем жанровом разнообразии — интервью, очерк статья — материалы о людях в многотиражных газетах вузов служат целям воспитания молодежи, формируют у них отношения к жизни и овладению избранной профессией.

Конечно, тематика номеров вузовских газет более разнообразна и зависит она от специфики вуза, решаемых их коллективами текущих и перспективных задач, но то, о чем сказано в данном обзоре, отражает общие тенденции, характерные для всех современных многотиражных газет вузов региона, и позволяет сделать следующие выводы.

1. Вузовские многотиражные газеты в современных условиях доказали, что они необходимы коллективам, делают полезное и нужное дело. Здесь главное — не довольствоваться достигнутым, исходить из тех задач, которые решает вуз, «держать руку на пульсе» этих задач и проблем, откликаться на злободневные вопросы, не уходить от них. На сегодняшний день таких материалов явно недостаточно.

2. Важно расширять актив газеты, привлекать в качестве авторов талантливую студенческую молодежь, поддерживать ее, помогать ей.

3. В материалах газет следует больше внимания уделять вопросам повседневной учебной работы, культуры, формирования личности будущего специалиста, духовно-нравственной атмосферы вуза. Это вовсе не значит, что таких материалов нет, но они должны занимать значительно больше газетной площади.

4. Исходя из объективного требования укрепления и развития межвузовского взаимодействия и сотрудничества [9], необходимо повышать эффективность взаимодействия вузовских газет, обмен опытом работы.

В настоящее время при Совете ректоров вузов Воронежской области сформирован Совет редакторов многотиражных газет, вузовские многотиражки курирует кафедра теории и практики журналистики факультета журналистики ВГУ (декан профессор В. В. Тулупов, зав. кафедрой Ю. А. Гордеев). Изданная в мае 2022 г. содержательная брошюра В. В. Тулупова [10], несомненно, окажет газетам вузов большую помощь. Регулярно проводятся смотры-конкурсы вузовских многотиражных газет. Но приходится признать, что такое сотрудничество и взаимодействие, анализ работы и обмен опытом могли бы (и должны) быть более регулярными и давать большую отдачу.

Было бы полезно иметь профильную общественную структуру на правах комиссии в рамках Российского союза ректоров, как это сделано в отношении вузовских музеев. Определенную объединяющую роль могла бы, на наш взгляд, сыграть и общевузовская газета «Вузовский вестник» — издание авторитетное и ориентированное на передовой вузовский опыт [11, 12].

5. Редакторы и редколлегии вузовских многотиражных газет имеют уникальную возможность в своей работе опираться и использовать интеллектуальный

потенциал коллективов кафедр и факультетов составляющих — преподавателей, сотрудников и студентов со всем многообразием их научных, культурных и общественных интересов.

И безусловно, вузовским многотиражным газетам необходимы постоянное внимание и помощь со стороны ректоратов. Совет ректоров вузов Воронежской области настраивает вузовских руководителей именно на такое взаимодействие.

г. Воронеж

Литература

1. Садовничий В. А. Тридцать интервью / В. А. Садовничий. — М.: факультет журналистики МГУ, 2022. — 318 с.
2. Путин В. В. Выступление на XI съезде Российского союза ректоров / В. В. Путин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования». — 2018. — № 2. — С. 5–10.
3. Воронежский университет // Газета Воронежского государственного университета.
4. Учитель // Газета Воронежского государственного университета.
5. За лесные кадры // Газета Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г. Ф. Морозова.
6. Патриот // Газета Военного учебного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина».
7. За кадры // Газета Воронежского государственного университета им. Петра I.
8. Медицинские кадры // Газета Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко.
9. Ендовицкий Д. А. Ректорский вектор: сборник избранных статей и интервью / Д. А. Ендовицкий. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020.
10. Тулупов В. В. Газета в вузе: сфера журналистики и PR / В. В. Тулупов. — Воронеж: факультет журналистики ВГУ, 2022.
11. Вузовский вестник // Информационно-аналитическая газета о высшем образовании в России. — Режим доступа: <http://www.vuzvestnik.ru/> (дата обращения: 30.06.2022).
12. Шолохов А. Б. В поисках истины: книга воспоминаний / А. Б. Шолохов. — М.: ЮнивестМедиа, 2020. — 262 с.

Виктор Силин В списке не значился

Как получилось так, что в список редакторов газеты «Коммуна» не включили Петра Загорулько, до сих пор остается загадкой.

Первым, кто докопался до истины, оказался наш земляк, а ныне краевед из Орла, доктор филологических наук Алексей Кондратенко. Перебирая архивные документы газеты «Орловская правда», он наткнулся на несколько папок, в которых были подшиты личные дела сотрудников редакции за первые послевоенные годы. Среди прочих здесь оказалось и личное дело Петра Загорулько. И не случайно. А все потому, что с октября 1947-го по ноябрь 1949-го, то есть два года, он работал ответственным секретарем «Орловской правды». Самым же ценным документом была собственноручно написанная им автобиография.

Петр Загорулько родился в июле 1908 года в Барнаульском уезде Томской губернии. В девять лет остался без родителей. То был год огромного перелома, год двух революций. Страшные бедствия и голод обрушились на Россию. Как выжил беспризорник Петя Загорулько — остается только диву даваться. А ведь с революцией, а затем и с Гражданской войной лавиной надвинулись болезни — тиф, малярия, грипп, который тогда называли инфлюэнцей. Но каким-то чудом мальчишка выжил. Значит, судьбе было так угодно, она (судьба) предполагала пристроить паренька на какое-то только ей известное и удобное дело. Но это дело, главное в его жизни, вначале даже не просматривалось.

Выкарабкавшись из курных подвалов и полуразрушенных построек, где обитали беспризорники, Петя какое-то время батрачил, а потом, освоив столярное дело, устроился на завод. Не обошел его стороной и ликбез, то есть ликвидация безграмотности. И каким-то непонятным образом потянуло парня на сочинительство. Он начал писать заметки для городской газеты «Рабочий путь», стал завсегдаем редакции, и журналисты стали ему давать конкретные задания: написать о выполнении плана на участке, где Петр работал, о передовиках. И в конце концов, убедившись в пригодности парня к журналистике, Омский горком ВКП(б) дал ему направление на работу в газету «Рабочий путь». Было это в 1930 году. Петр с головой ушел в новое для него дело. А через какое-то время Центральный комитет ВКП(б) направил его на учебу в Ленинград, в Коммунистический институт журналистики. В 1938 году Петр Трофимович, окончив вуз, с дипломом профессионального журналиста приехал в Воронеж и его сразу же утвердили в должности главного редактора, или, как тогда она называлась,

«ответственного редактора». Произошло это событие в биографии Загорулько 10 мая 1938 года.

На тот момент ему еще не было и тридцати, так что даже по меркам того времени у Петра Трофимовича произошел настоящий карьерный взлет. Заместителем у Загорулько стал В. Д. Полонский, исполнявший до него обязанности ответственного редактора. Загорулько повезло уже в том, что в «Коммуне» на ту пору работали настоящие асы — журналисты-очеркисты Алексей Шубин, Михаил Морев, Борис Дьяков, Исай Штейман, Михаил Литвинов, Николай Садковой, Борис Дальний. Но с приходом в редакцию нового человека, тем более отучившегося в Ленинграде, не могли не произойти хоть какие-то (при всей жесточайшей регламентации «сверху», что можно печатать, а что нельзя) изменения во внутривнутриполитической стратегии газеты. Прежде всего Загорулько усилил информационный блок. На первой странице появилась рубрика «По Воронежской области» — информационная подборка с обязательной фотографией. Меньше стало официоза, больше — репортажей, очерков, фельетонов. Появились и новые рубрики, связанные с культурой, литературой, искусством. Одна из них — «Над чем работают воронежские писатели».

Сам же Петр Трофимович писал, может быть, и много — передовые статьи, отчеты с пленумов, еще какой-нибудь официоз — но фамилия его за все время появилась под небольшой критической корреспонденцией всего-то лишь однажды. И две заметки подписаны «П. Т».

В Воронеже Петр Загорулько женился. Нам удалось разыскать его дочь Ларису Петровну и внучку Елену Леонидовну.

— Мои родители познакомились в том самом 1938 году, когда отец приехал на работу редактором в Воронеж, — говорит Лариса Петровна. — А произошла их встреча на вечере в педагогическом институте. Мама, Анна Николаевна Анохина, Анечка, училась тогда на втором курсе литературного факультета. И вскоре они поженились. Мама рассказывала, что отец обладал потрясающим чувством слова, писал рассказы для детей и никогда не делал грамматических ошибок. Думаю, что такая природная грамотность передалась мне от отца. И еще я на него похожа. А Коммунистический институт журналистики он окончил с отличием.

В Воронеже, однако, у Петра Трофимовича не сложились ни трудовая биография, ни семейная жизнь.

Молодая пара Загорулько вскоре развелась, и Петр уехал из Воронежа, не зная, что станет отцом.

— Но когда я родилась, — продолжает Лариса Петровна, — мама отцу сообщила об этом событии. Он очень обрадовался. И пока был жив, помогал нам материально.

Вскоре началась Великая Отечественная. И, как дошли слухи до Анны Николаевны, ее муж капитан Петр Загорулько стал военным корреспондентом «Красной звезды». А после войны работал в «Орловской правде».

— Когда из военкомата пришло сообщение, что отец умер (а произошло это или в 1951, или в 1953 году, точно не помню, так как была совсем девочкой), то я просто рыдала. Убежала куда-то с подружкой, и слезы лились сами собой. Пусть он с нами не жил, но я знала, что он жив и если мне будет плохо, отец обязательно придет, поможет...

О Петре Трофимовиче в «Коммуне» даже по прошествии двадцати лет помнили:

— Мама как-то зашла в типографию, разговорилась с наборщицами, и те, узнав, что она была женой Загорулько, воскликнули: «Помним, помним Петра Трофимовича! Хороший был человек».

Однако вернемся в 1938-й год. Чем же жила «Коммуна» с мая 1938-го по ноябрь 1939-го? Тем же, чем и жила вся страна, огромный Советский Союз. Шло выдвижение кандидатов в депутаты в Верховный Совет РСФСР, советские люди с болью и тревогой следили за сообщениями с фронтов Испании, клеймили позором представителей «правотроцкистского блока» — Бухарина, Рыкова, Зубарева, Крестинского, Иванова, Ягоду... Все это не обходило стороной и Воронежскую область. А еще ширилось Стахановское движение. В 1938-м году в типографии «Коммуны» в газетном цехе работали семь стахановцев, десять ударников и шестнадцать отличников. На очередном партсобрании подобно положению взволновало журналистов Докукина и Жуковина: «В фабрично-заводском комитете — грязь и беспорядок, нет нормальных условий для работы. Роста стахановцев нет, как профессионального, так и численного, нет и заботы о стахановцах».

А вскоре критика, и довольно жесткая, прозвучала в адрес самого Петра Загорулько. Прочитирую запись из партийного протокола: «До сего времени газета “Коммуна” не имеет заведующего отделом пропаганды, хотя кандидатура давно подобрана — тов. Цвирко К. М., который вполне оправдывает свое назначение. Тов. Цвирко К. М. член ВКП(б) с 1927 г., имеет достаточную политподготовку, окончил Коммунистический институт журналистики (КИЖ) и Центральные газетные годичные курсы при ЦК ВКП(б), до учебы был на газетной работе. Сейчас — в отделе пропаганды “Коммуны”».

Что подвигло Воронежский обком ВКП(б) заняться такой масштабной проверкой того, как в «Коммуне» поставлена работа по освещению теоретических и пропагандистских вопросов, сейчас трудно сказать. Но то, что редакционных работников перешерстили более чем основательно, — однозначно. А чтобы соблюсти объективность проверки (скорее всего, ее видимость) даже привлекли «человека со стороны»: главным проверя-

ющим назначили заведующего отделом пропаганды газеты «Сталинское знамя» из Рязани М. Израильсона. При желании «накопать» негатив всегда можно. В вину редакции, а значит, и редактора, вменялся недостаток на страницах «Коммуны» теоретических статей местных лекторов, плохое освещение опыта самостоятельного изучения рабочими марксизма-ленинизма (покажите мне хоть одного станочника, читающего «Капитал» К. Маркса), критиковали и за то, что не уделяется должное внимание работе пропагандистов, лекторов, что газета не пишет о марксистско-ленинском воспитании советской интеллигенции, а поднятые вопросы не доводятся «Коммуной» до полного решения. И так далее и тому подобное.

Но этим дело не ограничилось.

Отдел пропаганды и агитации обкома решил самостоятельно проверить журналистов «Коммуны». И тут в дело пошла хорошо проверенная и безотказная методика — «глас народа». В докладной записке инструктор отдела пропаганды и агитации обкома ВКП(б) товарищ П. И. Поваляев сообщал: «Один из авторов (по-видимому, лектор) заявил: «Работники отдела пропаганды “Коммуны” и тов. Загорулько боятся своих местных авторов, с которыми к тому же надо еще и работать».

А вот какие аргументы привел преподаватель С. Шевченко: «Мне заказали написать статью “9-е января”. Я задание выполнил и, прежде чем идти в редакцию, прочитал ее лекторской группе обкома партии, представители которой дали о статье хороший отзыв, после чего сдал статью в редакцию. Но редакция, получив статью из Москвы, мне в публикации отказала. Просто как обухом по голове, даже не сказали, в чем дело и не дав никакой критики». Уже по этому тексту можно судить, каков литературный уровень у обиженного С. Шевченко.

Был еще и некий Г. Федянин, которому «давали много тем и после их выполнения “Коммуна” отказывалась их печатать без всяких на то причин (причина одна — полнейшая графомания. — В. С.). После чего я не стал писать в “Коммуну”, а пишу в “Молодой коммунар”. Таким образом “Коммуна” поступила со многими другими авторами...». Все это, конечно, подтасовки. При тираже в 80 тысяч экземпляров газета имела более двухсот внештатных авторов. Ну а среди такого числа сотрудничающих с «Коммуной» всегда найдутся графоманы, творения которых ни при каких обстоятельствах печатать невозможно.

В конце концов дело дошло до того, что вопрос вынесли на заседание бюро обкома ВКП(б). После доклада Петра Загорулько итог подвел второй секретарь Владимир Иосифович Тищенко. Вывод был самый что ни на есть жесткий: «Признать работу редакции газеты “Коммуна” по печатной пропаганде неудовлетворительной». А редактору Загорулько поручалось разработать и представить на утверждение обкома ВКП(б) конкретные мероприятия по улучшению работы отдела пропаганды. Однако заниматься этим Петру Трофимовичу уже не пришлось. Последний раз он подписал «Коммуну» 29 ноября 1939-го года, а с 20 декабря ответственным редактором стал П. Ф. Саленко.

Загорулько не предали суду, не дали ему десять лет лагерей, не расстреляли. Удивительно, почему

снизошла такая милость. Ему повезло. Дело в том, что 18 января 1938 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором, как писала «Правда», было принято постановление, требовавшее «всемерно повысить большевистскую бдительность партийных масс, до конца выкорчевывать всех вольных и невольных врагов партии. Для того, чтобы успешно разрешить эту задачу, необходимо ликвидировать до конца и без остатка практику огульного, вольного подхода к членам партии». Парторганизации обязывались привлекать к ответственности всех тех, кто был виноват в клевете на членов партии.

Так что все эти необоснованные проверки, увольнение с должности можно рассматривать в отношении

Петра Трофимовича Загорулько не иначе как клевету. Но никто об этом официально не заявил, да и сам Загорулько не подавал на этот счет никаких заявлений. Хорошо, что все и так обошлось. На заседании парткома редакции и типографии «Коммуны» 25 декабря 1938 года стоял всего лишь один вопрос: «О проведении новогоднего праздника». Дело в том, что Новый год до этого официально не отмечали. И вот с подачи молодого редактора в коллективе редакции и типографии решили провести торжества по встрече 1939 года. На следующий же праздник по случаю встречи нового 1940 года Петр Загорулько уже не пришел.

<https://communa.ru/redakcia/istoriya-gazety/ocherki/116915/>

Владимир Тулунов

Медиа в условиях информационной войны

Аннотация: в статье рассматривается понятие информационной войны, ее современные признаки, методы и приемы в «эпоху постправды», отличающейся наличием конкретных принципов (истина не важна — важно впечатление; эмоции находятся в приоритете над фактами в оценке новостей), средств (апелляция не к логике, а к эмоциям и рефлексам; стереотипизация сознания; мифологизация; фейки и дипфейки); вектора и характера коммуникации (идеологическая предвзятость и политическая ангажированность медиасообщений; отсутствие доказательной базы и сознательный отказ от факт-чекинга) и особой среды распространения (интернет, социальные сети). Объясняется специфика восприятия политической информации в России. Особое внимание уделяется фейкам и его разновидностям. Приемы манипулирования как элементы медивойны иллюстрируются примерами современных фейковых историй, создаваемых украинскими пропагандистами.

Ключевые слова: журналистика, информационная война, постправда, приемы манипулирования, фейк, ток-шоу, Украина.

Информационное противостояние в СМИ существовало всегда, но оно особенно активизировалось с развитием интернета, социальных сетей, телеграм-каналов и др. Если еще несколько лет назад медиаисследователи были осторожны при обозначении данного явления, применяя словосочетания типа «информационное давление», «информационно-психологическое противостояние» [1, 2–4], то по мере обострения международной ситуации, которое коснулось и непосредственно России, утвердилось понятие **информационной войны** [2, 135–140], имеющей определенные признаки:

— информационная война никогда официально не объявляется, а часто даже отрицается сам факт ее ведения;

— «мирная» инфраструктура противника (посольства, корпункты СМИ и др.) используются для боевых действий;

— информационная деятельность осуществляется в условиях свободы СМИ и абсолютной прозрачности границ для распространения любой информации в интернете и др. [3].

Об авторе: Тулунов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

Межгосударственные противоречия экономического, политического и исторического характера всегда являлись *предпосылками* информационных войн, но не было таких, как сегодня, *возможностей* — современных технических средств и коммуникативных технологий, способствующих глобализации и еще большей открытости информационного пространства. Цель такого противоборства — воздействие на «разум каждого человека», а *метод* — «систематическое нанесение ущерба объекту посредством СМИ» [4].

Сегодня очевидно, что война бывает не только *явной* — со стрельбой и жертвами, но и *скрытой* — например, в виде экономического и информационного противостояния, которое может принимать активные формы (санкции, эмбарго, таможенные союзы, пропагандистские компании), а также фазы или разновидности (наступательная, оборонительная и смешанная). К *признакам* информационной войны отнесем наличие поля противостояния, активных участников, соответствующей инфраструктуры и перманентной деятельности с целью нанесения ущерба противнику.

На общую картину коммуникации оказывают влияние социальные медиа, где аудитория в большей степени является равноправным участником процесса, и за счет их природной интерактивности оперативно включается в обсуждение, выносит общественные оценки. При этом культура комментариев под публикациями находится на невысоком уровне, и конфликтность в такого рода общении превалирует в виртуальных беседах. Сегодня «битвы в комментариях» из социальных сетей перешли и на телеэкраны.

Конфликт — это отсутствие согласия между сторонами, однако выражаться он может в разных формах: либо оппоненты не сходятся по принципиальным вопросам, либо они изначально не настроены на разрешение спора. И последнее, к сожалению, закрепляется в виде тенденции, становясь доминантой современной массовой коммуникации. В итоге мы иногда имеем дело с видимостью коммуникации, фантомом диалога. В свое время французский философ Жан Бодрийяр пришел к пессимистическому выводу, что в *современной коммуникации нет больше собеседника* [5].

Почему же такое происходит? Неужели российские журналисты не понимают, что эксплуатация одних и тех же тем, навязывание и продавливание позиций, невянтное комментирование, приводящее к вымыванию сути социально важных фактов, прозрачный плюрализм мнений и иллюзорная свобода слова, трансформирующаяся в свободу злоупотреблений словом и оскорблений, чревато падением доверия

к журналистике и потерей репутации конкретного СМИ и конкретного корреспондента? Конечно, понимают, и на российском телевидении есть настоящие профессионалы, а политические ток-шоу [6], которые они ведут, имеют достаточно высокий рейтинг: на канале «Первый» — это «Время покажет»; на «России-1» — «60 минут», «Вечер с Владимиром Соловьевым», на «Пятом канале» — «Открытая студия»; на НТВ — «Место встречи», «Своя правда»; на ТВЦ — «Право знать»; «Право голоса»; на ОТР — «Прав? Да!» и др. Интерес к политическим ток-шоу поддерживается: *квалификацией реципиента* (передачи рассчитаны на подготовленную аудиторию, обладающую историческими знаниями, практическим опытом и т. д.); *возрастными предпочтениями* (замечено, что с годами человека гораздо больше волнуют общемировые проблемы); *квалификацией журналистов и участников ток-шоу*. В таких передачах принимают участие не только политологи, но и политики, литераторы, люди театра, кино и др. (медийные лица, умеющие дискутировать).

Да, порой непросто сдерживать эмоции, когда участник дискуссии — отечественный оппозиционер или иностранец — намеренно искажает положение дел, занимаясь откровенным манипулированием, когда твой собеседник сознательно отрицает терпимость к чужим убеждениям, к чужому мнению. Но ведь важно защищать национальные интересы в рамках горячих дискуссий, особенно когда приглашенные оппоненты открыто глумятся и намеренно провоцируют конфликт. Хотя журналист-модератор все же должен держать марку и сдерживать негативную реакцию, которой зачастую и добиваются участники таких диспутов. Трудно, но необходимо. Это и есть профессионализм, подкрепленный этикой. Если ведущий использует «лексику вражды» (а большинство российских тележурналистов, на наш взгляд, прибегают к ней без рабистского умысла), он должен допускаться к эфиру лишь после того как приобретет профессиональные ориентиры, овладеет специфическими навыками освещения таких деликатных тем, как взаимоотношения представителей различных этносов и конфессий, таких взрывоопасных тем, как история и сегодняшний день межгосударственных отношений.

Особый разговор — о тех СМИ и журналистах, которые ведут себя намеренно агрессивно, прибегая к провокациям потому, что это привлекает аудиторию, и повышает рейтинг канала. Ими должно заниматься профессиональное сообщество в рамках саморегулирования, ведь задача СМИ — прививать, культивировать толерантность, что в какой-то степени будет способствовать стабильности и спокойствию в обществе. Очевидно, что эта зависимость не носит линейного характера, но прежде всего нельзя недооценивать такого существенного фактора влияния на формирование определенных представлений и установок людей (молодежи в первую очередь), как телевидение, которое до сих пор называют каналом народного общения.

Политологи нередко упрекают журналистов в том, что они выбирают для политических ток-шоу не самых компетентных экспертов; что их передачи невозможно смотреть из-за постоянного крика участников; что

ведущий всегда выступает на стороне государства и др. Но, во-первых, модератор выбирает тех, кто помогает ему делать интересную передачу; во-вторых, он вправе занимать ту или иную позицию (насколько он убедителен в своей роли — судить аудитории, которая либо смотрит в этот момент телевизор, либо выключает его); в-третьих, агрессия агрессии рознь: если перед нами искренние люди, и если они не переходят на личности, не хамят, то такой стиль ведения дискуссии даже приветствуется. Задача журналиста — подготовить интересную (рейтинговую) передачу, в ходе которой если не решается какая-либо политическая проблема, то она хотя бы подвергается подробному анализу ради привлечения внимания к ней властей и общественности. Нередко ведущие провоцируют жаркую дискуссию, выбирая харизматичных участников, любящих и умеющих спорить. Задача политолога также двудеятая — не только компетентно оценить те или иные действия властей, но и проявить себя, продемонстрировать квалификацию аналитика и прогнозиста.

В последнее время всё чаще стали говорить о постправде, хотя этому термину уже ровно 30 лет — впервые он появился в журнале *The nation* в эссе американского драматурга сербского происхождения Стива Тезича, в котором речь шла об Уотергейте, о событиях в Персидском заливе, об Иран-контрас и др. Поначалу слово «постправда» (или постистина от англ. *post-truth*) означало лишь некие обстоятельства, при которых мнения, эмоции были важнее объективных фактов, затем стали говорить об «эпохе постправды» (в 2004 г. вышла книга Ральфа Кейеса «Эра постправды»), когда у большинства населения сохраняется все меньше веры к большинству источников информации, кроме избранных ими самими в соответствии с их мировоззрением.

К истокам этого явления относят хрестоматийную PR-кампанию «Факелы свободы». История ее такова. Крупнейший американский пиармен Эдвард Бернейс, которого называют «отцом общественных отношений», почти сто лет назад изменил отношение американского общества к табакокурению: если прежде курящая женщина считалась вульгарной, и такое поведение всячески осуждалось общественным мнением, то после проведенной им по заказу *Lucky Strike* кампании по развитию табачного рынка в США женщина с сигаретой стала символом элегантности и утонченного вкуса. Главная идея кампании выразилась в утверждениях, что сигареты — это факелы свободы для женщины, что это своеобразная форма сопротивления мужчинам, считающим курение своей привилегией. А главным событием кампании стало названное Бернейсом парадом свободы шествие в Нью-Йорке 1 апреля 1929 г., в котором приняли участие женщины, несшие факелы в виде зажженных сигарет. Колонну возглавляла известная феминистка Руд Хейл, провозглашавшая: «Женщины! Зажгите свой факел свободы! Боритесь с еще одним сексистским табу!» В ходе кампании использовались и другие достаточно эффективные методы и приемы внушения, в том числе ложная информация — например, о том, что курение помогает пищеварению, улучшению голоса и др.

В наши годы пиком формирования политического дискурса постправды стали дебаты вокруг Брекзита, а также президентская кампания в США в 2016 г., и неслучайно «постправда» была названа в том году «словом года».

Таким образом, постправда представляет собой сложное явление, отличающееся наличием конкретных *принципов* (истина не важна — важно впечатление; эмоции находятся в приоритете над фактами в оценке новостей), *средств* (апелляция не к логике, а к эмоциям и рефлексам; стереотипизация сознания; мифологизация; фейки и дипфейки); *вектора и характера коммуникации* (идеологическая предвзятость и политическая ангажированность медиасообщений; отсутствие доказательной базы и сознательный отказ от факт-чекинга) и *особой среды распространения* (интернет, социальные сети).

Ключевым понятием в дискурсе постправды является понятие **фейка** (от англ. *fake* — подделка, фальшивка, обман), включающего в себя «ряд самых разнообразных явлений медиасреды: от поддельных текстов, а также фото-, видео- или аудиозаписей до искусственно созданной по заданию заказчика популярности личности, произведения, проекта (как правило, при помощи интернет-ботов и (или) тех же фальшивых аккаунтов, выставляющих “лайки” и постящих одобрительные комментарии)» [7, 89]. Оставив за скобками примеры невинной мистификации, отметим, что ученые сходятся в одном: фейковая новость — это всегда преднамеренная фальсификация, сознательная манипуляция общественным сознанием, т.е. дезинформация, преследующая негативные цели, и прежде всего подрыв репутации.

Разновидность фейка — **дипфейк**, представляющий собой созданную с помощью нейросетей реалистичную подмену фото-, аудио- и видеоматериалов. На примерах преднамеренной фальсификации мы остановимся ниже, а пока расширим круг понятий исследуемого явления, заглянув в историю.

В прошлом веке бытовало известное многим словосочетание «**газетная утка**», под которым понималась заведомо ложная, придуманная сенсационная новость, опубликованная в СМИ. Цели этой акции могли быть самыми разными, и, как правило, чем неправдоподобней была история, тем больше людей реагировало на нее, об издании начинали говорить, это способствовало увеличению тиража, его продажам, а, значит, и дополнительной прибыли. Версий происхождения термина несколько, но наиболее вероятной признана та, что связана с именем журналиста Роберта Корнелиссена, который в начале XIX в. написал в одной из брюссельских газет заметку об утке-каннибале. Он просто хотел разыграть публику, но после того как заметку перепечатали другие издания чуть ли не вся Европа заговорила о прозорливости уток и поедании ими себе подобных. Через какое-то время автор обиделся, что он просто хотел продемонстрировать уровень доверчивости читателей, не критично воспринимающих информацию, и с тех пор любая живая информация, использованная в печатных изданиях, стала называться «газетной уткой».

Есть еще три понятия — **мистификация, пастиш, мокьюментари**, так или иначе связанные с трансформацией информации: первое (от греческого *mystes* — посвященный в тайну и латинского *facio* — делаю) обозначает выдумку, затем или намеренную попытку ввести публику в заблуждение; второе (фр. *pastiche*: от итал. *pasticcio* — пастиччо, *стилизованная опера-попури*, букв. «смесь, паштет») — означает подделку, имитацию, подражание; третье (англ. *mock* — подделывать или издеваться — и *documentary* — документальный) является названием кинематографического жанра. Мистифицируют как в шутку, так и со злым намерением; создают пастиш, т.е. вторичное произведение, как правило, с художественной целью, сохраняя авторский стиль, сюжетные линии, имена героев и т.д.; снимают мокьюментари в форме документального фильма, специально выбирая не настоящий, а вымышленный предмет отображения. Всё перечисленное касалось достаточной узкой группы людей, и эффект был не столь значителен. Но сегодня апелляция к личным убеждениям людей и их эмоциям стала не просто тенденцией, а чуть ли не медиапринципом, и она, к сожалению, считается более действенной, чем ссылка на объективные факты — распространение фейковых новостей в социальных сетях стало массовым явлением, более того: ученые делают логичный вывод о появлении «повседневной политической культуры, которая по аналогии с постмодерном названа *постправдой*...» [8, 249].

Скрытие правды сегодня происходит тонко — например, при помощи отвлекающих маневров, когда правду не прячут, а просто топят во лжи. Когда плодятся факты, обладающие внешней достоверностью, в которые обязательно кто-то поверит, и в этой информационной паутине даже профессионалам трудно отличить правду от злонамеренного вымысла. Тем более что во времена господства социальных сетей с их хором глупостей, заглушающих одинокие голоса правды, это делать все труднее и труднее. Но на это и расчет тех, кто сознательно манипулирует общественным сознанием, кто, как писал в свое время Станислав Лем, умело «топят зерно истины в лавине несуразных вымыслов». Возможно, блогеры и тролли живут и действуют по девизу Ницше, считавшего, что «фактов нет, а есть лишь их интерпретация», но это всего лишь красивый парадокс, потому что мир заинтересован в поиске и нахождении истины. К тому же есть мнение, что в крылатые выражения фиксируют не только мудрость, но и заблуждения человечества, выступая своеобразным утешением для некоторых представителей многоликого социума.

Ситуация осложняется тем фактом, что «...информационная война против России ведется как на русском, так и на английском и других иностранных языках. И в этом у США априорное преимущество, ибо десятки миллионов граждан России хорошо или очень хорошо знают английский язык (или другие западные языки), а абсолютное большинство граждан США не знает никакого другого языка, кроме английского <...> большая

часть населения стран, участвующих вместе с США в информационной войне против России, не знает русского языка, но знает английский. Это очень важный фактор, ибо информационная война, направленная против России, покрывает своими действиями и другие страны» [3].

Общественно-политической журналистике изначально присущ политико-идеологический модус. При этом сам по себе термин «**идеология**» (греч. *idea* — «мысль, понятие» + *logos* — «слово, учение») не несет ни положительных, ни негативных коннотаций — понятие «идея» понимается как *знание*, соединенное со стремлением к *действию*. Именно в этой сфере журналисты чаще всего не просто «несут» знания в массы, занимаясь своеобразным ликбезом в сфере политических идей, а используют «насильственные» тактики убеждения и даже манипулирования. **Убеждение** — это воздействие, оставляющее адресату возможность выбора; **манипуляция** воздействует на адресата без осознания им этого воздействия, то есть навязывает с помощью определенных языковых приемов авторскую точку зрения как достоверную и единственно возможную. Учитывая тот факт, что СМИ обладают высокой степенью воздействия на аудиторию, вопрос о разграничении методов убеждения и внушения, используемых в массовой коммуникации, всегда остается открытым. Сегодня к тому же заметна такая опасная тенденция, как заведомое использование скрытых оценок, которые побуждают не к со-размышлению, как должно, а к некритическому восприятию предложенной информации.

Сверхэмоциональность современной политической публицистики при обозначении позиции естественна, но даже в экстремальных условиях информационного противостояния важно осознавать ответственность за произнесенное слово, соблюдать меру в использовании сарказма и иронии — даже в отношении оппонентов, поскольку это может неоднозначно восприниматься и лояльно настроенной частью аудитории. Постмодернистский дискурс, проповедующий наивысшую степень свободы автора от диктата идеологии, стиля и даже морали, чреват нарушением эстетических и этических норм. Абсолютная свобода, как правило, провоцирует злоупотребления ею, поэтому необходимо осознавать ответственность перед аудиторией за собственное высказывание. И этот нравственный принцип должен оставаться ключевым для профессионального журналиста в любые времена.

Обсуждение, дискуссия, спор — интернациональные и проверенные веками методы поиска истины. Жанр ток-шоу, изобретенный более полувека назад американским журналистом Филом Донахью, популярен во всем мире, но, кажется, лишь на нашем телевидении так отчаянно и зачастую непримиримо спорят сегодняшние и бывшие соотечественники, иностранцы, нередко приглашаемые на подобные передачи. Разберемся, почему так происходит.

Россия многие века была сельской страной, и лишь полвека назад села и деревни стали исчезать, а народ — перетекать в города. Сформировались, по сути, три укрупненные страты: *исконные горожане*, *горожа-*

не — *вчерашние сельчане*, *исконные сельчане* (внутри их, конечно, есть свое деление по статусу, профессии, материальному положению и др.).

Сельское («природное») сознание формировалось под воздействием таких факторов, как географическое положение, обширность территории, суровый климат и ландшафт [9]. Именно это выковало различные черты национального характера, часть из которых условно можно назвать «положительными», а часть — «отрицательными». К первой отнесем широту души, воленость, коллективизм, терпеливость, мечтательность, наблюдательность, гостеприимство и др. Ко второй — противоречивость, безудержность, бесхозяйственность, лень, меланхоличность, медлительность и др. При этом каждая черта не может быть оценена однозначно со знаком «плюс» или со знаком «минус». Например, медлительность, с одной стороны, вредит в ситуации, когда необходимо принимать оперативные решения, с другой стороны, позволяет не торопить события, способствует неспешному детальному анализу ситуации, принятию продуманного решения. Коллективизм хорош при работе в команде, но излишняя робость в случае, когда от исполнителя требуется личная инициатива и личная ответственность, расчет лишь на коллективные решения может стопорить ход дела.

Особенности менталитета конкретизируются на уровне культуры. Сельская культура — это особые доверительные («простые») отношения внутри закрытой и сплоченной общины; это зависимость от мнения односельчан и почти абсолютное доверие информации, интерпретированной внутри своей среды; это размеренный ритм жизни, не богатой событиями, и др. Городская культура — плод урбанизации и книжности — при всей разнообразности проявлений также обладает общими признаками, к которым отнесём: индивидуализм и анонимность социальных отношений; динамизм жизни, насыщенной событиями и перемещениями; высокая степень информированности; стремление к комфортности и др.

Маргиналы несут на себе (в разной, конечно, степени) отпечаток двух описанных выше культур. Возможно, сегодня тех, кто находится в неопределенном положении, в России большинство¹. Их привычная культура разрушена, а в новую они не вписались (кстати, этот болезненный процесс особенно ярко отражен в творчестве В. М. Шукшина). Это порождает различные психологические комплексы, развивает такие черты характера, как честолюбие, обидчивость, эгоцентричность и др.

Также российское общество традиционно делится на *либералов*, *консерваторов* и *социалистов*. Основная

¹ Термин «маргинал» (от лат. *margo* — край) ввёл в научный оборот в 1928 г. американский социолог Роберт Парк. Поначалу понятие имело негативный смысл и обозначало людей, находящихся на границе социальных страт. Помимо социальных маргиналов, т. е. групп людей, по тем или иным причинам не вписывающихся в ту или иную социальную структуру, существует множество других их разновидностей: этнические, биологические, возрастные, социальные, экономические, политические, религиозные и криминальные маргиналы.

ценность первых — свобода, распространяемая на все сферы жизни общества, и прежде всего на экономику и право. Консерваторы ратуют за сохранение традиций, «устоявшегося уклада». Социалисты выступают за регулируемую роль государства, которое должно обеспечивать решение социальных вопросов. «В течение более чем двадцати лет в общество старались внедрить иные идеи. О равенстве и свободе предпринимательства, о равных возможностях и так далее. Только рупоры данной идеологии в большинстве своем опирались на западные примеры и принципы. Кроме того, известно, что и зарплату они получали не в РФ. А это для многих выглядело как предательство. И если в начале строительства новой России подобные факты воспринимались как “перенимание опыта”, то после украинского кризиса отношение к долларовой зарплате несколько изменилось. И дело не в том, что движение либералов делало для людей что-то плохое. Скорее, здесь сыграла свою роль историческая память. Не забыл народ, что России приходилось много раз воевать. И все захватчики приходили именно с той стороны, откуда нынче нас пытаются поучать» [10]. И далее: «Есть у тебя собственное видение как любить — никто за это камнями не забрасает. Иное дело, если ты кричишь на всю страну о своих предпочтениях. Пока это не затрагивает большинство населения, никто слова не скажет. Как только общество начинает чувствовать угрозу, дело обретает иной оборот. К примеру, нынче многие задаются вопросом: «Если либералы так громко защищают меньшинство, то кто вступится за большинство?» Явный перекося в политическом давлении на народ. Последний начинает сопротивляться. Ну, не приживаются в нем ценности, так любые Западу. Высказывания либералов, особенно в последнее время, только усугубляют ситуацию, невыгодную для них же. Например, фраза Ходорковского “у такого государства стыдно не украсть” не может восприниматься как слоган человека, достойного доверия. Или высказывание К. Собчак о том, что Россия — “страна генетического отребья”. Это унижительно и для народа, и для данного представителя “элиты” [10].

В сегодняшних дискуссиях прослеживается явная связь с противостоянием западников и славянофилов, начавшимся полтора века назад. Именно тогда интеллектуалы обозначали различные точки зрения на пути развития России, на соотношение особенного и общечеловеческого, национального и международного и т. д.

В России, как и в любой другой многомиллионной, многонациональной и многоконфессиональной стране, существуют также религиозные, этнические, поколенческие, половые, социально-статусные и другие противоречия. Но выделенные выше — *культурологические и идеологические*, на наш взгляд, особенно заметны в публичной коммуникации.

При этом, что отраднее, большинство из названных телевизионных передач демонстрируют образцы качественной журналистики. В частности, ведущие дают слово каждой из спорящих сторон, привлекают независимых экспертов (ученых, политиков, представителей власти), обращаются к аудитории, высказы-

вают и свою точку зрения. Среди наиболее активных участников ток-шоу есть как условно «левые» или «государственники» (Михаил Делягин, Иосиф Дискин, Леонид Калашников, Франц Клинецвич, Спиридон Клинкаров, Игорь Коротченко, Вероника Крашенинникова, Дмитрий Куликов, Алексей Мухин, Сергей Михеев, Вячеслав Никонов, Дмитрий Орлов, Виталий Третьяков, Карен Шахназаров и др.), так и условно «правые» или «опозиционеры» (Майкл Бом, Николай Злобин, Борис Надеждин, Сергей Станкевич и др.). Интересно, что один из американских экспертов, участвовавших в передаче «Право голоса», заявил: столь открытые дискуссии на их телевидении просто невозможны.

Современная война бывает не только явной — со стрельбой и жертвами, но и скрытой — в виде экономического и информационного противостояния, которое может принимать активные формы (санкции, эмбарго, таможенные союзы, пропагандистские компании), а также фазы или разновидности (наступательная, оборонительная и смешанная). И если пять-шесть лет назад эксперты отмечали лишь процесс информационно-психологического противостояния, в котором активно применялись методы пропаганды, то сегодня напрашивается иной вывод: в мире идет настоящая информационная война, основные признаки которой: наличие поля противостояния и активных участников, соответствующей инфраструктуры и перманентной деятельности с целью воздействия на разум каждого человека с использованием метода систематического нанесения ущерба противнику, в том числе посредством СМИ.

Россию давно втягивали и все же втянули в информационную, представляя ее для западной аудитории в качестве страны-монстра, страны-агрессора. И неслучайно была создана российская международная многоязычная сеть информационных теле- и радиоканалов «Россия сегодня», представляющих альтернативный взгляд на происходящее в России и мире. Как неслучайно и то, что иностранные медиарегуляторы перманентно создают искусственные трудности для вещания RT.

Информационная война, как и любая другая война, нежелательна, поскольку при этом проигрывают все: *социальные отношения*, ухудшающиеся в политической, экономической, международной и других сферах; *аудитория*, устающая от преобладания в медиаповестке негативной информации с постоянными конфликтами, стрессами и страхами; *журналисты*, переживающие профессиональное выжигание. Но если она объявлена, то, как и в любой войне, необходимо победить. Понятно, что необходимо скорректировать цели и задачи, методы и средства информационного воздействия.

Сегодня ложные новости из различных неофициальных источников распространяются с головокружительной скоростью, даже быстрее, чем информация о болезнях. И миру приходится бороться не только с болезнями, но и с ложными новостями. ВОЗ даже назвала это инфодемией, или информационной пандемией. Это — это явление информационного вакуума, создаваемого в си-

туации, когда огромные массы людей не в состоянии выделить достоверную информацию, когда медиапространство стремительно заполняется различной, в том числе противоречивой, информацией, поступающей из различных источников.

«Человек с пробиркой» Колин Пауэлл стал символом лжи. 5 февраля 2003 г. он, будучи госсекретарем США, выступая в ООН, продемонстрировал пробирку с белым порошком и заявил, что это образец производимого в Ираке оружия оружие массового поражения, скрывавшегося от международных инспекторов. И хотя впоследствии оказалось, что никаких спор «сибирской язвы» в пробирке не было, фейк, по сути, стал оправданием вторжения США с союзниками в страну, а затем и свержения правительства Саддама Хусейна. Хотя через год Пауэлл сказал, что это ЦРУ ввело его в заблуждение, стало очевидным, что его выступление было не ошибкой, а частью системы дезинформирования: «Американский центр гражданской ответственности совместно с Фондом за независимость журналистики провели исследование, в ходе которого было подсчитано, что с сентября 2001-го по сентябрь 2003-го руководство США сделало 935 заявлений по Ираку, которые не соответствовали действительности. В частности президент Буш сделал 259 ложных высказываний (231 о наличии у Саддама оружия массового поражения, 28 — о связях Ирака с террористами), а госсекретарь Пауэлл — 254 высказывания» [11].

И вот почти через двадцать лет мир стал свидетелем уже «ковровых информационных бомбардировок». Кажется, буквально все известные методы, средства и приемы манипулирования используются в информационной войне, направленной на ментальное, культурное уничтожение России [12; 13].

При этом недостоверная информация (например, об уничтожении родильного дома в Мариуполе, о бомбардировке ядерного реактора в Харькове и т. п.) мгновенно распространяется по всему миру, в том числе в нашей стране. Опасность фейков стала столь велика, что отечественным законодателям пришлось срочно принимать поправки в Уголовный кодекс РФ, согласно которым предусматривается лишение свободы на 15 лет за заведомо ложные сообщения об использовании вооруженных сил, их публичную дискредитацию и призывы препятствовать деятельности армии. Таким образом узаконена личная ответственность за распространение фейков.

Еще несколько лет назад ученые полагали, что в основе широкого распространения фейков и слухов в основном лежат различные теории заговора [14]. Не углубляясь в проблемы, связанные с конспирологическим сознанием людей, обостряемым в условиях кризиса и стресса, констатируем очевидное: нынешняя западная пропагандистская кампания была хорошо подготовлена, и это теперь, кажется, ни у кого не вызывает сомнений. Более того, становится ясным вывод, что в выстраивании стратегических коммуникаций и в информационном противоборстве у нас выявились болевые точки.

А вот западные медиа давно и активно используют подробные темники по тому, как освещать

разные события на Украине. Там, кстати, выстроена эффективная сеть агентств во главе с опытным лондонским оператором — PR Network, тесно связанным с британским регулятором в области коммуникаций *UK Government Communication Service Strategy and Evaluation Council*. Ключевым финансовым оператором украинских стратегических коммуникаций (психологические операции, GR, пропаганда, взаимодействие с международными СМИ) является МИД Украины. Важным элементом украинской информационной кампании является сайт *Ukraine.ua*, который возглавляет некий Ярослав Турбиль, связанный, как утверждает автор материала, размещенного на американском портале *Mintpress.com* [15], с американской разведкой. Активно используются мемы, в которых в изобилии присутствует нацистская символика, для ориентировки журналистам зарубежных СМИ направляются гайдлайны по использованию в коммуникациях необходимых терминов и необходимого угла освещения событий и т. д. и т. д.

Фабрикацией фейков на Украине занимаются известные польские продакшн-компании. Сотрудничающие с Голливудом. Тот факт, что за рубежом давно готовят профессиональных создателей фейков, которых затем отправляют на оплачиваемые спецзадания в контексте информационных войн, доказывает и видеоразоблачение Джеймса Васкеза, выдававшего себя за американского добровольца на Украине. Он называл разбитую украинскую технику российской, проводил интервью с якобы украинскими ополченцами (у которых идеальный макияж и прически), умело работая на разные группы аудиторий (в одном видео говорил на акценте Коннектикута, в другом — с акцентом Нью-Джерси), используя и актеров — например, в роли защитников Украины из Белоруссии апеллирующих к белорусам.

Фейки превратились в столь массовое явление, что их начинают классифицировать. Любая классификация создается для того, чтобы научиться распознавать элементы некоей системы, сравнивать их по выделенным критериям с другими — при этом основания должны быть объективными, позволяющими описать каждый элемент в многообразии его характеристик. Только так можно понять природу действия исследуемого объекта. Если выбрать в качестве **критериев** *время появления фейка, сферу его функционирования, форму существования, уровень описываемых событий и цель сообщения* [16], то можно выделить следующие **разновидности фейков**:

- кратковременные и вневременные;
- фейки общего характера и узкоспециализированные;
- вербальные и поликодовые (креолизованные);
- локальные, федеральные и мировые;
- ложные и дискредитационные, фейки, нацеленные на самопрезентацию и на изменение общественного мнения.

Приведем примеры украинских фейков, производство которых поставлено буквально на поток.

8 апреля 2022 г. в результате обстрела вокзала в Краматорске, который контролировался украинскими

силами, погибли не менее 50 человек, около 100 были ранены. По мировым телеканалам демонстрировались кадры, на которых были показаны обломки выпущенной по городу тактической ракеты «Точка-У». Тип и серийный номер ракеты свидетельствовали о том, что она стояла на вооружении ВСУ. Украина немедленно заявила о причастности России к инциденту, однако Минобороны РФ указало, что у российских сил не было и не планировалось никаких огневых задач в Краматорске в этот день. Кроме того, в военном ведомстве подчеркнули, что тактические ракеты «Точка-У» применяются только украинскими вооруженными силами. По информации Минобороны РФ, удар нанесен ракетным дивизионом украинских сил из района города Доброполье, который находится в 45 км к юго-западу от Краматорска и контролируется ВСУ.

В Сети произвели подробный анализ фотофейка о разобленном роддоме в Мариуполе:

«1. Нет парения/дымления грунта в местах предполагаемых разрывов боеприпасов.

2. На улице и в здании нет пылевой взвеси от разрушения гипсокартонных простенков и потолков, а также от разрушенного вентилируемого фасада здания (внутренняя обшивка которого сделана из стекловаты).

3. На снимках нет: женщин с новорожденными, персонала роддома, сотрудников Скорой медицинской помощи и спасателей. Одни только представители ВФУ и «фотомоделей».

4. В коридорах и помещениях учреждения огромное количество битого стекла. То есть разрывы были снаружи здания и ударной волной стекла влетали внутрь помещений. При таких разрушениях было бы огромное количество пострадавших с характерными ранениями: изрезанные осколками стекла лица и руки. На снимках ни у одной из (двух!) «моделей» нет подобных повреждений. Кисти рук, у всех без исключения, без каких-либо повреждений и следов крови. Как, впрочем, и нет пострадавших и погибших в коридорах и помещениях роддома.

5. Лица, волосы, верхняя одежда и одеяла у «пострадавших» без следов крови, грязи, пыли и копоти.

6. Позы моделей статичные, в снимках нет динамики и спешки, кроме кадра с носилками.

7. Групповой снимок + модель с одеялом. В левой части кадра — представители ВФУ, которые что-то разогревают в кастрюлях на огне.

9. Крупный портрет девушки в маске. То же самое... нет повреждений и пыли, грязи на волосах, лице и кистях руки. На ногтях свежий маникюр. Маска тоже явно новая, одета для того, чтобы лицо было неузнаваемо.

10. Следы запекшейся крови на лицах тоже странной формы. То есть похоже на небольшие локальные кровотечения, при которых человек лежал и кровь успела свернуться. Нет потеков через все лицо, как у вертикально стоящего человека. Нет попадания капели крови на одежду. Кроме того, даже когда у человека из носа идет кровь, он инстинктивно ее вытирает. То есть при ранении лица, пострадавший как минимум один раз попытался бы вытереть кровь или убедиться, что он действительно ранен.

11. Нумерация файлов и затертые EXIF-данные.

Все снимки были сделаны на профессиональную фотокамеру, а не на телефоны. Нет ни одного снимка от гражданских служб или случайных очевидцев» [17].

Одновременно был раскрыт автор данной организованной дезинформации, которым оказался не случайный очевидец, а профессиональный украинский пропагандист Евгений Малолетка: «Начав свою карьеру в УНИАН, сейчас он сотрудничает с такими медиаигроками, ведущими антироссийскую кампанию годами, как *the Guardian*, *The Times*, *The NYT*. На него подписан даже личный фотограф Барака Обамы, а в 2015 году Малолетка даже прошел стажировку в престижной программе *Eddie Adams Workshop* в Нью-Йорке» [17]. Позднее Марианна, известный в регионе бьюти-блогер из Мариуполя, рассказала, как ее заставили играть сразу двух разных беременных, для чего модели пришлось даже переодеться и перекраситься.

Факт сдачи в плен 1026 человек отрицался, назывался «враньем русских журналистов», хотя тут же рассказывалось о некоем «специальном маневре», предполагавшем соединение 36-й бригады морских пехотинцев с батальоном «Азов».

Украинские телеграм-каналы сообщали, что в городе Вознесенске были подбиты несколько российских грузовиков и БТР. В действительности это была украинская колонна бронетехники, изрисованной буквами Z словно граффити. То же — со сгоревшей на трассе М-02 Копти — Бачевск техникой ВСУ, которую депутат Верховной рады А. Гончаренко также отнес к российским ВС.

Украинская певица Кристина Соловий опубликовала в Инстаграм фото старика человека, пытающегося спасти кота, с подписью «Жизнь этого украинского кота стоит больше, чем вся Россия и ее дети». На самом деле снимок, запечатлел 87-летнего человека, чей дом сгорел 4 года назад, и был опубликован задолго до начала спецоперации в одном из турецких изданий.

В соцсетях распространяли фотографии якобы плененных российских срочников. Министерство обороны России оперативно напомнило, что в спецоперации задействованы только офицеры и контрактники.

Из многочисленных приемов информационной войны можно выделить те, которые имеют отношение к языку: *эмоциональное воздействие; сенсационность информации; повторение одного и того же утверждения; изъятие из контекста; некогерентность высказываний* [18], *утвердительные заявления; использование ценностных слов; неопределенные выражения; намеки, несущие негативную окраску; использование эфемизмов* [19].

Наиболее частотным является прием «*утвердительные заявления*». Так в мае 2022 г. телеграм-каналы *Харьков.Лайф*, *Харьков*, *Всевидящее око*, *Nexta* и *Труха* распространили информацию, что российская армия ночью атаковала позиции ВСУ в Харькове. Был применен также прием «*эмоциональное воздействие*»: информацию сопровождали видеокадры ночного боя, который на самом деле проходил на Донбассе в 2016 г. Видео набрало более миллиона просмотров, что неслучайно: ведь общая аудитория этих крупнейших телеграм-каналов превышает 6 миллионов подписчиков.

Использование архивных видео — фирменная черта проукраинских медиа. Так, под видом засады ВСУ под Мариуполем они демонстрировали видеозапись 2015 г., снятую в США во время знаменитого открытого стрельбища в Кентукки *Knob Creek Machine Gun Shoot*. А обстрел ТОСами позиций шиитской группировки в Йемене в начале февраля 2022 г. выдали за взрыв «термобарической бомбы» в Николаеве. По похожей схеме распространялась непроверенная информация о том, что якобы российские войска атаковали Краматорск, что довольно легко получило опровержение.

Конечно, чаще всего указанные выше приемы применяются комплексно. В дезинформации про «злых москалей», уничтоживших единственный на Украине генетический банк растений («Орда орков превратила в пепел уникальную коллекцию семян, десятки тысяч образцов, на которые не поднимали руку даже оккупировавшие когда-то Харьков гитлеровцы!»), есть и *утвердительность заявления, и намерк, несущий негативную окраску, и эмоциональное воздействие, и сенсационность*. Непосвященному человеку трудно понять, что демонстрируемое пепелище, по которому ходит человек, представляющийся «сотрудником Института растениеводства им. Юрьева Сергей Авраменко», не может быть национальным центром генетических ресурсов растений Украины, ведь, по информации самих сотрудников центра, подавляющее большинство хранимых там образцов должны находиться в холодильных камерах. Но очевидно, что обвинения России в провоцировании мирового голода — это одна из актуальных тем в ведущейся против нашей страны информационной войне.

Аналогичных примеров — сотни и сотни, ведь неслучайно президент Зеленский в *Twitter* поблагодарил копорацию *Meta* (*Facebook, Instagram, WhatsApp*) и другие площадки за помощь в информационной войне и разрешение призывов к убийству граждан России. Тем не менее даже за рубежом появляются сообщения, подобные заявлению американской журналистки Лары Логан, которая в прямом эфире смогла сообщить, что западные СМИ вынуждают лгать о ситуации на Украине.

Из многочисленных задач, стоящих перед медиаобразованием, сегодня на первый план вышла та, решение которой в той или иной степени помогает предохранять население от вредного воздействия массмедиа. Направление деятельности медиапедагогов, называемое *протекционистским, инъекционным* и даже рассматриваемое в рамках «теории гражданской защиты» [20], необходимо считать приоритетным, Потому что сегодня каждому стало очевидно, что «современная фейковая жизнь» является настоящей угрозой демократии, демократическому порядку во всем мире [8]. Конечно, в эпоху «постправды» к медиаобразованию необходимо подходить комплексно, решая также другие не менее важные задачи — по этическому, эстетическому и экологическому воспитанию, развитию критического мышления, формированию общественного мнения, обучению правильно выбирать и адекватно оценивать потоки медиасообщений в соответствии с потребности индивида и др.

И отрадно, что во время специальной военной операции ведущие информационных программ на федеральных каналах демонстрируют высокий уровень профессионализма, не только декларируя, но и на практике придерживаясь принципов качественной журналистики, и прежде всего правдивости и объективности, патриотизма и гуманизма, национальной гордости и интернационализма.

Литература

1. Тулугов В. В. Информационно-психологическое противостояние / В. В. Тулугов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2015. — № 7–8. — С. 2–4.
2. Тулугов В. В. От информационного противостояния и давления — к информационной войне / В. В. Тулугов, К. В. Марчан // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. — 2022. — № 1. — С. 135–140.
3. Третьяков В. Т. Информационная война — тоже война / В. Т. Третьяков. — URL: <https://ria.ru/20160321/1393849944.html> (дата обращения 24.12.2021).
4. Князев А. А. Информационная война // Энциклопедический словарь СМИ. — Бишкек, 2002.
5. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр. — М., 2016.
6. Могилевская Э. Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приёмы манипулирования / Э. Могилевская. — Релга.ру. — № 15 (137). — 17.08.06. — URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?searchPattern=могилевская&textid=1114&level1=main&level2=article> (дата обращения 13.04.2022).
7. Суходолов А. П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве / А. П. Суходолов // Евразийское сотрудничество: гуманитарные аспекты. — 2017. — № 1. — С. 87–106.
8. Ершов Ю. М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик / Ю. М. Ершов // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 52. — С. 245–256.
9. Волынкина В. М. Влияние географических факторов на менталитет русской нации / В. М. Волынкина — <http://рустрана.рф/article.php?nid=3481> (дата обращения 13.04.2022).
10. Даниленко Н. Кто такие либералы? Либералы России / Н. Даниленко. — http://www.syl.ru/article/183092/new_kto-takie-liberalyi-liberalyi-rossii (дата обращения 02.12.15).
11. Сидорчик А. Человек с пробиркой. Как Колин Пауэлл стал символом американской лжи / А. Сидорчик. — URL: https://aif.ru/politics/world/chelovek_s_probirkoy_kak_kolin_pauell_stal_simvolom_amerikanskoy_lzhi (дата обращения 12.03.22).
12. Несын Е. Н. Типология фейков при оперативной верификации информации современным журналистом / Е. Н. Несын // Век информации. — 2018. — № 2–1. — С. 251–253.
13. Ильченко С. Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить: как нас дурачат СМИ / С. Н. Ильченко. — Ростов н/Д: Феникс, 2021.
14. Каллиников К. Эксперт рассказала, почему люди верят фейкам / К. Каллиников. — URL: <https://ria.ru/20200331/1569419966.html> (дата обращения 16.04.22).
15. Как устроена система украинской пропаганды. — URL: <https://zenyandex.ru/media/id/5c70c97019e41a00b37a4b6d/kak-ustroena-sistema-ukrainskoj-propagandy-623d55083313254fe6e566bb> (дата обращения 16.04.22).

17. Ляшенко Д., Меликян В. К вопросу о классификации фейков/ Д. Ляшенко, В. Меликян.— URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw8/lyashenko-di.html> (дата обращения 16.04.2022).

18. Мастерок. Подробный разбор фейка о разбомбленном роддоме в Мариуполе / Мастерок.— URL: <https://masterok.livejournal.com/7826230.html> (дата обращения 16.04.2022).

19. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. Век XXI / С. Кара-Мурза.— М., 2015.

20. Григорьев М. Методы ведения информационных войн / М. Григорьев // Международный Центр перспективных технологий МАСС.—URL: http://mcpt.narod.ru/pr_war.html (дата обращения 30.04.2022).

21. Федоров А. В. Ключевые теории медиаобразования // Преподаем журналистику: взгляды и опыт / А. В. Федоров, А. А. Новикова.— Санкт-Петербург: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006.— С. 51–53.

Виктор Савельев Неудавшиеся репортажи

Несколько слов от автора

Многие годы я отдал репортажу. Был простым газетным репортером, пишущим о ярких событиях и буднях, поездках, встреченных людях и труде людей... Зачастую был, по западной терминологии, и «полицейским репортером», писал о криминале, охоте за преступниками и опасных делах, судебных процессах и местах заключения. Ездил при первой возможности в новые места, ибо дорога дарит темы. Лез в острые ситуации и передряги, спускался в штольни и в скафандре под воду, ходил с угрозой по трущобам, бывал как репортер в психушках, тюрьмах, больницах, вендиспансерах, моргах, ночевал у костров, в лесных избушках, стогах сена, летал рядом с пилотами и плавал на судах, гонялся за браконьерами на реке, искал острые сюжеты и неведомые грани в вещах обыкновенных...

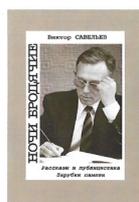
Сейчас мои прежние репортажи — разбросанные по подшивкам пожелтевших газет и десятилетиям — вошли в десять моих книг-сборников. Не смейтесь, но я стал едва ли не единственным в России журналистом, издавшим собственное «собрание сочинений в 10 томах», что я воспринимаю с юмором, ибо, и помимо меня, «летописцев эпохи» хватает. (Как тут не вспомнить анекдот, что «до революции в Тульской губернии был лишь один писатель — Лев Толстой, а в наше время их в 200 раз больше!»)

Обычно, презентуя себя, журналист предлагает читателю самые удачные публикации.

А я наоборот: расскажу про неудавшиеся репортажи, мои неудачи. Ибо глубоко убежден, что настоящий, уважающий себя журналист не может быть всеядным и не должен «давать продукт» во что бы то ни стало, поступаясь человечностью и совестью. Поэтому вопросы этики и миссии нашей профессии, психологии творчества должны быть самыми основными, наряду с профессионализмом.

С уважением Виктор Савельев

Об авторе: Виктор Алексеевич Савельев — журналист. Родился в 1946 году в г. Калининграде в семье офицера. Жил в Крыму, на Украине, в Ленинграде, в Карелии, на Кубани, в Башкирии, срочную службу проходил в Казани и под Самарой. Закончил журфак Уральского госуниверситета. Работал в газетах «Вечерняя Уфа», «Уфимская неделя», «Версия», «Советская Башкирия», специализируясь на очерке, репортаже, расследованиях.

Издательство: Рипол, 2019 — ISBN 978-5-4496-0499-6

Издательство: Рипол, 2021 — ISBN 978-5-0195-0899-5

Издательство: Рипол, 2018 — ISBN 978-5-4496-0491-2

Издательство: Рипол, 2018 — ISBN 978-5-4496-1862-0

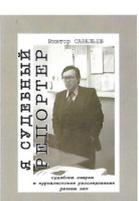
Издательство: Рипол, 2020 — ISBN 978-5-4496-6446-8

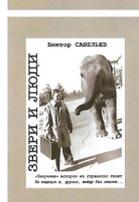
Издательство: Рипол, 2019 — ISBN 978-5-0195-2322-3

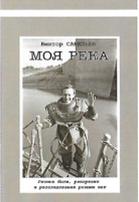
Издательство: Рипол, 2018 — ISBN 978-5-4496-7018-0

Издательство: Рипол, 2018 — ISBN 978-5-4496-3788-4

Издательство: Рипол, 2019 — ISBN 978-5-1496-4462-2

Издательство: Рипол, 2018 — ISBN 978-5-1496-3438-0

РАРИТЕТНОЕ КОЛЛЕКЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ПАМЯТНИК ЭПОХИ СОВЕТСКОЙ И ПОСОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
РЕТРО-ПУБЛИКАЦИИ
в 10 сборниках

Автор: Виктор Савельев
журналист, издавший газетные публикации за 40 лет (1970-е – 2000-е годы)

<https://na-sokrate.ru>
na-sokrate@yandex.ru
+7 (988) 714-44-32

Как я «прозевал» крупнейшую в мире железнодорожную катастрофу (Из записок журналиста)

В тот год мне особенно везло. Пришло репортерское везение, когда на ловца и зверь бежит — словно судьба все время ведет тебя за руку. И ты достигаешь пика журналистских удач, который я бы сравнил со спортивной формой.

Это подобно тому, что один чемпион по штанге назвал «покорением железа». Даже замечательный силач без «разгона» не возьмет рекордный вес. Этому предшествуют нарастающие по нагрузке тренировки, чтобы достичь максимальной силы в день чемпионата. Тут важны постепенность и расчет: начнешь марафон силы раньше — перегоришь, а опоздаешь с нагрузкой — не достигнешь своего апогея к соревнованию...

Вот именно в такой «пиковой» форме я был в воскресный день 4 июня 1989 года: и знаменья репор-

терских удач бежали впереди меня! С удивительной легкостью меня находили «гвоздевые» темы! Видимо, количество моих предыдущих удачных репортажей отливало в новое качество. Было чувство, что вот-вот я поймаю за хвост жар-птицу, которая сделает меня великим журналистом.

То воскресное июньское утро в Уфе, где тогда я работал в газете, было на редкость тихим, солнечным и спокойным — такого сонного утра я не видел тысячу лет. Даже утренняя река, казалось, спала. Горожане еще с пятницы уехали на отдых в сады, на автобусной остановке было безлюдно — впрочем, и автобусов до железнодорожного вокзала Уфы почему-то не было.

А ехать я собрался на электричке на загородную турбазу «Ивушка», чтобы помочь моей матери. Каждое лето, чтобы внуки пожили с ней на природе, мама-пенсионерка устраивалась на базу «заведовать» большим спальным корпусом, т.е. была там и техничкой, и комендантом. Из-за большой печени ей было трудно носить тяжести — как раз в то воскресенье она просила меня перед заселением туристов разнести по комнатам кипы белья и матрасы... И ничего, казалось бы, не предвещало срыва моей поездки 4 июня 1989 года на мамин 20-комнатный корпус близ утопавшей в зелени деревьев реки Дёмы...

Но именно в то утро меня и настигла весть о ночной железнодорожной катастрофе на 1710-м километре Транссибирской магистрали — как оказалось потом, крупнейшей не только в XX веке, но и за всю историю железных дорог мира... Не понимая, почему на вокзал нет автобусов (а их сняли с рейсов для доставки на станцию курсантов школы МВД!), я поймал такси и доехал до железнодорожного вокзала Уфы. Привокзальная площадь поразила меня обилием людей в военной форме! Они высаживались из подъезжавших крытых грузовиков и уходили куда-то на посадку. Все напоминало полномасштабную военную операцию...

«Близ Улу-Теляка в 90 километрах от Уфы произошла большая авария с двумя пассажирскими поездами. Много жертв... В ту сторону движение поездов остановлено. Но сейчас туда уйдет воинский эшелон для спасательных работ», — вот что выяснил я, тыча удостоверением журналиста, у какого-то офицера.

Вы только представьте мое состояние! Я первым из репортеров уже в девятом часу утра знал новость, о которой лишь поздним вечером сообщат все информационные агентства мира.

Причем я был на станции, откуда уходил эшелон спасателей, задолго до извещения о ЧП — и пока местные власти, по законам тех лет, дожидались указаний Москвы и разрешений цензуры, мне выпала огромная фора в несколько часов, за которые такой лихой парень, как я, — еще до официальной «отмашки» сверху! — уже побывал бы на месте катастрофы близ маленькой станции Улу-Теляк у границы Башкирии с Челябинской областью и самым первым выдал бы репортаж!

Спустя годы я понимаю: в советское время шансов у провинциального журналиста «ухватить за хвост» всемирного масштаба новость было не больше, чем у эскимоса съездить в Африку по выигранной в лотерею путевке и на экваторе встретить белого медведя, сбжавшего из гастролирующего зверинца.

Но этот один шанс из миллиона в то июньское утро просто упал мне в руки!

Нынешним газетчикам трудно даже представить информационную изоляцию тех лет. Интернета и мобильных телефонов еще не было; на выходные в Доме печати двери редакций запирали и сдавали этажи под охрану вахтерам, а журналисты газет до понедельника разъезжались по домам или садам.

Но тем утром, 4 июня 1989 года, в силу случайности я был единственным журналистом в мире, который мог бы уже через час-два попасть в Улу-Теляк! Не о таком ли везении «дядя Гиляй» — известный дореволюционный репортер Владимир Гиляровский написал: «Мне посчастливилось быть в центре урагана» — уж простите цинизм нашей профессии!

Естественно, после информации, добытой у офицера, я — как говорят, задрал хвост! — побежал к стоявшему «под парами» эшелону на Улу-Теляк. За годы репортерской работы я, что называется, «собаку съел» на проникновении туда, куда других не пускали, и мог легко схватить на погрузке какой-нибудь ящик и под видом грузчика влезть в один из вагонов в толчее спасателей, путейцев и медиков! Или упробил бы военных...

И вдруг на полпути к вагонам меня обожгла мысль: «А как мать?! А что будет с ней?!» Эта мысль осадила меня... Я знал, что мама-пенсионерка, не дождавись моей помощи, потащит на себе по комнатам тяжелые мешки белья, матрасы, будет надрываться с ведрами воды — и к вечеру в полубморочном состоянии подготавливает корпус к заезду гостей. Но потом работа в одиночку ее пригнет приступом печени, болями в сердце...

Наверное, в первый раз на той вокзальной площади мне пришлось делать выбор между человеческим чувством и долгом профессии... Азарт гончей собаки гнал меня к поезду на Улу-Теляк, к «первополосной теме!» (Прости, Господи: ни один человек на вокзале в то утро и представить не мог весь ужас катастрофы!) Я был рыцарем репортажа — а в 90 километрах по одну сторону от станции Уфа, в направлении Челябинска, меня ждал репортаж о крушении поездов!

Но в 20 км по другую сторону от вокзала — а в этом направлении продолжали ходить загородные электрички, увозя дачников, — меня ждала мать. И она нуждалась в помощи! Я разрывался на части между двумя решениями. Жар-птица репортерской удачи манила и уходила из рук, шепча, что такой шанс не упускают. Но мог ли я бросить мать — отдавшую мне жизнь и горбившую здоровье на турбазе ради моей семьи и детей?

Говорят, азарт — плохой советчик! И разум мутит призраком близкой удачи...

Но в этой мучительной ситуации я все же выбрал маму. Стуча колесами, воинский эшелон ушел на Улу-Теляк без меня. А я уехал на электричке в обратную сторону, в спальный корпус турбазы, где с остервенением таскал тюки белья, одеяла и матрасы, не давая матери делать тяжелую работу...

К ночи безвестный доселе Улу-Теляк ворвался на информационные ленты ТАСС и мировых СМИ... Решив, что катастрофу не скрыть, Москва в середине воскресного дня «дала отмашку» на освещение темы.

Дом печати был пуст! Чиновники гоняли машины и курьеров по дачам и садам, вылавливая отдохнувших журналистов: ведь в Уфу вылетал генсек ЦК КПСС Михаил Горбачев, желая облететь место аварии на вертолете, нужны были тексты и снимки с места крушения, журналистский пул, репортеры и верстальщики новостей! Всех журналистов города срочно вызвали в настежь распахнутые редакции делать спецвыпуски газет про улу-телякскую трагедию. Только вечером, вернувшись с турбазы, я узнал, от какой темы мне пришлось отказаться.

Если кто не помнит или не знает этого: два встречных поезда одновременно вошли в низину близ перегона Аша — Улу-Теляк (1710 км Транссибирской ж/д магистрали), где из-за протечки в трубопроводе скопилась огромная масса вытекшего газа. При встрече двух пассажирских поездов № 211 «Новосибирск — Адлер» и № 212 «Адлер — Новосибирск» на загазованном перегоне взрывоопасная смесь воздуха и газа воспламенилась от искры... Взрывом с путей было сброшено 11 вагонов, семь полностью сгорели, еще 27 вагонов опалило. Погибло от 575 до 645 человек (данные разнятся); 623 стали инвалидами от ожогов и травм... Обгоревших пассажиров увозили с места катастрофы вертолетами и машинами в больницы Уфы, Челябинска, Аши. Даже годовиковские «мальчики кровавые» бледнеют перед улу-телякским кошмаром.

Фото Александра Чуносова

Я помню, как последовавшей за воскресеньем ночью мы всей аврально вызванной на работу редакцией делали экстренный выпуск газеты об этой беде — и как стучали зубы у нашего фотокора Рустема, приехавшего из Улу-Теляка с пленками шокирующих кадров. «Дайте водки, ребята!» — попросил Рустем. Ему налили — было слышно, как его зубы клацают о стакан. Пока в редакции проявляли его фотопленки с места трагедии, он все говорил про обгорелую детскую ручонку, лежавшую под откосом, был в шоке, как человек, окунувшийся в ад!

А ведь первые журналисты были привезены на место катастрофы примерно через 14 часов после того, как похоронные команды почистили место адского пожара. Но им хватило и этого. А что же было с теми, кто побывал там утром, в эшелоне, в который я не сел? Говорят, солдатам-спасателям на пожарище, как на фронте, выдали спирт: их тошнило, трясло при разгребании завалов из обугленных тел и железа...

Потом писали, что старший врач скорой помощи — командовавший вывозом обожженных пасса-

жиров из Улу-Теляка в больницы Уфы — за одну смену стал седым. Никто не знает, сколько участников спасательной операции подкосило это проклятое место и запах сожженных тел, о котором говорили все без исключения побывавшие там. По сути, любовь к матери уберегла меня от жутких сцен пожарища, шока и нервных срывов — будто незримая рука матери развела ту беду и меня...

Вот так в тот памятный день 4 июня 1989 года я «проворонил» самую большую транспортную катастрофу XX века и не стал ее летописцем.

Но я ни разу не пожалел о своем выборе — поездке на турбазу к маме вместо «репортажа века» из Улу-Теляка. Я не жалею, что упустил редкий и единственный в своей жизни шанс — стать первым репортером на ЧП всемирного масштаба и даже попасть после этого в большую прессу. Шанс, надо сказать, горький на фоне жертв Улу-Теляка, какого не пожелаешь никому...

Но главным было: в тот день я не предал мать. Не предал ради ее любви ко мне и моей любви к ней, ее стареньким щекам, натруженной и ласковой ее руке, такой знакомой и теплой, гладившей меня в детстве.

В тот день я сделал, может, главный для себя выбор: любовь к ближним важнее всех репортажей на свете!

*(Из сборника «Ночи бродячие»,
Издательские решения, 2019 г.)*

«Стой! Стрелять буду!»

(Заметки о психологических ловушках репортажа)

О, как я любил делать репортажи с реки с инспекцией рыбоохраны! Защищаешь угожья, пресекаешь хищный лов рыбы, гонишься с инспекторами за браконьерами! И острые сюжеты с реки читатель глотал как горячие пирожки.

Только вот одна особенность была у таких рейдов. Ты мог сесть в моторную лодку с госинспекторами рыбнадзора вполне нейтральным журналистом, который едет «лишь поглядеть». Но вскоре от твоего «нейтралитета» не остается и следа!

Переход черты происходит незаметно, погоняемый конфликтами с браконьерами.

Вот ты стоишь ночью посреди реки в моторной лодке и наблюдаешь, как двое героев твоего репортажа — инспекторов рыбнадзора — пытаются конфисковать загородившую половину реки сеть, взяв на абордаж браконьерскую лодку; а в ней четверо резвых «бугаев» здорово колеблются: а не утопить ли подскользнувших в разгар их разбойного дела контролеров? Как быть тебе с твоей «нейтральностью»? Показать редакционное удостоверение — мол, ребята, извините, я журналист, человек со стороны, меня не бейте! — в надежде на то, что оболтусы, начав проламывать черепа инспекторам, оставят в живых и не утопят свидетеля?

Так или иначе, но обратной стороной метода «полного погружения», о котором я писал в начале книги, остается то, что беспристрастным наблюдателем событий ты вряд ли останешься. Уже после первой сшибки с браконьерами на реке твои спутники без объяснений суют тебе ракетницу — это, конечно, не пистолет ТТ, что у инспекторов под куртками, но с ней тебя не утопят,

как котенка: выстрел в упор из ракетницы 4-го калибра (26 мм) пробьет сантиметр сосновой доски...

И вот уже ты сжимаешь в кармане рифленую рукоять твоего оружия самозащиты, хотя журналистам, в отличие от инспекторов, его не выдают. Ты легишь в ночь на моторке, ты участвуешь в погонях, как и твои спутники со служебными полномочиями, но фактически не имея их, — и твои спутники тоже забывают, что ты только журналист... А смешение ролей может быть чревато для репортера!

Помню, как сбил меня с ног задержанный мордатый браконьер, с которым инспектора оставили наедине в причаленной лодке, спрыгнув на берег к чьим-то сетям. Увидев, что охраны поубавилось, тот отвлёк мое внимание и со спины вышиб меня из лодки в речной песок, которого я «наелся», уткнувшись физиономией. В досаде, что упустил злого браконьера, я нашарил рукой выкатившуюся из кармана ракетницу. Помню, как потом долго гнался за убегающим мордатом, размахивал ею и кричал: «Стой! Стрелять буду!» А когда он, уже отрываясь от погони, на бегу показал мне неприличный жест, — я, разгоряченный, широко расставил ноги и по-ковбойски, с двух рук, выстрелил из ракетницы, целя в бежавшую фигуру...

Дымный след ракеты, пройдя выше уха беглеца, показал мой промах. После чего браконьер чесанул по дороге в гору, как в ускоренной киносъемке, а я чуть не кинул вослед давший промах ракетный пистолет...

Позже, уже когда мы отплыли с инспекторами от места побега и огни пристани плясали на вечерней воде, я, поостыв, начал осознавать: попади в парня ракеты, прожигающая в теле ужасную рану даже сквозь фуфайку, мне пришлось бы отправиться на нары... Чем бы я оправдывался на суде? Тем, что подстрелил человека за ведро рыбы, пойманной незаконной снастью?.. А ведь у репортера нет даже прав на задержание браконьера! Нет полномочий, как у государственного инспектора, выезжать в дозор с оружием и им же обороняться! Закон дает газетчику право на такое острое «оружие», как слово, но не дает права стрелять в человека! Тяжелая уголовная статья светила бы мне, окажись я более метким ковбоем... Вот что значит слишком войти в роль хозяина вод — почти инспектора! А ведь едешь только написать репортаж...

(Из сборника «Моя река», Издательские решения, 2018 г.)

«Седьмая ступень ада»

— Сходи в психбольницу! — предложили мне в редакции. — Оттуда звонили, просили, чтобы газета помогла... Они ситуацию тебе на месте изложат.

Так я пошел в психиатрическую больницу, большие корпуса которой за оградой на одной из спрятанных от глаз улиц занимали чуть ли не квартал. Бывал ли я здесь? О, да — одно время даже постоянно, готовя большое интервью в газету. И многое, что я здесь увидел и услышал, было «кривым зеркалом» окружающего мира, закрытыми от общества темами...

Но теперь ситуация была другой: врачи лечебницы звали подать через газету SOS — слишком уж неординарной и тревожной была информация, которой они обладали.

Врач психбольницы, один из руководителей лечебницы, был очень озадачен, о чем сразу сообщил мне:

— Понимаете, какое дело... Тут по одной ситуации убийством вот-вот запахнет, хоть в милицию беги с заявлением! Но, во-первых, для нас свята врачебная тайна. А, во-вторых, с чем мы придем туда — с негласной информацией от нездоровых людей, со своими опасениями? Да в органах МВД посмеются: «Вот когда реально кого-то убьют или покусятся, вот тогда и приходите...»

— Так чего вы хотите?

— Мы хотели бы статью в газете про эту ситуацию... Ну без имен, но чтобы участники ее испугались огласки своих намерений и отступились. Человека мы хотим спасти, понимаете!

Иероним Босх. Сад земных наслаждений (фрагмент триптиха)

Начал главврач издалека:

— Среди нашего контингента есть девушка, страдающая депрессией и разладом с окружающим миром, она лечится у одного из наших психотерапевтов... Верней, лечилась. Потому что ее матери (а семья у них неполная, без отца) кто-то посоветовал воспользоваться услугами то ли экстрасенса, то ли «ворожей», дамы очень корыстной и небезызвестной в кругах «целителей»... В поликлинику к врачу пациентка перестала ходить, началось «снятие порчи» с визитами экстрасенса в дом — и потекли в карман экстрасенса деньги. Небогатая семья спустила сбережения, залезла в долги, но, несмотря на молитвы, зажигание свечей

и «магию» дамы, состояние больной без врачебной помощи ухудшалось. И тогда экстрасенс-«целительница» сказала: «Очень сильный бес мне мешает снять порчу. Но я определю его по фотографии!» И велела нашей больной и ее матери приготовить к следующему своему визиту фотографии всех знакомых...

...Признаться, немало скверных историй наслушаешься в психбольнице. Но с таким подлым «детективом» я столкнулся впервые. Вот что рассказал главврач:

— Несколько недель правдами и неправдами мать и дочь выпрашивали и доставали фотографии своих родных, знакомых, подруг. И вот выложили их перед пришедшей за очередными деньгами «целительницей». Та сразу ткнула пальцем в одну из фотографий: «Вот она!!! Все из-за нее! Теперь понятно, почему свечи и молитвы не помогают: это не человек, а бес в его обличье! Не просто бес — а СЕДЬМАЯ СТУПЕНЬ АДА, самая страшная нечистая сила!»

...Тут на стол передо мной главврач выложил портрет очень несимпатичной немолодой женщины:

— Вот этот злосчастный снимок! Это какая-то дальняя родственница семьи, вроде двоюродной тети нашей больной. Да что я сам рассказываю! Я сейчас лечащего врача позову, он тому свидетель и всю историю в деталях вам изложит...

Пока ждали главного свидетеля, я рассмотрел как следует лежавшее фото. Да, трудно было даже представить такое несимпатичное лицо, напомнимшее лица на картинах Босха! У тетушки был тяжелый взгляд, низкий лоб, грубые губы и подбородок... Было ясно, почему из собранных фотографий дама-экстрасенс безошибочно сыграла на этой!

Лица Босха. 1490–1500 гг.

— И что же дальше? — вскричал я, заинтригованный, не сводя глаз с несимпатичного фотопортрета.

— Да вот и лечащий врач пришел, пусть он дальше все и расскажет! — представил мне хозяин кабинета вошедшего молодого психотерапевта, с тревогой посмотревшего на меня. — С корреспондентом можно без утайки! Говори, как есть...

— А дальше, — почему-то вздохнул пришедший лечащий врач, — экстрасенс велела «беса седьмой ступени ада» в дом больше не пускать и выкинуть подарки, которые тетка дарила на дни рождения и праздники. Мать и дочь начали выкидывать. К несчастью, тетка только перед этим приходила и чаевничала на кухне.

Выкинули чашку и блюдце, из которых та пила чай. Девушке от самовнушения на короткий период стала легче, но вскоре без врачебной помощи и лекарств психическое расстройство стало прогрессировать, пациентка ходила на грани срыва. Тогда экстрасенс сказала: видно, «ступень ада» очень сильна — надо избавиться и от вещей, которых касался демон! Тогда семья выкинула стол, за которым гостя пила чай, стулья, еще чего-то... Но не помогло и это! И тогда экстрасенс категорически заявила: «Порча не снимется до тех пор, пока этот демон живет и ходит по земле...»

— Это как? — не понял я.

— Да наемного убийцу они ищут, — вздохнул хозяин кабинета. — Причем, по совету целительницы, ищут исполнителя среди наших душевнобольных, которые за свои поступки не отвечают...

— А вы откуда насчет убийцы знаете?

— Да у нас свои каналы...

Тут занервничавший молодой психотерапевт заторопился и отпросился продолжить прием больных в поликлинике. Но чуть позже, когда при обходе с руководством мы на минутку заглянули и в его кабинет, он тихо шепнул на ухо: «Зайдите, пожалуйста, ко мне!» История становилась все более запутанной.

...Часа через два, после торжественного обхода с сопровождающими больничных палат в закрытых на запоры отделениях, бесед с врачами, санитарями, пациентами всех мастей, я освободился от опеки и перед уходом с территории психбольницы нырнул в поликлинику, куда доступ был открыт всем желающим. В нужном мне кабинете меня ждал тот врач-психотерапевт, который рассказывал про выброшенные стулья.

— Ради моих детей, ничего не пишите в газете! — зашептал он, выставив пациента за дверь. — Вы разве не поняли, что больная с матерью ко мне приходили — мы ведь живем по соседству, в одном дворе!.. Они сами перепуганы, советоваться прибежали. Я, естественно, в больнице об этом доложил, но не думал, что эта мысль о статье в газете у начальства возникнет!

— Как не писать? А вдруг эту тетю убьют?

— Да не убьют: семья напугана, душевнобольного на «мокрое дело» найти без нас, врачей, не получится. А вот двух детей моих точно убить могут, если разоблачение в газете выйдет! Ведь ясно, от кого эта история ушла — для дамы-экстрасенса отомстить будет сладко. А мои дети во дворе прямо под окнами этих соседей гуляют... Вы бы знали, как я за них боюсь!

Я задумался: как мне теперь быть, как обойти руководство психбольницы, с такой надеждой ждущее эту «профилактическую» статью...

— А вы не преувеличиваете угрозу для детей?

Молодой врач так посмотрел мне в глаза, что я понял: не шутит.

— Да вы просто не знаете эту свору «колдунов» и их деньги! — сказал он мне наконец. — Это очень страшные люди, хуже иных бандитов — ни перед чем не остановятся. Мы ведь в психбольнице их жертв видим, у нас много закрытой информации, которую вам лучше и не знать — крепче спать будете! Я вас как отец детей прошу: не надо статьи...

— Ну, значит, на том и порешим, — сказал я, пожав

ему на прощанье руку. — Ни слова в газету, ради детей, я об этом не дам. Но вы обещайте, что когда-нибудь мне для газеты расскажете что-то и не такое опасное...

Он пожал мне руку и пообещал. История эта хранилась в моей памяти за семью печатями. Следуя заповеди честной журналистики «Не навреди!», я много лет о ней никому не рассказывал во избежание утечки информации...

Но давно ушли те опасные 90-е годы, когда разыгралась эта драма. Да и дети, за которых так боялся врач, стали взрослыми. Так что эти воспоминания теперь годятся лишь как новелла о «спасении двух детей одним журналистом». Или о том, как один журналист не погнался за сенсацией и не опубликовал «гвоздевую» для тех лет историю о «седьмой ступени ада»...

(Из сборника «Вывести мертвеца из комнаты», Издательские решения, 2019 г.). В публикации использованы фрагменты картин Иеронима Босха.

Как я ловил карманных воров, или «Подержи руку суке»

Журналист меняет профессию

Однажды — а это было в советское время, в 80-х годах, — я договорился с начальством городского Управления внутренних дел, т. е. милиции, что сделаю репортаж о борьбе угрозыска с карманными ворами. К тому времени я уже несколько лет писал на криминальные темы, торчал в судах и дежурных частях милиции, был на слуху и на виду, поэтому разрешение мне дали легко. Тем более что по линии карманных краж от УВД требовали ужесточения, а хорошая газетная статья о том, как доблестные сыщики хватают карманников, была бы на этом фоне кстати...

На этой пишущей машинке-раритете автор когда-то печатал статьи о криминале.

Правда, майор по фамилии Карлуша, непосредственный начальник отдела по борьбе с карманными кражами, встретил меня странно. То ли он был нелюдом от природы, то ли получил взбучку от руководства за возражения по допуску «писателя» к секретам отдела; во всяком случае, он, втянув голову в плечи, что-то хмуро буркнул в ответ на мое приветствие, представил меня сотрудникам в штатском и тут же ушел. Человек пять молодых сержантов лет 20–30 в ранге младших

оперуполномоченных угрозыска сидели за столами и сосредоточенно перелистывали большие фотоальбомы. Заходил кто-то новый, шептался с коллегами, поглядывая на меня, а затем вытаскивал из шкафа такой же фотоальбом и погружался в изучение фотографий.

Я подсел к одному из сержантов: в фотоальбомах были лица, лица... Всех возрастов и мастей, в основном мужчины, но попадались и женщины. Рядом с каждым лицом (в анфас и в профиль) подпись: кличка карманника, его фамилия, в какие годы попался на кражах. В альбомах отдела был собран весь «цвет» городских «рыцарей кармана» — чтобы их упомнить, каждый сержант в перерыве между выездами на операцию каждыйдневно листал эти тяжелые страницы с крупными фотографиями лиц...

Меня учат не смотреть в упор...

Наконец в один из дней, пошептавшись между собой, одна из оперативных групп из четырех-пяти человек взяла меня на задание. Журналистов сержанты раньше не видели, поэтому стали учить меня как привычного им «стажера». Инструкции были такие: я езжу со всеми по трамваям-автобусам и остановкам транспорта, но слежке не мешаю, а главное: не таращу глаза в разгар операции. Боже упаси разглядывать объект наблюдения!

— Карманник сразу ощутит взгляд в упор и тут же уйдет! Смотреть можно боковым зрением, а лучше вообще прятать свое лицо и себя...

— Это как?

— Да много способов! Ухватись за поручень трамвая и закрой лицо рукавом, голову поверни так, чтобы тебя не узнали...

Мне показали, как надо укрываться за спинами и головами пассажиров рядом с «объектом» — поскольку половина карманников города знает оперов в лицо, разве что фотоальбомов, как в отделе, не листает. И пошла-поехала работа, смахивавшая на «броуновское движение». Опергруппа то заскакивала в отходящие автобусы, то рассыпалась в толчее остановок, то перебежала улицу, виляя между мчащимися машинами, — и я бежал, виляя с ними. Чтобы не потеряться в этой, казалось бы, бесполой толпе, я держался одного из оперов, чтобы по его едва заметному кивку или прикосновению к спине прыгнуть вместе со всеми с подножки трамвая и рвать жилы, догоняя очередной троллейбус. Логика этих рысканий явно была из песни: «Мелькнет в толпе знакомое лицо...». За иными «знакомыми лицами» мы ездили по часу, а то и более: опергруппа сразу прекращала скакать козлами по улицам и «дремала» в автобусе, уткнувшись лицами в рукава и проявляя чудеса маскировки за спинами пассажиров, бабусь и теток с кошелками...

Однако самыми трудными для меня оказались топтания на остановках, после чего я понял, почему агентов наружного наблюдения на сленге спецслужб кличут «топтунами». Попробуйте пару часов проторчать на остановке транспорта, не привлекая к себе внимания и не «засвечиваясь»! Тут парни из опергруппы по десять раз меняли дислокацию, то якобы отходили

в сторонку покурить, то менялись на остановке местами друг с другом, то кто-то покупал газету и делал вид, что ее читает.

В первый раз я даже глазами захолопал, когда увидел командира оперативной группы, по имени Радик, — он был жилистей и старше подчиненных по возрасту — в куртке белобрысого сержанта Володи: в ходе долгого «топтания» на одном месте парни время от времени меняли облик: обменивались куртками, головными уборами, чтоб не примелькаться в толпе ожидавших автобуса.

В один из дней пришел и мой черед:

— Дай-ка твой берет! — тихо шепнул мне подошедший оперативник.

Вскоре я ходил по автобусной остановке в его огромной кепке, наползавшей мне на глаза, а ее хозяин, натянув мой берет, делал вид, что «читает объявления» на столбах у павильона. Чуть позже, когда с меня сняли и плащ для маскарада, тихо отдав мне для переодевания чью-то куртку, я понял, что команда окончательно признала меня «своим», оценив умение «стажера» не портить обедню и следовать правилам. Такое вживание в среду оперативников, конечно же, повышало шансы на хороший репортаж...

Красивая воровка

Нет, не зря мы в тот день столько топтались в водовороте людей на транспортной остановке близ большого завода: сегодня цехам дали зарплату, самый резон карманника выйти сюда на промысел. Люди шли и шли после смены, переполняли подходившие автобусы и троллейбусы: час пик, благодатная толчея, давка на посадке в транспорт... В ком я только не видел скрытого карманника, пока старший опергруппы Радик не показал мне глазами на спину женщины в синем пальто. Она несколько раз бросалась с толпой штурмовать переполненный транспорт — и откатывалась от его закрывшихся дверей вместе с другими не попавшими в автобус людьми назад, на остановку...

Вот бы в ком я не заподозрил воровку! Это была очень-очень приличная на вид женщина, в стиле пышных купчих на картинах художника Кустодиева или женщин Рубенса, степенным лицом и осанкой похожая на главбуха, случайно затесавшегося на остановку с заводскими работницами. На ней было добротное синее пальто, тоже очень приличное, что настолько делало в толпе «кустодиевскую красавицу» дамой вне всяких подозрений, что я бы не поверил в ее способность красть, если бы не понимал, что мадам «срисовали» те, кто каждый день листает фотографии карманников и многих знает в лицо!

Теперь я понимал, чего выжидала опергруппа, то кидаясь с толпой к трещащим дверям подходивших автобусов, то отбегая с откатившейся толпой. Не глядя на даму, голубым пятном маячившую впереди, я несколько раз подкатился и откатился туда-сюда к автобусам вместе с опергруппой... «Садись!» — вдруг шепнул мне в ухо пробежавший опер. Воровка, несмотря на полноту, уже ловко протиснулась в автобус двадцать шестого маршрута. Оперативники сноровисто ввинтились в закрывающиеся двери. Я тоже ухватился

за поручень задних дверей автобуса и повис на нем, сумев всунуть ногу на подножку между чьих-то ног. От натуги у меня шли круги в глазах, но я бы скорей умер, чем отцепился от поручня! Меня ругали и выпихивали из салона, а кто-то треснул локтем по голове, но я кое-как вдавился в автобус, прищемивший мне плащ при закрывании дверей. Все! Я ехал с угрозыском на долгожданное задержание! И еле мог дышать, сдавленный со всех сторон локтями и спинами пассажиров автобуса...

Развязка

Ехать пришлось долго, на окраину города. Следуя науке, я глаз не поднимал на синее пальто, пробравшееся в толчее автобуса к раззяве-заводчанке с сумкой через плечо, приготовившейся идти на выход. Два опера умудрились тереться в этой давке в метре от «пальто». Весь юмор был в том, что половину оперативной группы, ехавшей у нее за спиной, рецидивистка тоже знала в лицо по прежним задержаниям, но сержанты «вели» ее до самого «щипка», т. е. кражи, прячась за пассажирами. Давка была страшная: одни толкались к выходу, другие ругались за отдавленные ноги... Ловец чужих зарплат, чутко озирающаяся дама, так и не учуяла охоты за собой, припав к заводской работнице, вышедшей из автобуса. Схватили дамочку за руку, когда она отвалила от вышедшей на остановке женщины, держа в кулаке кошелек, вынутый из чужой сумки...

О, какой был крик! Размахивая удостоверениями, оперативники потеснили пассажиров для вывода задержанной. На ближайшей остановке старший группы сержант Радик прямо за руку выволок упирающуюся воровку из автобуса — совсем как мангуста тащит из норы змею. И уж больше не выпускал ее руку с кошельком из своих лапиц, поскольку оперативник обязан «фиксировать», т. е. держать в тисках руку воровки вплоть до вызова «понятых» (которым затем под протокол продемонстрируют улику: кошелек в руке вора-«щипача»).

Рыдающую и воющую воровку посадили на скамейку близ остановки, меня — рядом с ней. Радик сидел на корточках перед мадам — со стороны ни дать ни взять: влюбленный мужик «греет», облапив двумя пятернями, нежную руку своей Маруси (с украденным кошельком!).

— Ра-дик! — рыдала мадам, которую Радик брал с поличным в третий раз. — Отпусти, Радик, я точно завязалась! Ну прости меня! Вот-те крест, в последний раз «на карман» сегодня пошла, напоследок пива хотела купить!

В 80-е годы мобильных телефонов еще не изобрели, звонить ближайшей милиции насчет транспорта приходилось с телефонных будок на улицах и от вахтеров общаг. Все опера разбежались: кто искать машину для «арестантки» и телефон, а белобрысый Володя еще на предыдущей остановке прыгнул с автобуса, чтобы привести потерпевшую, не заметившую кражи кошелька. На скамейке остались только «нежный» Радик, я в чьей-то кепке и мадам, ревевшая у меня на плече. Тянулось время, но машины не было. Радик нервничал — его подчиненные словно провалились!

— Слушай, поддержи руку этой суке? — вдруг предложил он мне. — А я в общагу рядом сбегая, где точно есть телефон...

— Ты охренел?! — зашипел я, осознав, куда ведет роль «стажера».

Радик не понял моего отказа:

— Да ты не бойся, это просто: я научу тебя захвату руки, чтоб она кошель не сбросила. Ты сейчас перехватишь ее кулак у меня, покрепче сожмешь вот таким макаром...

— Да иди ты! — чуть не завопил я.

Радик обиделся, засопел на корточках, уткнувшись взглядом в удерживаемый кошелек. Тут стали сбегаться сержанты, вызволившие машину: она мчалась к нам из РОВД. Белобрысый опер Володя пешком привел «терпилу» (так на сленге зовут потерпевшую): молодую работницу, рыдавшую из-за кражи зарплаты. Ее тоже примотали на скамейке, но так, чтобы я, как живой щит, отгораживал жертву от обокравшей ее «купчихи». Теперь обе рыдали у меня на плечах: воровка — на правом, потерпевшая — на левом.

— Женщина, прости меня! — кричала справа воровка, понимая, что «ходка» на зону ей обеспечена. — Не пиши на меня заявления ментам...

— Никогда не прощу! — рыдала ее жертва слева и через меня огрела сумкой карманницу. Та свободной рукой ответила «терпиле» из-за моей спины: удар пришелся в основном по моей шее!

Я из последних сил «держал нейтралитет», получая вместо уклонявшейся за меня рецидивистки оплеухи от разбушевавшейся «терпилы». К счастью, подкатил милицейский «воронок», и рыдавших дам опергруппа увезла в райотдел; воровку в «воронок» умело ввели под руки, не давая скинуть единственную улику. Там в дежурной части полностью расчистили письменный стол — и над ним, под протокол, на глаза у приведенных понятых, разжали кисть руки рецидивистки и подсчитали деньги в кошельке, выпавшем из руки мадам. Пока оформляли протокол, она не переставала скулить, растирая посиневшие пальцы и размазывая по лицу слезы и тушь ресниц... На прежнюю степенную «кустодиевскую красотку» она теперь не походила!

Гроза карманников

На другой день милицейское начальство — в довесок к удачному задержанию — прислало ко мне в редакцию «легенду угрозыска», бывшего грозу всех карманников города.

Легендарный опер был невысокого росточка пенсионером МВД, теперь садоводом. Пенсионер поведал о страхе, в коем он когда-то держал «щипачей», ворча на нынешних оперов, которые без машины и доставить-то вора не могут. А вот они с напарником в каком-то году ночью шесть километров пешком вели карманника в ближайшую милицию, держа за обе руки. Но так и не дали ему сбросить украденный «лопатник» (т.е. кошелек).

— Да что же он за такой путь руку-то от вас не вырвал? — изумился я.

— А вы возьмите мой бумажник, — предложил

бывший опер, достав из куртки потертый дедовский кошель.

Я не успел как следует взять потертый хром кошелька правой рукой, как дед сплющил мои пальцы костоломным захватом. Я взвыл почище, чем та воровка на скамейке! Рукопожатие статуи командора Дону Гуану в «Каменном госте» А. С. Пушкина было пухом в сравнении с тем, что этот мастер мог сотворить со схваченной кистью руки, с ее пальцами, сдавленными суставами...

— Ну, теперь попытайтесь разными способами вырваться! — предложил пенсионер.

Но вырвать руку из пальцев старого профессионала не удалось. По уходу бывшего «опера» я долго массирую кисть руки, онемевшую от «железного капкана», и только тогда в полной мере понял, что значило «поддержать руку этой суке». Вот почему карманница скулила в райотделе, даже когда ей отпустили руку... Надо было на себе испытать этот костоломный захват, чтобы понять, что рыдала рецидивистка не только из-за того, что попалась, но и от боли в пальцах, которые «стискивали» больше часа...

Подвига в газете не было

То, что негоже репортеру заламывать пальцы женщине, даже воровке, это даже не обсуждается... От такого «участия журналиста в событиях» с ума бы свихнулись на журфаках, где нас учили окунаться в жизнь. Но я так и не написал этот репортаж, хотя редко журналисту выпадает удача присутствовать при реальном задержании преступника, быть очевидцем, а не писать с чьих-то слов. Но что-то меня останавливало: то ли нехватка еще какой-то фактуры, то ли (что я чувствовал скорей подсознанием!) правда жизни оказалась слишком горька, чтобы я расписал подвиги сыска после слез боли женщины и урока отставного «костолома»...

Возможно, не будь «эпизода» на скамейке, у меня бы и написан был очерк... Но предложение мне, журналисту, «поддержать эту суку» и самому малость помучить женщину, замяв ей кисть руки, словно подрезало жилы прежде задуманной темы. Какое уж там «и пальцы просятся к перу, перо к бумаге»! Тянулись дни за днями, а я все не мог сесть за текст — не писалось откровенно... Конечно, более бойкий репортер просто выкинул бы «досадный эпизод» и «навалял» в газету какую-нибудь бодренькую полуправду с «позитивом»... Но я не пишу тексты, за которые стыдно.

Так или иначе, но по каким-то причинам репортаж не написан, хотя мне звонили из милиции, интересовались... Не срослась у меня тема с той внутренней правотой, которая, верю, необходима журналисту для честного очерка в газету. В итоге зря потеряли время все, в том числе и я, потратив пару недель на погружение в жизнь опергруппы угрозыска.

Как ни смешно, но выгоду от этого получил майор Карлуша: ни один из секретов его отдела так и не вышел на газетные полосы.

(Из сборника «Я криминальный репортер»,
Издательские решения, 2018 г.)

Наталья Суворова Бренд музея в аспекте проблемы геобрендинга

Аннотация: в статье рассматривается проблема связи музейного бренда и геобренда, определяется содержание коммуникативного аспекта создания бренда музея как компонента бренда территории. На основе анализа данных официального сайта Калининградского областного музея янтаря охарактеризованы компоненты бренда музея, влияющие на формирование идентичности территории Калининграда и, как следствие, области. С помощью интернет-ресурса дана оценка эффективности бренда Музея янтаря в названном аспекте применительно к выделенной целевой группе — туристам.

Ключевые слова: музей, бренд, коммуникация, янтарь, Калининградская область.

В наше время ни у кого не вызывает сомнения значимость бренда в условиях конкуренции товаров, услуг, предприятий, территорий. Сильный бренд обеспечивает экономическую прибыль, а с точки зрения коммуникативного подхода выступает гарантом свойств объекта, относительно которых определяется его особая ценность в контексте субъект-субъектного взаимодействия. Музей и его посетители находятся в коммуникации, в результате которой бренд осваивается в устойчивой связи с ценностным представлением о территории, где расположен музей.

Какие ценности должны составить содержание бренда, если бренд является отражением представления целевой аудитории о музее? Чтобы правильно их выделить, нужно вспомнить, что музей — учреждение, занимающееся собиранием, изучением, хранением и экспонированием предметов — памятников естественной истории, материальной и духовной культур, а также просветительской и популяризаторской деятельностью» [1]. Исходя из такого понимания предназначения музея, в основе музейного бренда должны быть культурные ценности, сформированные у субъектов в процессе жизни и развития на конкретной территории. Музейный бренд призван стать средством символического отображения культуры людей, сложившейся как результат освоения территории, обладающей своими природно-климатическими особенностями.

Об авторе: Суворова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Труд поколений над освоением природных ресурсов, созданием трудового опыта, обеспечением устойчивого развития территории символизированы музейным брендом. В нем заключена рефлексия, выгодно отличающая территорию расположения музея от других территорий. В связи с этим бренд музея определяет уникальность образа территории поселения или целого региона и часто становится базовым компонентом программы геобрендинга.

Культура деятельности населения современной территории Калининградской области представлена в ее музеях, среди которых важное место занимает Калининградский областной музей янтаря. Ключевые характеристики музея определены согласно его типу как музея одного минерала. Деятельность этой организации-учреждения культуры представлена в содержании из двух частей — естественно-научной и культурно-исторической, что можно объяснить идеей: янтарь как минералогический, сульфидный, является природным богатством региона и важнейшей особенностью его территории, что отразилось на культуре деятельности населения, предопределило социально-историческую основу развития. Экспозиции музея знакомят его посетителей с различными образцами янтаря и демонстрируют разнообразные изделия из янтаря разных эпох, включая ювелирные украшения, скульптуры, объекты интерьера.

За рамками наших задач оставим полную характеристику бренда. Остановимся на тех компонентах, которые наиболее очевидно, на наш взгляд, формируют представление об уникальности территории региона, обеспечивают идентификацию. Символоносителем бренда [2, 2] Музея янтаря стали «образцы янтаря с включениями остатков животных и растительных организмов, попавших десятки миллионов лет назад в некогда жидкую и вязкую смолу» [3]. Основой для этого послужил тот факт, что «коллекция Калининградского музея янтаря является главным российским национальным фондом инклюзов в балтийском янтаре» и всегда вызывала живой интерес посетителей. Визуализация таких образцов представлена на главной странице сайта музея для раздела «Постоянная экспозиция». На наш взгляд, такой символ носителем удачно воздействует на восприятие и бренда музея, и образа Калининградской области, обладая научной (рациональной) и эстетической (эмоциональной) функцией.

Идентичность бренда Музея янтаря на территории Калининградской области формируется с помощью

стратегии онлайн- и офлайн-коммуникации, направленной на обширную целевую аудиторию: население региона, туристов, местный бизнес и сторонних инвесторов, научных работников и других групп. Применение различных коммуникативных инструментов с позиции когнитивного подхода в результате дают координацию понятий «янтарь» — «Музей янтаря» — «Калининград» («Калининградская область»). Например, при запросе информации по фразе «Янтарь — это» в строке браузера поисковой системы Google вторым результатом после ссылки на материал «Википедии» появляется ссылка на сообщение о происхождении янтаря, размещенное на сайте Музея янтаря в г. Калининграде — https://www.ambermuseum.ru/home/about_amber/origin. В то же время посетителям сайта Музея янтаря в соответствующем разделе предлагается экскурсия под названием «Код города. История в символах», во время которой можно с помощью символов разных эпох лучше узнать историю города с непростой судьбой. Музей создает коммуникацию с разными возрастными категориями и людьми с ограниченными возможностями, для последних постоянно создаются новые условия и формы обращения к экспонатам музея, например «выездные познавательные-игровые занятия «Музей в волшебной книге» для детей с ментальными нарушениями из специализированных учреждений Калининградской области».

Об эффективности бренда Музея янтаря среди туристов как важнейшей целевой группы можно судить с помощью данных многофункционального интернет-ресурса TripAdvisor. На странице «Калининградский музей янтаря» сохранено 1678 отзывов на 15 языках [4], в этих отзывах оценки «отлично» и «очень хорошо» музею дали 1258 человек (75%). Ключевыми словами

в отзывах стали «эстетическое удовольствие», «красота (красивый)», «эмоции», «впечатление», регулярно появляется фраза «визитная карточка янтарного края». Судя по отзывам, можно признать, что коллективный опыт взаимодействия туристов с музеем отражен в его бренде с весьма сильной эмоциональной составляющей и устойчивым эффектом территориальной идентичности — уникальности Калининградского региона.

Бренд музея — важнейшее средство создания уникального образа территории. Применение современных онлайн- и офлайн-инструментов коммуникации позволяет эффективно воздействовать на целевую аудиторию, с одной стороны, обеспечивая территориальную идентичность, а с другой, повышая упоминаемость территории и осведомленность о ней.

г. Калининград

Литература

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: ООО «А ТЕМП», 2013.
2. Соболева Е. С. Музейный брендинг: процесс и инструментарий / Е. С. Соболева, М. З. Эпштейн // Труды Санкт-Петербургского университета культуры. — СПб., 2015. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynyy-brening-protsess-i-instrumentariy/viewer> (дата обращения: 03.07.2022).
3. Официальный сайт Калининградского областного музея янтаря. — Режим доступа: https://www.ambermuseum.ru/home/about_museum/about_museum (дата обращения: 03.07.2022).
4. Калининградский музей янтаря. — Режим доступа: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298500-d2277356-Reviews-Kaliningrad_Amber_Museum-Kaliningrad_Kaliningrad_Oblast_Northwestern_District.html#REVIEWS (дата обращения: 04.07.2022).

«Вот какую жизнью жить я хочу вовеки...»

Беседа Александра Бунеева, главного редактора газеты «Мысли», члена Союза российских писателей, с Юрием Кургузовым, членом Союза писателей

— Юра, как вписываешься в сегодняшний день? Как тебе сегодняшняя молодежь?

— Да знаешь, по крайней мере, пока, мне кажется, вписываюсь вполне. «Лишним человеком» себя абсолютно не ощущаю. Я делаю свое дело, дело, которое мне нравится, — и, к счастью, порой это «дело» находит живой отклик и у других людей. Допускаю, что не всегда комплиментарный, но это естественно, так и должно быть.

О молодежи... Да нормальная в основной массе молодежь. Не очень нормальная, конечно, тоже есть, но ведь и такая была всегда. И в наши юношеские годы, как ты прекрасно помнишь, молодежь была... разная. Я-то хорошо знаю это еще и потому, что рос в весьма неоднозначном в плане «молодежной активности» районе, — «Низы», Троицкая слобода у стадиона и парка «Динамо». И книжки запоем читали, и на гитарах играли, и, чего уж теперь-то скрывать, частенько дрались с «чужаками»... Немало моих приятелей детства и юности пошли по скользкой дорожке, и большинство, увы, назад не вернулись.

Но тогда ведь практически не было самого ужасного сегодняшнего зла — наркотиков, которые стали страшным соблазном и бедой для части современной молодежи. И, конечно, Интернет, социальные сети, гаджеты разные помимо пользы все-таки еще и отупляют, а главное — отбивают желание читать. К примеру, усадить моего двенадцатилетнего сына за стоящую книгу — оч-чень непростая задача. И не только моего.

Ну да — «они не такие, как мы». Они — другие. По большому счету, наверное, не лучше и не хуже, а просто — другие. Представители следующей эпохи или даже цивилизации. Я довольно часто выступаю в молодежных аудиториях: перед студентами, школьниками, и это для меня всегда очень интересно, надеюсь, и для них тоже. Хотя порой и вижу равнодушные, пустые глаза. Ну что ж, все мы, как известно, разные.

— Так ощущаешь ли ты свою нужность и необходимость для современности или чувствуешь себя неудобно? А может быть, находишься в поисках места и жанра?

— Ух, скрижально-то как — моя нужность и необходимость для современности!.. Если с самой простой, человеческой, точки зрения — то, думаю, я и нужен, и необходим своим близким. Нужен (хотя и не всегда необходим) друзьям, товарищам по работе. А вот касаясь «современности»... Понятно, что тут уже переход в иную, творческую плоскость, и как-то с этой колокольни даже и неловко вещать...

Знаешь, с одной стороны, я — человек, написавший энное количество книг, и «нужность» моя определяется всего лишь двумя параметрами — качеством и привлекательностью данных текстов для читателя и шириной их распространения. С другой, я — человек, отредактировавший и выпустивший в свет гораздо большее количество текстов чужих, и, возможно, как раз этим, извиняюсь, более матери-истории ценен.

Но если вернуться к собственным вещам... Вот мой первый напечатанный (кстати, в 1996 году в журнале «Подъём») роман «Луна — Солнце мертвых» действительно очень уважаемый критик назвал в газете «Воронежский курьер» «ужасным во всех отношениях». То есть и жанрово, и литературно. Но я не переживал: каждый вправе иметь собственное мнение.

— Хвалу и клевету приемлешь равнодушно?

— А вот да. Но тут уже определенная черта характера, и относится это не только к литературе. Но если все же вернуться к «нужности и необходимости»... Я что в какой-то момент почувствовал. Наверное, без моих прозаических вещей и воронежская, и российская литература прекрасно обошлись бы. Однако очерки о замечательных людях, с которыми сводила судьба... Ими я действительно могу гордиться — но не тем, как прекрасно они написаны, а тем, что я рассказал широкой читательской публике о малоизвестных, а порой и совсем уже забытых незаурядных личностях. И, Саш, вот что-то, но слова самой искренней, горячей благодарности родных и близких своих в большинстве, увы, ушедших уже героев равнодушным, конечно, не оставляют.

Так... теперь о «неуютности»?

Нет, я чувствую себя вполне уютно и в обыденной жизни, и, извиняюсь, в творчестве. В обыденной жиз-

ни и работе у меня много друзей, товарищей, просто добрых знакомых, с которыми я нахожусь в постоянном контакте по причинам и поводам самым разным: и служебным, и личным. И в творческом плане считаю себя счастливым человеком. Почему? Да потому, что я всегда писал лишь то, что хотел, и когда хотел.

Ну, может, за одним-единственным маленьким исключением. Когда во второй половине 80-х только-только начинал и написал всего два-три рассказа из будущего «Звёздного Волка» да «основу» (будущего же) «Утра гения», старший редактор редакции художественной и детской литературы Центрально-Черноземного книжного издательства Эдуард Иванович Баранников, узнав, что молодой коллега начал чего-то там царапать, предложил дать что-нибудь в сборник сатиры и юмора черноземных авторов, который он взялся составлять. Рабочее название сборника было — «Смехом по огрехам», и, разумеется, ни «Волк», ни «Утро...» не подходили туда никаким концом. Но раз предлагают!.. И я оперативно накатал четыре юморески в совершенно «том», советском стиле и духе — малюсенькая борьба с малюсенькими недостатками. Но я юморесок тех ни капельки не стесняюсь: во-первых, набивал руку, а во-вторых, — это ведь стала п е р в а я (Ура!) книжная публикация. Вышел же в конечном итоге сборник под названием «Омлет из шампиньонов».

— **А насколько важна для тебя, так сказать, поддержка окружающих?**

— Да не очень, Сань, не очень. Нет, доброе слово по факту состоявшегося очерка, статьи, книги — это, разумеется, приятно, но не более того. А вот какой-то «моральной помощи» по ходу писанины совершенно не жажду; думаю, это даже мешало бы и раздражало. Мне (и не только в плане писательства) для достижения каких-либо целей, ей-богу, почему-то желательно определенное... сопротивление среды, даже (ну, не очень длинные) — палки в колеса. Это, как ни странно, дополнительно стимулирует, заставляет собраться, сконцентрироваться, и — вперед и с песней!

Нет, конечно, я всегда чувствую поддержку и одобрение (хотя порой и критику) со стороны мамы, заслуженного учителя-словесника с 54-летним стажем Ольги Николаевны Кургузовой. 12-летний сын Руслан пока просто по-детски гордится, что отец — писатель и родители его друзей читают в Интернете мои книги.

— **Юр, а «сопротивление среды»-то тогда в чем выражается?**

— Ну, ежели по мелочи, то порой в разных бытовых вещах, которые хранительница моего домашнего очага считает более важными, нежели редактура, сочинительство, всяческие вычитки, верстки и тому подобное. Но ничего, как-то сочетаю. «Палка» покрупнее — к примеру, дача ее родителей. Может, и нехорошо в том признаваться, но землю (в сельскохозяйственном плане) я терпеть не могу, а посему пребывание на их загородном участке полагаю пустой тратой драгоценного времени, которого и так-то, увы, остается всё меньше и меньше, и, извиняюсь, бессмысленным окалыванием пресловутых груш. Однако я и туда брал свои «бумаги» и занимался нужным для себя делом. Слышал, правда, просто душещипательные вопросы типа:

«А зачем тебе всё это нужно?», «А ты что, Лев Толстой?» (смех, да?) и просьбы «писать зимой», а не в разгар дачной страды. Но такие вещи, повторюсь, от меня отскакивают как от стенки горох, правда-правда.

— **Действительно, забавно. Ну хорошо, а что насчет поисков места и жанра?**

— Да место-то, Сань, пожалуй, давно уже найдено. Я — литературный редактор. Плюс, иногда, прозаик и публицист. А насчет поисков жанра...

Ты знаешь, еще лет 30 назад, когда только начинал свои первые литературные опыты — будущий «Звёздный Волк», историко-приключенческая повесть о Железной Маске, которая, впрочем, так и не была дописана и много лет спустя стала в итоге уже упоминавшейся большой новеллой «Утро гения», — так вот, еще тогда я впервые подумал, что было бы занятно попробовать свои силы в самых разных жанрах. И — попробовал. Были позже у меня и детективы, и «мистика», и фантастика, и «реализм» — вещи абсолютно непохожие, хотя и, пожалуй, имеющие «общий знаменатель» — ироничный стиль письма. Но это, наверное, опять черта характера: как сказал когда-то в одном из интервью: «Без юмора писать не умею». Да и жить тоже. И, кстати, еще лет 15 назад наш общий друг Дмитрий Дьяков назвал мои писания литературной игрой с читателями. А должно быть, и с самим собой — беря ручку или садясь за машинку, никогда не знал, куда меня в конце концов занесет. Ну? Это тоже — «жанр»?

А последние лет десять, так получилось, художественных вещей вообще не писал — только очерки-портреты, о которых уже упоминал, — моё, как назвал в предисловии к книге «Встречи с эпохой», «человеческое краеведение». И хотя очерками этими я, наверное, стал более... полезен, что ли, обществу, нежели прозой, мечтаю все-таки вернуться к художественным вещам. Надеюсь, рано или поздно это возвращение состоится (лучше, конечно бы, рано).

— **Ну и тогда, вдогонку, — как сам оцениваешь свое литературное творчество?**

— Ух-х, вопросик!.. Я, касаясь себя, к формуле «литературное творчество» отношусь очень осторожно и даже скептически. Слишком уж, на мой взгляд, это звучит претенциозно и выспренне. Я, повторюсь, — человек, написавший некоторое количество художественных, публицистических и журналистских текстов. Писал их довольно беспорядочно во временном плане и вовсе не пытаюсь (за исключением, может быть, очерков-портретов, но там само собой получилось) выстраивать эти тексты в какую-то «глобальную» систему, — вот глядите, мол: такое оно, мое творчество! И на встречах с читателями в самых разных аудиториях я всегда говорю, что не считаю себя профессиональным писателем. То есть «ни дня без строчки» — не про меня. Хочу — пишу, не хочу — не пишу.

Когда начинал готовить свои «тома», всю голову сломал: как назвать издание? Знакомые говорили: да чего тут думать — «Собрание сочинений». А мне это казалось нескромным, действительно, не Лев же Толстой. В итоге остановился на варианте — «Избранные произведения». И по сути верно, а главное, без мании величия.

Вообще-то написал, а точнее, представил на суд читателей я не так уж и много. Если бы катал, подобно некоторым собратьям по перу, как по расписанию каждый день «от забора и до вечера», ясно, наваял бы больше по объему, но однозначно хуже по качеству. Это была бы уже халтура. Лидер группы «Воскресение» Алексей Романов, когда у него недавно в одном из интервью спросили, почему так мало пишет новых песен, сказал: «Не чувствую внутренней потребности становиться графоманом». Вот и я не чувствую. «Совесть автора — лучший редактор», — так переделал я для себя еще лет 30 назад классический настенный лозунг в трамваях и автобусах советских времен. Если у человека есть совесть, он не будет сознательно плодить халтуру.

...Что думаю о себе как писателе? Думаю, что я неплохой стилист (не сам первый сказал — другие). Плюс чего-то нафантазировать, сюжет закрутить, с диалогами вроде нет проблем, а коли нужно, и «психологии» напущу — в общем, инструментарий, кажется, в норме. Вот как-то так. Но я же не дурачок, ей-богу, гением себя мнить. И это, кстати, очень важно — относиться к собственной персоне не просто адекватно, а с определенной долей иронии и даже юмора, что, на мой взгляд, еще и весьма точный показатель ума. Как выразился кто-то мудрый, самоирония есть страховка от преувеличенных о себе представлений. Люди, лишённые этого качества, выглядят порой очень глупо.

Все мы пишем по-разному и о разном. Пишем и правда «как дышим». Я иногда чуть-чуть кому-то из коллег творчески по-белому завидую, но только чуть-чуть, по-белому и творчески. (Когда-то даже написал небольшое эссе о Вячеславе Дёгтеве и его рассказе «Русская душа» с именно таким названием — «Белая зависть».) Слава богу, лет еще 30 назад мне на сей предмет замечательно вправил мозги наш, Сань, общий друг Олечка Сысоев.

— **И каким же образом?**

— У меня тогда начиналась «эпоха» «Звёздного Волка», и на тот момент я начудил с этим персонажем ну максимум с пяток рассказов. А Олег-то писал уже давно и серьезно, и, прочтя его вещи, особенно «Серых людей», я смятенно подумал: господи, вот же человек пишет действительно н а с т о я щ у ю прозу, а я только идиотничаю да дурака валяю! Попробовал сам, «настоящую», — ни черта путного не получается, туфта какая-то. Плюнул и бросил. А тут Олег зашел — ну я и не выдержал, пожаловался. Ты-то, говорю, вон как и вон что пишешь, а я, блин, ахинею всякую несую! А Олег — старик, я когда твои рассказы читаю, ржу как лошадь, мне так сроду не суметь... И я, Сань, ментально успокоился. В самом деле: каждому — свое.

— Это точно. Ну а теперь давай поговорим и о других вещах, которые к определенному возрасту становятся даже не то что серьезными и необходимыми, а, по-моему, просто основополагающими. Ну, например, о музыке. Я вот слушаю старые любимые композиции, и они мне не надоедают. Я бы и новые послушал, если бы они обладали той же внутренней силой и неожиданной радостью. Но как-то уже не встречаю ничего подобного. Кстати, спасибо за те твои песни, которые

ты исполнил не так давно нам с Борей Подгайным. Это было неожиданно и замечательно.

— И тебе огромное спасибо, Сань, однако тут ты меня (я о своих песнях) здорово смутил, правда. Но и обрадовал — о «нашей» музыке я готов говорить часами. Кумиры наши — «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Криденс», «Сёрчерс», «Дэйв Кларк Файв», «Лед Зепшелин», «Дип Пёрпл», «Блэк Саббат», «Бич Бойз», «Холлис», «Прокол Харум», «Свит», «Слэйд», «Иглз» и многие-многие-многие другие, а точнее их музыка, стала для меня вторым после книг и жизненным, и духовным, и душевным, да и интеллектуальным тоже, столпом. В детстве и юности мы с друзьями с ума по их песням сходили. Слушали часами, днями, годами, и они до сих пор всегда со мной и звучат во мне — безо всякого пафоса говорю. Ну и, естественно, мы просто не могли тогда сами не взять в руки гитар. И взяли. И играли. Даже песни собственные сочиняли.

И, как и ты, я новую музыку совсем не воспринимаю. Я, может, в этом еще консервативнее тебя. Главная «моя» музыка осталась в 1960–70-х. 1980-е — кое-что. А 90-е и далее — уже всё: знать не знаю и знать не хочу. Такой вот пенёк.

А касаясь песен, которые я, как ты чересчур уж комплиментарно выразился, исполнил вам с Борисом...

Честное слово, с самого раннего детства ни слуха, ни голоса у меня просто не было, да и сейчас особым их наличием я обременен не слишком. Но ведь случилось же так, что лет в 13–14, когда мои ближайшие друзья, обуреваемые девятым валом советской битломании, начали осваивать гитары и уже чего-то там исполнять и даже сочинять, они и меня, невзирая на отчаянное сопротивление, и далеко не с первой попытки, в это дело втянули. Им просто требовался еще один гитарист, а я-то вот он, всегда под рукой.

И год-два было элементарное натаскивание и действительно упорные тренировки, до кровавых мозолей на пальцах... В общем, и в самом деле, оказывается, медведя можно научить ездить на велосипеде. Постепенно и я, так сказать, заиграл, потом даже запел и тоже начал пытаться сочинять мелодии к чужим стихам и текстам. (Вот, кстати, штука какая — аж обидно: никогда не мог придумать нормального текста песни, всякий раз выходила какая-то лабуда. Нет, технически (рифма, размер и прочее) я и тогда уже был малость подкован, а уж сейчас-то тем более, но вот чего-то главного... души и сердца, что ли... да просто — жизни я в те свои натужные опусы вдохнуть не смог и, может быть, никогда не смогу. Гнать же халтуру не хочу. И бывает жалко — хорошая мелодия без слов покрутится-покрутится в голове, да и улетает.)

И те песни, которые ты вспомнил, были придуманы: одна на стихи Сергея Есенина — дерзнул положить его «Цветы мне говорят: „Прощай“...» на жесткую ритмическую основу, а две другие сочинены на стихотворения, на мой взгляд, самых сильных и, главное, — очень близких мне по духу, мироощущению и много чему еще воронежских поэтов Ивана Щёлокова и Валентина Нервина. В свое время, листая их подборки, я на этих текстах по-хорошему «споткнулся» и почти сразу же

внутренне их запел. А вот в четвертой из тех упомянутых тобой песен я все же имею отношение к словам, но больше не как автор, а как редактор и литобработчик. Она посвящена памяти «Битлз», и история тут такая.

Лет уже почти двадцать назад один знакомый показал мне свою поэму. Она была довольно объемная, со всякого рода отступлениями и подтекстами. И был там фрагмент, связанный с «Битлз», их песнями и признанием автора им в вечной любви. И он попросил меня сочинить к этому фрагменту мелодию, но...

Но дело в том, что поэма была написана вольным стихом, ну совершенно, на мой взгляд, не в песенном стиле. Деталей, естественно, уже не помню, помню только, что это потянуло бы на какую-нибудь, извиняюсь, заунывную ораторию. И я сказал автору, что могу попробовать переделать текст, сохранив его дух и содержание, в том ключе, как это вижу.

Он согласился, и я не только переделал, но даже дописал один куплет и припев (припевы там все разные). Ну и в результате вышла энергичная битовая вещь с чуть завуалированными музыкальными цитатами из «Битлз». В придачу и по тексту для читателей «Великой четверки» в этой песне всё ясно: он почти целиком построен на названиях, персонажах их песен и каких-то смысловых отсылках к битловским композициям. «Yellow Submarine», «Strawberry Fields Forever», «Fool On The Hill», «Lucy In The Sky With Diamonds» и проч. И ей-ей, песенка эта мне, каюсь, самому страшно нравится.

Но не подумай только, бога ради, Сань, что я считаю себя музыкантом. Ни в коем разе! Так, любитель-середнячок по жизни. Вот некоторые мои друзья — действительно профессионалы. Но они ко мне в музыкальном плане относятся снисходительно, и иногда я даже вместе с ними играю... Нет, чтобы играть на более приличном уровне, надо постоянно заниматься, не меньше часа-двух в день. А у меня бывает час-два... в месяц. В общем, Риччи Блэкмора из Юрия Кургузова не вышло, ну и ладно. Так и остался, как выражались раньше, крепким дворовым или уличным, а теперь... квартирным, ну и порой... офисным, что ли, гитаристом. Хотя гитар у меня девять штук, и акустических (одна — двенадцатиструнная), и электрических. Такой вот бзик, понимаешь. Но давай на музыкальную тему закругляться, а то если вовремя не остановить, я могу болтать долго.

— **Ладно, давай. А теперь — о городе. Том самом, родном и любимом, меняющемся и неизменном. В котором с нами происходило всё, что может и не может произойти. Что для тебя наш город?**

— Сань, — всё! И я в самом кошмарном сне не могу представить, что вдруг возьму и перееду жить в какой-то другой город, а тем паче страну, — это даже не обсуждается. Первые, почти младенческие фрагменты воспоминаний: фонтан у Помяловского спуска (там, на Правой Суконовке, бабушка с дедушкой жили), трамвай на проспекте Революции, ясли где-то за Телеграфом, родной «частный сектор» на Троицкой, с улочками, замощенными камнем еще в царские времена... Детство — это уже в памяти сидит крепко: т о т наш Во-

ронеж, какой-то полупатриархальный, действительно провинциальный, еще не изгаженный архитектурно и зеленый-зеленый... Разумеется — река, заливные луга — трава по пояс, с озерцами, протоками, ручейками (а там — дикие утки, выхухоли, нутрии, ондатры) и морем полевых цветов. А помнишь, на левом берегу распускались колокольчики? Целые поля темно-фиолетовых колокольчиков, и мы с ребятами плавали туда за ними и возвращались с огромными душистыми букетами. Чудо же!..

И, конечно, рыбалка. Под нашими улицами на берегу была лодочная пристань от Механического завода, и с ее мостков клевало почему-то лучше, чем с берега. Правда, некоторые сторожа нас оттуда гоняли. А некоторые не гоняли, и мы назубок знали график дежурств сторожей и «добрых», и «злых».

Ну а уж «отрочество» и «юность», Сань, — это вообще целая необъятная Вселенная! Помимо их уже упоминавшейся «гитарной составляющей» — конечно же, школа, друзья-приятели, никуда не денешься — «улица» со всеми ее и плюсами, и минусами, чтение запоем, походы в кино, на концерты кумиров ВИА, ну и первые влюбленности, первые (разумеется, романтические) свидания, да еще и самбо во дворце спорта «Динамо» несколько лет занимался... Так что жизнь была насыщенной и удивительная. И как всё это можно забыть?!

Ну а потом, после армии, пошло уже «основное», взрослое, бытие — учеба в институте, работа и многое, многое, многое другое. Годы, десятилетия — и всё это здесь, в нашем — моем и твоём — любимом и дорогом Воронеже. Городе, в котором, как ты выразился, с нами происходило всё, что может и не может произойти. А самое главное, Сань, что в этом удивительном городе п р о з о ш л и мы...

— **Ты упомянул о чтении и книгах. Давай о них. Страшно интересно, что любишь читать и по сколько раз перечитываешь то, что тебе помогает. Как оно всё сочетается: к примеру, Достоевский и Клиффорд Саймак, Мураками и Солженицын, Ван Вэй и Роджер Желязны? Или кто-то еще? Мне вообще доставляет огромное удовольствие просто перечислять эти имена, как и многие другие. Уверенности прибавляется. Не находишь?**

— Несомненно. Но помимо первого, второго и шестого «номеров», в моем условном лонг-листе доминируют как раз «другие». Очень-очень многие «другие». Тема чтения и книг, согласись, неисчерпаема, однако постараюсь быть максимально лаконичным. Но сначала пару слов о «номерах» третьем, четвертом и пятом.

С великим стыдом признаюсь, что в своих литературных пристрастиях я, увы, глубоко... не знаю даже, как выразиться... Да нет, не «европо», а, наверное, «европеоидоцентричен». Ну всё, всё понимаю — великая китайская, великая японская литературы (а есть же еще и прочая Азия, Австралия с Океанией, Африка)... Конфуцианская литература, поэзия, проза эпохи феодализма, знаменитые «Речные заводы» и масса прекрасных авторов разных веков, Лао Шэ, Лу Синь, многие-многие другие. И, конечно, Ван Вэй: удивительный художник, тончайший лирик и даже фило-

соф-идеалист — мечтатель о справедливом, идеальном государстве... И, естественно, японцы — от собраний мифов и исторических преданий VIII века нашей эры до тех же Акутагавы Рюноске, Кобо Абэ, извиняюсь, так называемой «физиологической литературы» и, наконец, всемирно популярного ныне Мураками...

Ну вот, Сань, понимаю — всё. Умом. А сердцем — нет. Почти полное равнодушие, словно я с ними на разных частотах существую. Какой-то, каюсь, «литературный расизм», что ли, но ничего поделать с собой не могу. Хотя вот великие латиноамериканцы: Маркес, Борхес, Кортасар, Амаду и некоторые другие — это да, моё. Может, потому, что, невзирая на «индейскую метисацию», это, конечно же, «европеоидная» литература.

Теперь насчет Солженицына. Еще раз повинюсь, но как прозаик (кроме разве что ранних вещей) он мне не интересен. Диссидент, потрясатель основ, борец, общественный деятель, властитель определенной числа умов и их дум, конечно, патриот и т. д., и т. п., но — фигура, на мой взгляд, в первую очередь социально-политического, а не литературного контента.

А вот Достоевский, Саймак, Желязны — однозначно моё. Но далеко не только они. Давай попробую пробежаться коротенько, прямо с детства.

Ну, малышова классика — это понятно, даже не стану перечислять. Плюс Лагин, Николай Носов, Томин (который «Шел по городу волшебник»), десятки других отечественных авторов, включая наших замечательных земляков Юрия Третьякова, Владимира Добрякова и Евгения Титаренко. Конечно же, мировая приключенческая литература: Фенимор Купер, Жюль Верн, Майн Рид, Буссенар, Эмар, Рони-Старший, Стивенсон и прочие, прочие, прочие. На вершине того моего детского пьедестала — великий Александр Дюма, а были же еще и Хаггард, и Конан Дойл, и Сабатини, и Уэллс, и наши Александр Беляев, Рыбаков, Обручев, Ефремов, Мартынов... да снова десятки, если не сотни имен.

И то начальное (и уже «запойное») чтение стало для меня каким-то фундаментом — не только литературным, а и историческим, и географическим, и даже зоологическим и палеонтологическим (к примеру, Майн Рид-то с Рони-Старшим, Обручевым и Ефремовым, да?). Ну а уже на этот фундамент...

Мне, Сань, несказанно повезло! В 1966 или 67 году родители подписались на БВЛ — 200-томную Библиотеку всемирной литературы. И вот начали приходиться эти волшебные тома в суперобложках — первым мы получили «Илиаду» с «Одиссеей» Гомера, и... И, будучи уже подкован «Мифами Древней Греции» Куна и прозаическими пересказами Тудоровской «Троянская война и ее герои» и «Приключения Одиссея», я с головой погрузился в этот величественный «ахейско-троянский мир», да еще с богами-олимпийцами в придачу.

Вообще-то Гомер для десятилетнего ребенка читиво, конечно, все равно нелегкое (это сейчас, после истфака и штудирования многочисленных соответствующих монографий, плаваю в этом «море» более-менее осмысленно). Но тогда я был просто заморожен блистательными чеканными гекзаметрами и пленен чарами Древней Греции на всю оставшуюся жизнь.

И не только Греции. Пошли следующие тома, не по хронологии, вразброс: «Литература Древнего Востока» (Египет, Шумер, Аккад, Элам, Вавилон, Ассирия и др.), «Исландские саги», Низами, Фирдоуси, Руставели, арабская поэзия, утопический роман, великие «римляне и греки» и т. д., и т. д., и т. п. И таким вот образом в мою — безо всякого преувеличения — плоть и кровь навсегда и абсолютно на равных вошли две главных любви — История и Литература. (И, кстати, вышедшая по областной программе книгоиздания в конце прошлого года книга «Возвращение к Клио» как раз и есть мое признание в любви к чудесной науке Истории.)

— Но, Юр, наверное, не только же БВЛ?

— Конечно, не только. Продолжал зачитываться фантастикой, детективами, историческими романами, пошла уже и классика, плюс научно-популярная литература (история, география, биология, археология, палеонтология). Всеяден я был, Сань, жутко.

— **Послушай, но я вот вспомнил сейчас твою «Луну...», которая «Солнце мертвых»... А ведь к такой «Луне...» надо было как-то прийти. Не на пустом же месте она родилась?**

— Да не на пустом. Кроме того, что уже назвал и не назвал, меня с детства страшно тянуло к литературе мистического, «ужастикового», таинственно-зловещего плана. Началось это, наверное, еще с «Черной курицы» Погорельского, «Тима Талера» Джеймса Крюса; далее — «Вий», «Страшная месть» и тому подобные вещи Гоголя, «Упырь», «Семья вурдалака» А. К. Толстого... А тут — опять БВЛ! Получаем мы, Сань, толстенный том Гофмана. Ты понимаешь?! Я до того только «Щелкунчика», кажется, читал, а здесь — и «Золотой горшок», и «Крошка Цахес», и еще много чего, но главное... Меня просто околдовал «Песочный человек». Перечитывал много раз, в том числе и с фонариком под одеялом (родители выключали свет, чтобы засыпал наконец). И те детские впечатления и эмоции — гулкие шаги «Песочного человека» и особенно вопли: «Глаз!.. Отдай глаз!..» — помню до сих пор и до сих пор чуть-чуть ёжусь.

Ну а следом за Гофманом «пришли» Эдгар По, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда... Да красота же, Сань!.. Попозже (уже не из БВЛ) открыл для себя Вашингтона Ирвинга, Натаниэля Готорна (это который — «Алая буква»), Анну Радклиф, Чарльза Мэтьюрина; в армии — библиотека в части была замечательная — Шервуда Андерсона... Ну а в конце 80-х — начале 90-х, помнишь сам, подобная (по жанрам, хотя, увы, не качеству) переводная литература хлынула к нам настоящим потоком... Да, чуть не забыл — Стендаль, Бальзак, Мериме, Диккенс. У них же есть классные вещи «из этой оперы». Особенно обожаю Мериме, и не только за «Венеру Илльскую», «Души чистилища» или «Локис». Он один из самых любимых моих писателей — я в «Кольце Изакарона» даже, так сказать, творческий поклон в его сторону с величайшим почтением отвесил.

Ну и вообще, Сань, кого еще только я не читал! Вергилий, Данте, Томас Мор, Кампанелла, Рабле, Шекспир, Мильтон, Вольтер, Гюго, Золя, Марк Твен, Драйзер, братья Манны, Ремарк, Фейхтвангер, Шоу — и Бернارد, и Ирвин, Толкиен (в 70-е потихоньку начали его

у нас переводить), Чапек, Гашек... Русская классика от Пушкина до Мережковского, советская от Есенина с Маяковским до Шолохова, Ильфа-Петрова и Булгакова. Перечислить всех невозможно, да и ни к чему. И, конечно, опять — фантастика, детективы... Плюс, разумеется, чтение «по работе», 35 лет уже.

— **А давай теперь вспомним хотя бы основное, знаковое, что же ты написал. Хронологически. Как писалось? Что помогало? Что мешало? Что из написанного тебе самому нравится? Перечитываешь сам себя?**

— Первой моей пробой пера стала, как я ее гораздо позже окрестил, «литературная фантазия» «Утро гения». Я уже рассказывал где-то: взял и настучал на машинке году в 86-м полсотни страниц начала, как думал, повести о Железной Маске, а потом листы те забросил и к теме остыл. Только лет через 25 наткнулся в своих бумажных завалах на тот текст и (не пропадать же добру) дописал начало и концовку и включил в седьмой том Избранных произведений.

Наверное, знаковыми же в определенном смысле можно назвать и те четыре юморески, о которых уже говорил, и тоже четыре первых рассказа о «Звёздном Волке», которые вышли в 1991 году в коллективном сборнике «Молодая проза Черноземья». Знаковыми — потому, что это были две первые, пусть и не «сольные», книжные публикации моих прозаических вещей.

Признаюсь, Сань: есть у меня — правда, не очень много, того, что вряд ли когда-нибудь увидит свет. Это — либо что-то начатое и брошенное (то самое «остыл»), либо тоже брошенное, но не столько из-за остывания, сколько из-за того, что я вдруг точно утратил какую-то нить, какой-то стержень, а по большому счету — смысл доведения до конца данных текстов. А еще было несколько рассказов, машинопись которых я элементарно потерял лет 20 назад. Ну, знать, не судьба. Хотя...

Хотя об одном из них жалею. Герой — тот же «Звёздный Волк», которому по сюжету начальство дает задание: на энной планете выполнять распоряжения местного царька. А там уровень развития и в целом антураж — как в земной Древней Греции. Ну и вот получает наш орел от местного базилевса Эврисфейдера (уже улыбаешься?), словно какой-нибудь Геракл, приказ — убить Пещерного Льва и принести его шкуру в качестве вещественного доказательства выполнения задания. Герой находит нужную пещеру, начинает тыкать внутрь нее копьём, и... И оказывается, что живет в пещере не страшный зверь, а... святой отшельник, Лев Пещерник, интеллигентнейший и обаятельнейший внешне человек, который по неким идеологическим причинам впал в немилость к коварному Эврисфейдеру, потому тот и натравил на него нашего наивного героя. Между ними происходит душевная беседа философско-нравственного плана, но бедняге-то без Львиной шкуры возвращаться нельзя, и отшельник смущенно предлагает ему снять шкуру с... собственного брата-близнеца, тоже отшельника, живущего в соседней пещере... Концовку рассказывать не буду, вдруг когда-нибудь попробую его восстановить, хотя восстанавливать с нуля...

И в целом, Саш, конец 80-х — начало 90-х — это у меня, можно сказать, эпоха «Звёздного Волка». До 1996 года об этом персонаже я написал девять рассказов и небольших повестей, которые вошли в мою первую, как раз 96-го года, книгу. Десятую же повесть — «Жапирианские хроники» — я довольно неожиданно для себя очень быстро накатал в 1999-м, когда вроде бы со «Звёздным Волком» окончательно распрощался. И эти «Хроники» были напечатаны только в 2010-м, в первом томе моего Собрания...

— **Давай задержимся в 1996 году. Твоя первая книга. «Приключения Звёздного Волка» и...**

— «Луна — Солнце мертвых» плюс рассказ «Комната под башней».

— **Вот. Давай еще о «Луне...». Я услышал про Гоголя и Гофмана, но все равно — как тебе т а к о е в голову пришло?! И, помня литературные вкусы тогдашнего руководства Центрально-Черноземного издательства, удивительно, что оно вообще дало добро на эту книгу. Ведьмы, вампиры, оборотни...**

— И мне, Сань, сначала было удивительно, тем более что инициативу проявил вдруг сам директор издательства. Но оказалось, что тут я должен благодарить Славу Дёгтева. Ты помнишь, он недолго, месяца три-четыре, был главным редактором журнала «Подъём». И в первом-втором номерах 96-го взял и напечатал «Луну...». Зашел как-то к Свиридову и рассказал, что в библиотеках на номера эти читатели в очередь записываются, чего, мол, ждете, надо книгу издавать. Вот тогда Свиридов мне и предложил. А я под это дело еще и «Звёздного Волка» в нее воткнул, хотя фантастика и юмор, как, впрочем, и «мистика», директору были абсолютно до лампочки. Короче, «Луна...» стала для «Звёздного Волка» «паровозом», и я после нее сделал читателям (чтоб заранее знали) в книге такое предупреждение: «Приключения Звёздного Волка не имеют к волкам Волчьего замка ни малейшего отношения. Всё нижеследующее написано хотя и тем же самым автором, но совершенно другим человеком».

— **Это да. Вещи действительно очень разные. Так что, получается, и впрямь в «Луне...» сработал «эффект» Гоголя, Гофмана, Вашингтона Ирвинга и иже с ними?**

— Получается, сработал. Но знаешь, всё вышло как-то случайно. Ты, может, заметил по «Звёздному Волку», что присутствует у меня некоторая склонность к пародии. В «Волке» я, в разных объемах и пропорциях, порезвился на почве текстов многих любимых авторов — от Гомера до Стругацких. И вот стукнуло как-то в голову написать рассказ а-ля «Пересолил» Чехова, однако в, так сказать, «хорроровских» декорациях. Ну и начал. Планировал уложиться страниц в 15–20, но...

Но в некий момент «Остапа понесло»: сюжет выскочил из-под контроля. Ладно, думаю, пускай будет страниц на 40. Через неделю решил: ну, не больше ста. Но куда там! И действие, и герои уже зажили собственной жизнью, и в итоге вышло то, что вышло, а от Антона Павловича осталась лишь, извиняюсь, затравка. Плюс ко всему над этой вещью мне пришлось поработать и как дипломированному историку: покор-

петь над средневековыми источниками, покопаться в «профильной» литературе и проч. Ну и в результате — и мистика, и хоррор, и детектив, и капелька пародии в одном флаконе (правда, микроскопическую пародийность там видят далеко не все). Вдобавок — стилизация языка под «ту эпоху». Точку в «Луне...» поставил в конце 1989 года.

— **И какой же была реакция «окружающих» на этот роман?**

— О том, что в «Воронежском курьере» его назвали ужасным во всех смыслах, я упоминал. Однако подавляющее большинство знакомых читателей книги говорили: старик, прости, конечно, но «Звёздный Волк» — ерунда какая-то, а вот «Луна...» — это нормально. Мама моя до сих пор считает ее эталонной вещью из всего, что я написал. Правда, не с фактурной, а литературной точки зрения: сюжетопостроение, язык, стиль и прочее. Фактура-то «Луны...» ее как раз привлекает не шибко. А еще мне знаешь, какой запомнился случай. Году в 2000-м в стенах некоего высокого учреждения (того самого, которое в итоге и угробило государственное ЦЧКИ) заместитель руководителя, вызвав начальницу какого-то отдела, представил меня ей, и... И у нее округлились глаза: «Кургузов?...» «Ну да», — киваю. «Луна — Солнце мертвых?... Вы... из Воронежа?!» «Из Воронежа, — говорю. — А почему вы удивились?» Она: «В Воронеже так не пишут...»

Вот какой, Сань, был казус. И хотя в Воронеже и некоторые другие «так», думаю, писали, свет тогда увидела только моя «Луна...».

Да, кстати, в году еще, кажется, 98-м в Интернете появилась сделанная по «подъёмовской» публикации аудиокнижка и гуляет там до сих пор. Разумеется, пиратская — в смысле, что у меня разрешения на это никто не спрашивал. Но я не в претензии. Пускай люди слушают.

Между прочим, спасибо Виктору Демитриенко, первому читателю этого, тогда еще безымянного текста. За название. Такое он предложил, а я ведь брыкался: «Да ну! «Луна — Солнце мертвых»... Формула какая-то!» Но он убедил, и название действительно оказалось удачным.

А тебе, Сань, спасибо за то, что ты, как сказал, недавно перечитал «Луну...». «Пере» — это дорогого стоит. «Пере» для автора гораздо дороже, чем «про».

— **На здоровье, Юр. А что скажешь о «Кольце Изакарона»? Это же продолжение «Луны...», сиквел. За него взялся сразу, по горячим следам?**

— Да нет. Я вообще-то специально ничего здесь не планировал. Оставил на всякий случай так называемый открытый конец, потому что в тему влез основательно и в голове периодически бродило всякое-разное. И бродило долго, лет шесть. «Луну...» я, напомним, закончил в 89-м, потом писал еще что-то о «Звёздном Волке», позже крепко засел за «Чёрного Скорпиона»...

Толчком же взяться за «Кольцо...» стало известие о том, что «Луна...» выйдет в книге. И писал я его, надолго прерываясь, фактически параллельно с «Возвращением Скорпиона». Завершил в 1999-м. И с «Кольцом...» связан занятный эпизод моей биографии. В 2005-м, кажется, я на ура прошел местный, воронежский, этап

приема в Союз писателей России. После, как водится, «пакет документов» вкупе с книгами — «Луна...», «Звёздный Волк», оба «Скорпиона» (московское и воронежское издания) — был отправлен в столицу, в «головой» СП, и...

И — всё... Долгая-долгая тишина. Всех других кандидатов на вступление уже давно рассмотрели, кого приняли, кого нет, новые очередники пошли, а по мне никакой внятной информации. Наконец мэтры наши (и подвигшие меня, кстати, на сей акт) — Виктор Попов, Евгений Новичихин и Виктор Будаков — стали узнавать, в чем дело, и выяснилось следующее. Оказывается, на заседании Комиссии по приему в мой адрес наметал кучу громов и молний сам тогдашний председатель Союза писателей России Валерий Ганичев. Что за безобразие! Какие-то «фантастика», «мистика», «чертовщина», «детективщина», «донцовщина»!.. Короче, таким не место в наших рядах!

Ну и ладно. Я, повторюсь, сам в Союз особо и не рвался, а посему просто махнул рукой, совершенно не переживал, жил и работал себе дальше. Однако за дело взялись «старшие товарищи»: мол, ну как же так, он же не только «чертовщина» и «детективщина», он — директор издательства, очеркист, публицист, редактор сотен книг, и вообще — патриот и радетель русской словесности...

В итоге (не прошло и пяти лет) «наверху» было принято «Соломоново решение»: ну хорошо, пусть издаст какую-нибудь новую книгу, пришлет, и рассмотрим его дело еще раз.

А у меня к тому времени уже первые тома Собрания пошли, и вот он, свеженький, только из типографии, — третий том. Отослал — «рассмотрели» — приняли. И, извиняюсь, прикол в том, что книга та была «Кольцо Изакарона». В общем, Сань, за одну «чертовщину» меня отвергли, а за другую приняли. Спасибо «Кольцу...» и за это, тем более что какой-то другой готовый «не чертовщины» у меня на тот момент просто не было. И членский билет Союза писателей России мне вручили московские товарищи в 2010 году на торжественном праздновании 85-летия журнала «Подъём».

— **Давай поговорим теперь о «Скорпионах». В эту-то степь тебя каким ветром занесло?**

— Наверное, можно сказать, что во многом буйным ветром по имени Борис Бабкин. Был такой — увы, уже покойный, — известный на всю страну автор не одного десятка криминальных романов. А первая его книга вышла у нас, в Центрально-Черноземном издательстве. Я был ее редактором, и мы с Борисом почти десять лет очень тесно общались и дружили. Личность яркая, неоднозначная — о нем, ты прекрасно помнишь, я опубликовал в твоём (тоже, увы, покойном уже) «Воронежском Телеграфе» очерк «Завещание на жизнь и на смерть».

Так вот, когда у Бориса пошли книги в Москве, он, весьма скептически относившийся к «фантастике» и «мистике», начал в прямом смысле слова доставать меня — «Пиши детектив!» Я долго отнекивался, отбрыкивался — действительно не хотел, но в некий момент эти Борисовы наезды, видимо, вошли в определенный резонанс с мыслями пробовать себя в разных жанрах.

А в самом-то деле! Почему бы и не детектив? И даже не простой, а криминальный, как раз в духе этого расцветшего в «лихие девяностые» жанра самым-пре-самым пышным цветом. Тем более что в прототипах героев недостатка не было. Во-первых, сам Бабкин, в прошлом спецназовец, «альфовец», а в придачу еще и преступник, проведший много лет в зонах особо-го режима. Были и другие знакомые аналогичного профиля. К примеру, в «Возвращении Скорпиона» я цитирую текст визитки дорожного рэкетира. «Документ» подлинный, приятеля, который в середине 90-х этим «бизнесом» активно занимался. Ну и плюс какой-то личный опыт (нет, не в смысле уголовный, хотя в юности, признаюсь, где-то рядом мы с друзьями порой и ходили), «житейские наблюдения» сначала за старшими товарищами, а со временем и ровесниками — район-то наш, как тогда и многие другие, был, повторюсь, весьма пассивным.

Ну и обыденная жизнь подбрасывала определенные сюжетные ходы. Вот, кстати, когда закончил «Чёрного Скорпиона», то очень хотел сразу же взяться за продолжение. И идейки какие-то в голове витали, и мысли вроде бы достаточно оригинальные, но никак не мог придумать, с чего начать. Ломал-ломал голову — всё без толку. Несколько вариантов перепробовал — ни один не нравился: искусственно, пресно. И вдруг...

И вдруг, ежели в двух словах, закружились мы с друзьями детства неким приятным зимним вечером... Ну и покружились. С гитарами и песнями. Сначала у одного друга, потом второго, третьего (жены-то наш вокально-инструментальный шалман терпели, разумеется, до поры до времени)... В итоге я оказался в два ночи в двадцатиградусный мороз на улице, чуть не влип в какие-то разборки с чужаками, слава богу, — вылип, а завершился тот мой ностальгический анабасис в ночном киоске на родной остановке «Динамо»: молоденькая продавщица сжалась — метель, городского транспорта, естественно, никакого, редкие машины не останавливаются... И просидел я в этом благословенном киоске (всё было абсолютно прилично, просто разговаривали) до самого утра, пока не пошли первые трамваи и автобусы. И я поехал сразу на работу и... И сел за машинку.

К концу рабочего дня настучал две главы. Две первые главы «Возвращения Скорпиона». И как, может, ни диковато это звучит, я на всю жизнь благодарен той не вполне адекватной ночи. И друзьям, с которыми колобродил, и незнакомым типам, с которыми едва не схлестнулся, и, конечно же, той девушке, которая не только спасла меня от вполне реального риска обморожения, но в итоге стала прототипом одного из главных женских персонажей романа. Да мало того, не исключено, что без нее «Возвращения Скорпиона» вообще не было бы, не написал бы. Правда, в связи с тем, что девушку ту я никогда больше не видел, она об этом не знает и никогда не узнает. Вот такой вот, Сань, всего лишь один пример связи жизни и творчества. Может, не слишком благодарный и педагогичный, но из песни слова не выкинешь.

А другим «источником» появления на белый свет «Скорпионов» стало то, что я был неплохо подкован

в области детективной литературы. На протяжении десятилетий читал и любил Конан Дойла, По, Честертон, Сименон, Стаута, Хэммета, Чандлера, Спиллейна, Буало, Нарсежака и многих-многих других, а главное, я с юности просто обожал романы Богомила Райнова — помнишь такого болгарина: «Господин Никто», «Тайфуны с ласковыми именами» и прочие? И, конечно, очень помог мне факт, что в 90-е годы я немало «похалтурил» на детективной ниве — делал литературные обработки подстрочников романов Агаты Кристи, Чейза, некоторых других западных авторов для, чего уж скрывать, последующего пиратского их издания. Опыт этот, Сань, оказался действительно очень ценным. Не зря же, наверное, о детективщиках шутят: «Девять книжек прочитал — десятую написал». А я же и читал, и литобрабатывал. А потом и сам написал. Две. И книгами этими вполне доволен. По-моему, всё там соответствует канонам и законам жанра. Загадка, таинственные убийства, куча подозреваемых, сыщик-самоучка, драки, стрельбы, погони, замороженное расследование, неожиданный финал — в общем, всё как у людей. А еще эти романы памяты тем, что первое их издание состоялось в Москве, в издательстве «Эксмо», в 2000 году. Правда, вторую часть дилогии меня там уговорили переименовать в «Укус Скорпиона», но в 2002-м, в Воронеже, ей было возвращено, так сказать, историческое название. Да, забыл упомянуть, что в московских «Скорпионах» я выступил под псевдонимом «Юрий Кутузов». По этому поводу тогда шутили воронежские газеты и многие знакомые. Некоторые шутят до сих пор.

— Ну а теперь... о любви? Я же читаю твои книги и вижу, что любовь там такая, какая должна быть. Или такая, какая была? Или не была? И ведь непросто понять, что было и чего не было...

— А может, и не стоит так уж сильно стараться это понять? Тем более, что «любовь» по большинству моих писаний разбросана несколько абстрактная (правда, не без влияния определенного, гм, личного опыта, конечно) и, ясно, олитературенная. «Любовь» в «Звёздном Волке» — это хохма, стёб, прикол, карикатура, соответственно образу самого главного героя: типа недалекого, не очень умного, однако хвастливого и самовлюбленного. В «Луне...» и «Кольце...» сфера эта подана в стилизации под неоромантизм конца позапрошлого века, а в «Скорпионах», думаю, вполне реалистично: иногда возвышенно, иногда приземленно и, может даже, кое-где не без налета вульгарности.

Несколько иное — в «Последнем лете года». Там, Сань, основа более конкретная, хотя... Хотя тоже, не стенографический же отчет о проделанной работе, а, извиняюсь, художественная проза. Но, конечно, в «Лете...» биографический компонент весьма обширен — было, действительно было в жизни такое лето, которое круто изменило мою судьбу. И вещь эта примечательна для меня еще и тем, что ею я «отметился» в следующем жанре. Наверное, «Лето...» можно назвать любовным романом, а можно и просто «реализмом». Уж там-то нет ни мистики, ни фантастики, ни «детектива». Разве что ироничный стиль опять присутствует. Без этого, повторюсь, не получается. Как в песне: «Я не могу ина-

че». Ну и для информации: а главный итог того лета ходит сейчас в шестой класс и зовут его Руслан. Еще одно живое олицетворение связи бытия с творчеством.

— **Юр, но ты так и не сказал, что из написанного самому нравится больше всего.**

— Возможно, Сань, ты удивись — «Звёздный Волк». Я и к другим вещам отношусь хорошо, иначе бы и выносить на суд читателей не стал, однако «Звёздный Волк» — какая-то моя, возможно, не очень вменяемая, особая любовь. Вот это литературное раздолбайство — я в нем просто купался, когда писал, улыбался и даже смеялся порой не вполне здоровым смехом. Саша Прытков в интервью десятилетней давности обозвал меня «Homo ludens» — «Человек играющий», имея в виду мои писания и отчасти музыкальные увлечения. Все вещи мои написаны от первого лица: я словно всякий раз натягивал на себя новую, очередную маску и, соответственно, «шкуру» того либо иного персонажа и — начинал новую игру и с читателем, и с самим собой. Так вот «маска» «Звёздного Волка» — моя любимая, и если я иногда и открываю свою книжку, то книжка эта чаще всего — «Приключения Звёздного Волка».

— **А давай-ка теперь сделаем рывок в четверть мили и поговорим о воронежской литературе, если есть желание, конечно.**

— Ну а чего ж не поговорить, хотя, естественно, высказывать буду сугубо личное мнение. Правда, вот то, что воронежские писательские организации много лет держат в стране твердую творческую неофициальную «бронзу» после москвичей и питерцев, давно признано литературным сообществом России.

В Воронеже сегодня работает немало авторов общероссийского уровня из обоих главных писательских Союзов — и прозаиков, и публицистов, и критиков (хотя эта категория — «товар» особенно штучный, здесь, конечно, вне конкуренции Вячеслав Лютый), и поэтов. Продолжают активную творческую деятельность мэтры — Валерий Барабашов, Виктор Будаков, Виталий Жихарев, Михаил Каменецкий, Олег Ласунский, Евгений Новичихин, Галина Умывакина.

Я не считаю себя таким уж специалистом по поэзии, ориентируясь здесь в основном на свой вкус и редакторский опыт, и потому скажу лишь о главных собственных предпочтениях. Иван Щёлоков, Валентин Нервин, Сергей Попов, Аркадий Макаров — это мои фавориты, и, наверное, не только мои, хотя, конечно же, в Воронеже немало и других интересных поэтов. О женской поэзии, извини, говорить не буду. Просто пожму плечами: не близкая тема. Хотя, разумеется, поэтессы хорошие и разные в Воронеже есть. (А есть и не очень хорошие и почти одинаковые. Как, впрочем, и среди мужчин.)

— **Слушай, а словом «поэтесса» ты сейчас никого не оскорбил? Знаешь же, что некоторые женщины, пишущие в рифму, на него обижаются, желая, чтобы их именовали исключительно «поэтами».**

— Знаю, но, по-моему, обижаются зря. Так уж в нашем языке сложилось исторически. Ну да, «архитекторша», «скульпторша» нормальные люди не говорят, и у Ожегова, кстати, слова эти помечены как «разговорные». А «поэтесса» — не помечено, то есть, это

официальное, каноническое именование женщины-стихотворца. И согласись: «великий древнегреческий поэт Сафо» или «гениальный русский поэт Ахматова» звучит диковато. Однако же когда не так давно в присутствии нескольких литераторов некая, как ты выразился, «пишущая в рифму» дама опять подняла эту, видать, не на шутку волнующую ее тему, а я возьми да брякни: «Женщине, прежде чем стать поэтом, надо для начала сделаться хотя бы поэтессой», — мужики заржали, а даме этот мой бряк явно не понравился.

Можно чуть-чуть пошутить? Года два-три назад, после довольно экстравагантного визита в Дом литератора какого-то «человека, пишущего в рифму», я неожиданно для самого себя нацарапал на клочке листа:

От Евтерпы душевные раны.

Навевает то радость, то грусть.

Запишите меня в графоманы,

Я, надеюсь, и там пригожусь.

— **Ох, давай-ка от греха подалее перейдем к прозе.**

— Давай-ка перейдем. Из сотен книг, которые за десятилетия в профессии довелось редактировать, прозаических было подавляющее большинство. Наверное, потому и глаз тут острее, да и просто проза мне чисто «по-человечески» ближе.

Радует то, что в Воронеже работают несколько поколений прозаиков — от ветеранов до совсем еще молодых. По-моему, наконец-то преодолен своего рода демографический кризис в местной литературе: пишут не только «взрослые», в том числе и «изрядного возраста», а и 30-летние, и 20-летние, и даже тинэйджеры. Вот, правда, с 40-летними, Сань, сам, наверное, знаешь, — беда. 1990-е годы как серпом выкосили (творчески) это поколение, молодежи тогда не до литературы было, все действительно просто выживали. А в 2004-м, кажется, возобновились после долгого перерыва областные Советания молодых литераторов, и процесс, так сказать, подготовки новых кадров, прости за тавтологию, тоже возобновился. Очередное Советание запланировано на май этого года.

И что касается прозы, то здесь у меня в приоритете, уж извини, Саш, ты, Виктор Никитин, Александр Ягодкин, Борис Подгайный, (опять) Аркадий Макаров, Сергей Васильев, он же Дубянский, Алексей Ряскин. А еще как публицист с краеведческим уклоном и историк по образованию не могу не упомянуть таких уважаемых мною собратьев из данной области, как Дмитрий Дьяков, Павел Попов и Валерий Березуцкий.

— **И почему же ты назвал именно тех авторов, которых назвал? Я сейчас о прозе. Каковы твои «критерии отбора»?**

— Попытаюсь объяснить. И в двадцатый раз оговорюсь: прозаиков, умеющих достаточно складно писать, в Воронеже немало. Но... Определенная начитанность в мировой и отечественной классике и просто хорошей литературе плюс тридцатилетний (во завернул!) опыт редакторской работы «испортили» мой вкус. Мне недостаточно только того, что автор складно пишет, сочиняет занятный сюжет, толково его излагает, описывает какие-то (в зависимости от характера этого самого сюжета) ходы и перипетии. Мне важен т а л а н

т. Талант, а не квалификация, пускай даже крепкая и добротная. Художник, а не ремесленник. Я страшно ценю язык, стиль, которые уже и сами по себе очень точные индикаторы дарования («среднестатистическим»-то языком владеют многие, но эти многие мне не интересны, даже если они пытаются наворотить что-то эдакое). И еще, разумеется, — мысль, интеллект, эрудиция. Подлинные, а не верхоглядство какое-то. И есть вдобавок некий трудноосязаемый критерий. Кто-то когда-то сказал: я не хочу видеть в произведении следы «работы». Вот и я в литературных текстах эти самые «следы» вижу сразу. Про себя таких авторов называю конструкторами: читаешь и понимаешь, что «конструкция» эта во многом искусственная, возведенная не легкими росчерками пера, не даром божьим, а немалыми усилиями, условно кряхтя и потея. Правда, некоторые набившие руку «конструкторы» пишут довольно шустро, но все равно это не талант, а, повторюсь, квалификация. Ну и последнее (хотя, разумеется, говорить на эту тему можно очень долго): мне очень важны чувства, эмоции, которые вложены автором в то либо иное произведение, и — опять мысли, но уже собственные, возникающие при чтении и волнующие, тревожащие, заставляющие двигаться дальше меня самого. Возможно, Сань, я сейчас наболтал чего-то лишнего, но такая уж это сволочная порой профессия — книжный редактор. В чем-то, возможно, сродни, извины за выражение, патологоанатому.

— «Санитару литературного леса»?

— Ну, что-то вроде того.

— Ладно, Юр, а теперь давай немного подробнее поговорим о твоём «человеческом краеведении», о людях, с которыми тебя сводила судьба и о которых ты позже писал. Людях, известных многим, но по-особому известных только тебе. Ну и, может, вообще — о тех, кто оставил след в душе. О ком вспоминаешь или... предпочитаешь не вспоминать.

— Ты знаешь, началось это «моё человеческое краеведение» в определенной степени случайно. В начале 2000-х я несколько лет не писал вообще. Ни строчки. И связано это было с тем, что как раз в то время власти предрержащие медленно, но верно убивали Центрально-Черноземное книжное издательство, последним директором которого мне, увы, выпало стать. Ну поверь, психологически, морально было не до писательства.

Когда все это закончилось и государственное ЦЧКИ прекратило свое существование, мы с Николаем Сапелкиным, достаточно оперативно возродили, выражаясь современным языком, исторический «лейбл»: открыли ООО «Центрально-Черноземное книжное издательство» и продолжили выпускать книги под фирменным логотипом-пятилистником. А в 2010 году издательству исполнилось 90 лет, и к этой дате мы подготовили и выпустили книгу «Навстречу столетию. Очерки истории Центрально-Черноземного книжного издательства». Добрую половину её написал я — материалы о директорах издательства разных лет и десятилетий, о некоторых знаковых не только для ЦЧКИ, но и всего нашего региона книгах, авторах, с которыми довелось работать.

Героями тех первых моих очерков стали расстрелянный в 1938-м директор Воронежского областного

книгоиздательства Федор Темников (огромное спасибо за подробнейший рассказ о нем его дочери Ирине Ивановне Янкиной), работавшие в последующие годы на этой должности Тимофей Листров, Петр Прудковский, Андрей Долженко, другие ветераны издательства. Ну а дальше, Саш, — снова спасибо тебе и Диме Дьякову с Борей Подгайным — вы взяли меня в оборот, и в вашем «Воронежском Телеграфе» и других изданиях я напечатал около двух десятков очерков о наших замечательных земляках и не только земляках. Писатель и журналист Василий Песков, историк Рой Медведев, актеры Всеволод Абдулов и Михаил Кононов, работавший со мной над изданием книги Владимира Высоцкого «Не вышел из боя» Александр Чаплыгин, замечательный художник Александр Ножкин, опытный редактор Тамара Давыденко, мэтры воронежской и российской археологии Арсен Синюк, Анатолий Винников и Анатолий Пряхин, историк-медиевист Галина Липатникова, писатели Олег Сысоев, Вячеслав Дёгтев, Борис Бабкин, Анатолий Силин, Яков Мулкиджанян, гитарный мастер Иван Безгин, герои Великой Отечественной войны Алексей Котов и Анатолий Никитин..

И вот так само собой и сложилось о н о — «Моё человеческое краеведение». И еще раз повторюсь: особенно дорого оно мне тем, что, во-первых, я рассказал широкой (именно широкой) читательской публике о замечательных людях, о которых она либо уже забыла, либо вообще ничего не знала, а во-вторых, — искренней благодарностью, порой со слезами, родных и близких моих героев.

В этом «краеведении» случайных героев нет. За исключением тех, кого в силу возраста, естественно, не мог знать лично, со всеми остальными я был как минимум знаком, а в большинстве знаком очень хорошо. У кого-то учился, с кем-то сотрудничал, работал, дружил, жил много лет по соседству.

К примеру, Всеволод Абдулов и Александр Чаплыгин — это целая глава в моей жизни, связанная с изданием в ЦЧКИ первой в СССР «толстой» книги Владимира Высоцкого «Не вышел из боя». Другая глава — Василий Михайлович Песков, тут даже не нужно ничего пояснять, верно? Галина Ивановна Липатникова и Арсен Тигранович Синюк — любимые институтские преподаватели, и не только преподаватели, а личности, во многом «сделавшие» меня. Да каждый, каждый из вышеназванных людей — отдельная глава и в моем «человеческом краеведении», и жизни в целом. Без них я не стал бы таким, какой есть. Не в смысле таким хорошим — а просто вот таким, каким получился. И огромная благодарность им за это!

Ко мне не раз обращались знакомые: «Слушай, есть замечательный человек — напиши о нем!» А я всегда отказывался, потому что желание писать о ком-то должно родиться во мне самом, без подсказки со стороны, и своего героя я должен и хорошо знать, и безмерно уважать, и даже любить. Иначе выйдет холодный, дежурный, заказной материал. Такие, признаюсь, писал когда-то в связи с «производственной необходимостью», но, к счастью, в последние годы необходимости такой у меня нет.

Я, Сань, вспомнил сейчас один эпизод. Выступал недавно перед студентами гуманитарного факультета родного педагогического университета; в завершение встречи — вопросы, самые разные. И встает девочка-первокурсница:

— Скажите, вы пришли с портфелем Арсена Тиграновича Синюка?

Я от неожиданности оторопел. А она:

— В очерке «Учитель, перед именем твоим...» вы пишете, что жена Арсена Тиграновича после похорон мужа подарила вам его гитару и портфель. И я хотела увидеть этот портфель.

— Да нет, сегодня взял другую сумку, — растерянно развел руками.

— А в конце очерка я даже заплакала...

И у нее выступили слезы. А ведь девочка с филологического отделения, не историк, которым преподаватели о Синюке, конечно же, много рассказывают. Боюсь, у меня самого в тот миг повлажнили глаза... Вот ради таких встреч, таких мгновений, наверное, стоит и писать, и жить.

А о других людях, кто оставил след в душе... Таких, как и у любого, было и есть немало. Перечислить всех невозможно. Это я про добрый след, да? Конечно, родители, конечно, близкие, друзья и товарищи, которых у меня очень много, школьные соклассники и учителя, институтские однокурсники и преподаватели, тренеры по борьбе, сослуживцы и командиры в армии, коллеги по издательству и те, с кем работаю сейчас. Каждый из них в какой-то степени стал частицей моей жизни, моей судьбы.

А о ком предпочитаю не вспоминать? Да таких почти нет. Как всякий нормальный человек, я не принимаю людей подлых, недобрых, мелочных, фальшивых. Не принимаю самовлюбленных дураков и хвастунов в любой сфере бытия, в том числе и нашей, Сань, сфере. (Любить-то надо литературу в себе, а не себя в литературе.) Но с подобным контингентом элементарно стараюсь не контактировать, по крайней мере, близко не подпускаю. Да кстати, они и сами не особо ко мне лезут. И вот об этой публике я практически не только не вспоминаю — я о ней просто не думаю.

— **А давай-ка пофантазируем. Вернул бы ты что-нибудь назад? Сделал бы что-то по-другому, если б представилась возможность? Прожил бы жизнь заново? Где? Как?**

— Сразу столько вопросов, хотя по сути все об одном, лишь углы зрения разные. Попробую ответить, но не обязательно же по порядку, да?

Самый легкий про «Где?». Только здесь, Сань, только в Воронеже, это уже говорил.

«Вернул бы что-нибудь?»... Знаешь, как и любой человек, я делал порой всякого рода, деликатно выражаясь, глупости — и помельче, и довольно крупные. Мелких было — не упоминать, а вот две самые крупные... Не сидели бы мы сейчас и не беседовали на разные темы, кабы хоть одна из тех крупных получила, скажем так, развитие. И жизнь моя точно была бы другой. Понятия не имею, какой, однако совершенно другой и уж стопроцентно не имеющей отношения к изящной словесности. Слава богу, пронесло, но те две

бо-о-ольшие глупости, если бы можно было на каком-нибудь научно-фантастическом агрегате вернуться в предшествующий им момент времени, я с радостью из своей биографии вычеркнул бы.

«Сделал бы что-нибудь по-другому?»... Ну, тут схожая песня. Да массу самых разных мелочей, не особо влияющих на жизнь в целом, я, возможно, либо сделал бы по-другому, либо не стал бы делать вообще. Метнись в прошлое со своим нынешним умственным багажом, — точно не начал бы курить: такая зараза! Что еще? К спорту, музыке отнесся бы посерьезнее.

Но вот о чем вспоминаю довольно часто на протяжении уже тридцати пяти лет. Я писал про это в очерке о Галине Ивановне Липатниковой: она хотела, чтобы я стал ее преемником в институте по линии медиевистики — истории средних веков. Но там имелись нюансы — за это надо было побороться: поискать «поддержку» в определенных сферах, проявлять соответствующую инициативу и прочее.

А я и не боролся, и не искал, и не проявлял, и ничего прочего не предпринимал. Почему? Даже сейчас однозначного ответа нет. Я до сей поры безумно люблю древнюю и средневековую историю как науку — в чистом, рафинированном виде. Но я до сих пор безумно не люблю ни в каком виде, условно говоря, педагогику. Еще поступая в институт, твердо знал, что хочу лишь получить хорошее историческое образование, однако учителем не буду никогда.

И вот мой выпускной, 1983 год явился, наверное, главной развилкой в выборе дальнейшего жизненного пути. Если бы начал работать в пединституте, возможно, стал бы неплохим ученым-историком (педагогом — большой вопрос). Но тогда, разумеется, не было бы ничего того, чем я занимался всю жизнь и продолжаю заниматься по сей день.

Жалею ли, что не сделался профессиональным историком? Да давно уже нет. Похоже, на той «развилке» я выбрал — прямо по Владимиру Высоцкому — свою колею.

Был у меня и еще один «момент выбора». В 2000-м, после выхода в Москве «Скорпионов», издательство «Эксмо» предложило заключить контракт: четыре романа в год, реклама и соответствующая раскрутка в СМИ. Отказался. Писать на заказ — не мое, да и четыре романа в год — халтура, а не литература. Что было бы, если б согласился? Скорее всего, сорвал бы контракт. А может, и не сорвал бы, но... Но совершенно не горюю, что не согласился.

«Прожил бы жизнь заново?» Если просто с юмором — а кто б отказался? Да и коли посерьезней, то с учетом нынешнего житейского и профессионального багажа последние годков двадцать не прочь повторить.

«Как?» А, выражаясь аллегорически, как в моем любимом стихотворении Стивенсона:

*Вот как жить хотел бы я,
Нужно мне немного:
Свод небес, да шум ручья,
Да еще дорога.
Спать на листьях, есть и пить,
Хлеб макая в реку, —*

*Вот какую жизнью жить
Я хочу вовеки...*

Правда, дальше я бы одну строчку малость пере-
иначил, чтоб звучало пооптимистичнее, чем в оригина-
ле, а то там слово больно мрачное присутствует, ну его.

*Всё когда-нибудь пройдет,
А пока живется –
Пусть кругом земля цветет,
Пусть дорога вьется!..*

Это же просто и девиз, и песня! Там получается
два куплета с припевом, и, признаюсь, основа мелодии
у меня уже есть, надо только немножко подшлифовать.
И название стихотворения «Бродяга» я бы заменил на,
к примеру, «Романтик».

— **Хочешь еще английской поэзии, Юр? О жизни
и счастье?**

— Давай.

*Вы спрашиваете, что считаю
Я наивысшим счастьем на земле?
Две вещи:*

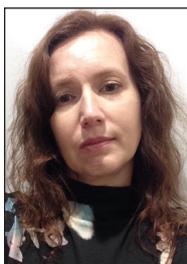
*Менять вот так же состоянье духа,
Как пенни выменял бы я на шиллинг,
И юной девушки услышать пенью
Вне моего пути, но вслед за тем,
Как у меня дорогу разузнала.*

— Чье это?

— **Кристофер Лог. Ну и напоследок. Быстро ле-
тит жизнь?**

— Ой, только давай не напоследок, мне еще сына
на ноги ставить... А жизнь, оказывается, действительно
летит быстро.

<https://podiemvrn.ru/vot-kakoyu-zhiznyu-zhit-ya-hochu-voveki#more-5333>

Валерия Юмашева Абсурд как категория комического в английской литературе

Аннотация: в представленной работе рассматривается феномен абсурда как эстетическая категория и литературный жанр. Возможности абсурда как формы восприятия, познания и отражения мира расширяются, понятие эволюционирует, выходит за рамки, ограничивающие его сферой нелогичного и дисфункционального. В английской литературе, в частности детской, принцип абсурда (нонсенс) получает жизнеутверждающий импульс.

Ключевые слова: абсурд, нонсенс, эстетическая категория, литературная форма, дискурс.

Эстетика (от греч. «чувство») — старый как мир способ познания, освоения и отражения жизни. Это древний, как цивилизация, опыт восприятия, представленный как система общих ценностей и законов создания художественных произведений и образов.

Эстетические категории, заключающие различный опыт чувственных переживаний и способ отношения к реальности, традиционно включает прекрасное, трагическое, комическое, возвышенное, безобразное. Являясь разными модификациями идеала — совершенного и прекрасного — эти категории в их классическом понимании, в той или иной степени, отражали грани триединства истины, добра и красоты. Категория возвышенного рассматривалась как высшая степень проявления прекрасного, трагическое — как героически-прекрасное, а комическое — это веселое прекрасное.

Вот как описывает особенности и различия эстетических категорий Ю. Боров: «Восприятие прекрасного связано в первую очередь с наиболее общей эстетической положительной оценкой предмета. Восприятие возвышенного связано с чрезвычайно положительным, часто с восторженно-положительным отношением к явлению. Трагическое — с положительно-сочувствующим, сосредоточенным отношением к гибнущему явлению. Комическое — с критическим отношением» [1, с. 85].

Можно в целом рассматривать эстетику как меру совершенства человеческой жизни, степень приобщения к высшему началу, преодоления ограниченности человеческого бытия.

Как и сознанию, эстетике присущ феномен динамического обновления и изменения. Это живое, многообразное явление. Попытки категориальных

Об авторе: Юмашева Валерия Владимировна, старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов РГФ Воронежского госуниверситета.

и жанровых разграничений довольно условны и неестественны, поскольку в действительности явления не существуют в чистом, изолированном виде.

Комическое — одна из основных эстетических категорий, является воплощением комического начала и традиционно рассматривается с жанром комедии.

По своей сути, комическое обнаруживается в явлении или объекте и определяется как ошибка, нелепость. Это способ интерпретации явлений, событий, которые видятся как неожиданные, противоречащие здравому смыслу.

По определению М. Бахтина, комическое является проявлением народной смеховой культуры и реализуется в ситуациях общего, праздничного взаимодействия. Названная М. Бахтиным карнавальная, эстетика комического предметом изучения и изображения делает физическое начало в человеке, получившее комическое воплощение. Карнавал — это праздник, в котором участвуют все, все живут по его законам. «Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны», — пишет М. Бахтин [1, с. 10].

За несерьезным взглядом на вещи, каким он представляется наблюдателю, праздничные действия или карнавал являются непосредственной, живой формой постижения и отражения человеком жизни. Преподнося вещи несерьезно, карнавал абсолютизирует смешное, дает возможность отстраненно посмотреть на окружающий мир и на себя в нем.

В фольклорной традиции комическое порождает шут, дурак — антигерой, персонаж, наделенный творческой способностью подмечать и раскрывать несоответствия. Примерами комического, смехового, игрового начала в классической английской литературе являются образ Фальстафа у У. Шекспира, герои Д. Свифта.

В отличие от прекрасного и возвышенного, которые присущи и природе, комическое (от др.-гр. «деревенский праздник») свойственно только человеческому обществу. «Комическое тоже жизнь», — пишет автор книги «О сатире» А. Макарян, «но не та, которую мы считаем прекрасной, возвышенной, героической, а такая, которая нежелательна, не соответствует идеалу, которая противоречит нашим представлениям о прекрасной жизни, нашим эстетическим идеалам» [3, с. 34].

Качества, противоположные идеалу, служат объектом осмеяния комедии. Противоречие — суть комического.

Разновидностями комического в языке и литературе считается гротеск, ирония, сарказм, юмор, сатира. Ко-

мическое может проявляться в таких видах искусства, как фельетон, скетч, карикатура, каламбур, частушка.

Свойства комического как смешного включают неожиданные для читателя сюжетные ходы, необычные сопоставления, нарушение ожиданий. К основным приемам и способам создания комического эффекта, помимо игры слов, относят остроты, в основе которых находятся неоднородные, далекие по смыслу явления, мнимое объединение разнородных явлений, обнаруживающее несоответствия между поведением и внешним видом, характером, другими проявлениями, несоответствия действительности, привычных функций предметов и способов их использования, парадоксальные отклонения от нормы, нарушение связей причины и следствия, ассоциативных связей, логические инверсии, смещенные качества предметов, нелепые высказывания.

Отсутствие смыслообразующего, рационального логического начала в качестве художественного приема приводит к появлению новой модальности. Понимание эстетики как категории прекрасного сложнее, появляется новый вектор направленности душевных устремлений автора и героя. Он внешне противостоит целостной устремленности к высшему идеалу. Как отклик сознания на неумолимость обстоятельств жизни, бессмысленность и обреченность бытия, выделяется творческий иррациональный импульс, который проявляется в художественной традиции абсурда.

Первоначально понятие «абсурд» относилось к сфере музыки и понималось как неблагозвучие, отсутствие гармонии. Позднее слово «абсурд» наполнилось значением эстетической неполноценности, логической нелепости. Абсурд (от лат. «нелепое, алогичное») противоречит здравому смыслу, нормам существования и требованиям человеческой логики. Феномен абсурда был связан с отрицательными свойствами мира, нежелательным, нестройным, разрушительным началом.

Зарегистрированное в 1861 г. в словаре иностранных слов как категория логического и художественный прием, в русском языке слово «абсурд» наделялось пейоративной оценочностью. Лишь со временем отрицательное значение сместилось.

Понятие абсурда применимо к философии, театру, литературе, языку.

Первым историком и теоретиком абсурда принято считать английского критика М. Эсслина [4]. В своей работе «Театр абсурда» Эсслин определяет связь между потерянным поколением послевоенного мира и новой антиэстетикой. Культура абсурда проявляется как ответ на утрату жизненных ценностей, реакцию на противоречие между идеалами и условиями существования, человеческую отчужденность.

В духе общества и сознания, абсурдистское произведение выходит за рамки жанровой системы, нарушает ожидания и существующие представления о жанровой системе. Художественный прием абсурда создает заданную расточительность завязки и развязки сюжета, когда исходное и завершающее действия находятся в логическом конфликте.

По мнению О. Бурениной, «абсурд в XX веке стал совершенно необходим не только индивидууму,

но и попавшему в состояние кризиса миру, с тем чтобы придать ему пластичность, создавая из распавшихся элементов новую космогонию» [5, с. 173–198]. Так парадоксально в явлении, возникшем как отрицание существующего, появляется созидательное устремление.

В литературной, поэтической традиции абсурд проявляется как нарушение синтагматических и парадигматических связей. По определению Е. Клоева, безреферентные, не соотношенные с реальностью высказывания порождают особый тип коммуникативной аномалии [6], разрывают хронологические и локативные связи, порождают мир свободного вымысла и допускают бесконечное количество толкований и смыслов, позволяя говорить об отдельном виде дискурса — абсурдном.

Бессмыслицы, нелепицы, вздор и чепуха не информативны, не очевидны. Речевые структуры такого рода имплицитны, несут вторичные, скрытые смыслы. В рамках теории лингвистической прагматики языковой абсурд представляет собой нарушение норм и ожиданий коммуникации. «Дефектная коммуникация» — так определяет Е. Падучева абсурдный дискурс [7, с. 76–119].

Черты бессмыслицы, эксцентрики и концентрированного вымысла в большой степени определили характер английского детского фольклора и творческий стиль ряда американских и английских писателей.

Первыми причудливыми стихотворными творениями для детей в Англии были стихи и песенки, так называемые лимерики (*Nursery Rhymes*). Время их появления трудно отследить. Некоторые стихи были известны уже в XVI веке. Имена их создателей неизвестны. Отрывки баллад, песни уличных торговцев, сатирические стихи изначально не предназначались для детей. Первый сборник стихов детского фольклора появился между 1760 и 1765 гг. Его переиздавали, расширяли и дополняли.

В большинстве этих стихов сочетается поэтичность, озорство, веселое отклонение от нормальности, реальности. Во всех стихах силен элемент игры — естественной потребности ребенка. Перевернутые, перепутанные связи, перестановки и перевертыши — за этими приемами стоит ясное и осознанное представление о настоящем соотношении явлений. Примером могут быть мудрецы из Готема, умники, которые ловят луну в пруду, строят забор вокруг кукушки, чтобы удержать лето или отважно отправляются в море в тазу. Многие стихи известны благодаря гениальным переводам С. Маршака.

Лимерики — одна из любимых в Англии форм сатирических стихов. Они начинаются однотипно, с фразы «There was a...», затем следует выразительный рассказ из пяти строк. Первая, вторая и пятая строки связаны одной рифмой, вторая и четвертая, укороченные, также рифмуются между собой.

Для английских частушек характерна игра словесными образами, прием отчуждения свойства от предмета, их обладателя. *There was a crooked man, who walked a crooked mile*. Мы узнаем блестящее изложение Маршака «Жил на свете человек, скрюченные ножки...». Все герои и предметы наделяются одним атрибутом. Значение слова *crooked* обыгрывается и расширяется, передает не только свойство несовершенства физи-

ческого, но и морального (*crooked* — кривой, лживый, подозрительный).

Писатели первой половины XIX века Эдвард Лир и Льюис Кэрролл продолжают традицию бессмыслицы и абсурда.

Э. Лир назвал свой первый сборник стихов *The Book of Nonsense* («Книга бессмыслиц»). В нем выражается желание поострить, поозоричать как вызов чопорному высшему обществу. Поэтическая бессмыслица, в противовес назидательности морали, веселит и выражает радость творчества и жизни. Два других сборника стихов с причудливым юмором *Nonsense Songs* («Бессмысленные песни») и *Laughable Lyrics* («Смешные стихи») выходят в 1871 г. и 1877 г. соответственно. Лиру также принадлежат многочисленные лимерики, которые считаются образцом этого жанра.

Льюис Кэрролл, автор всемирно известной книги об Алисе, преподавал математику в колледже Оксфорда и писал юмористические стихи для лондонских журналов. «Алиса в стране чудес» была опубликована в 1865 г. Все события и персонажи книги претерпевают многочисленные изменения: они то велики, то малы, то страшны, то забавны. Речи героев часто бессмысленны, все переворачивается, выворачивается наизнанку, ненадолго принимает привычные формы и снова меняется. Апогей легкости, игры и торжества эксцентрики — так можно охарактеризовать творческую манеру Кэрролла.

Произведение Л. Кэрролла построено на метафорах и образах, хорошо знакомых англичанам (и представляет определенную трудность для тех, кто не чувствует ироничности языка оригинала). Автор дерзко и остроумно пародирует прописные истины школьного обучения. Действующие лица, причины и следствия меняются местами. Кэрролл создает неожиданный, особый мир свободного вымысла.

У Лира и Кэрролла много общего. Алогизм поствозвращения, противоречие нормам человеческого

(взрослого) рассудка, бессмысленность жизни предстает у авторов в концентрированном виде, но вызывает у восприимчивого читателя не недоумение, а радость и веселье.

Принцип эксцентрики, воплощенный в английском фольклоре и детских стихах, а позднее в творчестве Лира и Кэрролла, не исчезает. Мы находим его в повести Грэхема «Ветер в ивах», сказках Диккенса и Киплинга, повести А. Миллна. Эксцентрика живет в творчестве прекрасных мастеров литературы прошлого и настоящего.

Лексические, грамматические, синтаксические вольности создают особые приметы английской литературной традиции абсурда и эксцентрики. Нарушая нормы писанных и неписанных правил, выходя за рамки ограничений и представлений, упомянутые авторы создают свой идеальный, свободный, счастливый мир игры и фантазии.

г. Воронеж

Литература

1. Борев Ю. Б. О комическом / Ю. Б. Борев. — М.: Искусство, 1957.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — М.: Худож. лит., 1990.
3. Макарян А. М. О сатире / А. М. Макарян. — М., 1967.
4. Esslin M. The Theatre of the Absurd / M. Esslin. — Woodstock, N.Y.: The Overlook Press, 1961.
5. Буренина О. Д. Что такое абсурд или по следам Мартина Эсслина / О. Д. Буренина // *Quia absurdum... Die Welt der Slaven*, XLIV, 2000. 5. — С. 173–198.
6. Клюев Е. В. Теория литературы абсурда / Е. В. Клюев. — М.: УРАО, 2000.
7. Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла / Е. В. Падучева // *Семиотика и информатика*. Вып. 18. — М.: ВИНТИ, 1982. — С. 76–119.

Из галактики Гутенберга в экранную медиареальность

Грабельников А. А., Гегелова Н. С. *Экранная коммуникация и визуализация журналистики: история и современность* (Москва, Берлин, 2021. – 374 с.)

«У рецензии есть своя цель, цель зазывалы», — так в 1929 году утверждал критик В. Б. Шкловский [1]. Наша рецензия преследует именно такую цель — пригласить читателя к знакомству с чрезвычайно интересной и своевременно вышедшей в свет монографией А. А. Грабельникова и Н. С. Гегеловой «Экранная коммуникация и визуализация журналистики: история и современность». Это приглашение адресовано не только исследователям и практикам медиасферы, но и всем тем, кто стремится понять глубинные процессы развития социума, которые сегодня непредставимы без медиа.

«Я создал монстра, способного промыть мозги всему человечеству. Это чудовище приведет нашу планету к унифицированному мышлению», — сказал когда-то изобретатель телевидения Владимир Зворыкин. Ему же принадлежит мысль о том, что он «никогда бы не позволил своим детям даже приближаться к телевизору».

Действительно, многие критики современного телевидения разделяют позицию одного из его создателей. И все же, несмотря на выражение озабоченности качеством телевизионного контента, значительное число исследователей все чаще и увереннее признает возрастающее доминирование процесса визуализации медиапотребления и формирование так называемого «поколения смотрящих» [3, 4, 5, 6]. Подобная точка зрения подкрепляется и данными социологических исследований, показывающими, что именно экранное медиапотребление становится основной формой информационного поведения аудитории [7, 8]. Вот почему предлагаемая вашему вниманию монография обладает немалой научно-практической значимостью. Ее актуальность связана не только с ростом интереса исследователей и практиков журналистики к аудиовизуальным форматам, но и с особенностями авторского подхода к осмыслению тех глубинных медийных процессов, свидетелями которых сегодня являемся мы все. Как отмечают авторы, «нарождающееся информационное общество выдвигает на первый план свой аудиовизуальный язык, где главное — не только о чем-то рассказать, но и показать»¹.

¹ Грабельников А. А., Гегелова Н. С. *Экранная коммуникация и визуализация журналистики: история и современность* / А. А. Грабельников, Н. С. Гегелова. — Москва, Берлин: Директ Медиа, 2021. — С. 5.

Цель монографии заключается в попытке рассмотреть «источники массовой коммуникации, формирование и развитие экранной информации и коммуникации (документальное кино и телевидение), её расширение с внедрением в информационную среду компьютеризации и интернета, постепенную визуализацию современной журналистики в целом»². Достижению этой цели подчинена структура книги, состоящая из введения, трех глав, заключения и обширного списка литературы, который включает 274 наименования и обладает самостоятельной научной и практической ценностью.

В числе ключевых достоинств работы можно упомянуть стремление авторов исследовать экранные медиа в широком медийном и социокультурном контексте. Наряду с анализом особенностей аудиовизуальных СМИ ученые определяют и характер их влияния на медиасистему в целом. Так, первая глава монографии «Развитие массовой коммуникации» рассматривает анализируемые процессы как в глобальном, так и в локальном (экранном) аспекте. Читатель получает стереоскопическое представление об основных векторах развития современных масскоммуникативных практик и об особенностях участия экранных медиа в формировании информационных потоков.

Важно отметить, что исследование осуществляется междисциплинарно, с опорой на широкий спектр филологических, социологических, психологических и исторических методов и предлагает немало поводов задуматься над глобальными и не сиюминутными вопросами: в каком направлении развивается человечество? Какие ценности являются базовыми и непреходящими? Что мы получаем и что теряем в ходе технико-технологического развития? Авторы монографии не только ставят эти вопросы, делают значимые и аргументированные заключения, но и предоставляют нам богатый материал для самостоятельного поиска ответов.

Еще одним важным аспектом исследования является попытка посмотреть на экранные медиа как в ретроспективе, так и с позиций современности. Вторая глава монографии «Век телевидения» включает разделы, анализирующие чрезвычайно сложные и противоречивые этапы формирования и развития

² Там же. — С. 7.

экранного творчества. Авторы последовательно переходят от изучения стартовых моментов его становления к развитию в советский и постсоветский периоды. Важно отметить, что такой хронологический подход сочетается с многокомпонентным анализом, формирующим представление о развитии телевидения и как технико-технологического комплекса, и как социального института, и как своего рода матрицы культуры, формирующей представления человека о мире. Существенно то, что глубина анализа не выхолащивает описываемые процессы: текст монографии изобилует интересными деталями и примерами, что позволяет авторам конкретизировать сущностные, неизменные качества экранного творчества и сделать релевантные заключения.

Все вышесказанное справедливо и для третьей главы, направленной на анализ экранных медиа в структуре интернет-коммуникации. В этом разделе представлен анализ реалий наших дней, причем не только в их очевидных медийных проявлениях, но и, например, в области преподавания (дистанционная экранная коммуникация в период пандемии COVID-19). Справедливо подчеркивая усиление процессов конвергенции, трансмедийности и интерактивности, авторы анализируют экранный контент в его широком понимании, включая видеоблогинг и фотографию. В результате читателю предлагается богатая палитра экранных явлений как аудиовизуального, так и шире — мультимедийного характера.

В заключение отметим, что перед нами — не только скрупулезное исследование прошлого и настоящего экранных медиа, но и работа на перспективу. По меткому замечанию авторов, «мультимедийная экранная продукция и дальше будет активно расширяться, поскольку аудиовизуальный язык становится основным в информационном обществе»³, «галактика Гутенберга с ее великой печатной культурой постепенно уступает

³ Грабельников А. А., Гегелова Н. С. Экранная коммуникация и визуализация журналистики: история и современность (Москва, Берлин, 2021). — С. 6.

место культуре экранной»⁴. Хорошо ли это? — Вопрос во-многом риторический, но требующий глубокого осмысления. Монография А. А. Грабельникова и Н. С. Гегеловой приглашает нас к соразмышлению и является значимым вкладом не только в понимание текущих медийных процессов, но и в предвосхищение того будущего, которое ожидает всех нас.

Алла Шестерина, доктор филологических наук, профессор Высшей школы телевидения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Литература

1. Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933) / В. Б. Шкловский. — М.: Советский писатель, 1990. — С. 380.
2. Зворыкин В. Цитаты / В. Зворыкин. — URL: <https://www.aphorism.ru/authors/vladimir-zworykin.html> (дата обращения — 15.08.2022).
3. Вартанова Е. Л. Об основных понятиях «поля цифровых медиа» в российских исследованиях СМИ / Е. Л. Вартанова // МедиаАльманах. — 2018. — № 2 (85). — С. 8–16.
4. Друкер М. М. Медиапотребление современных подростков в условиях цифровой среды (на материале опроса старших школьников калининградской области) / М. М. Друкер // Знак. Проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 1. — С. 15–224.
5. Мультимедийная журналистика / Под ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. — 413 с.
6. Шестерина А. М. Трансформация информационного поведения современной аудитории / А. М. Шестерина // Особенности функционирования современных аудиовизуальных медиа. — Воронеж: Кварта, 2018. — С. 124–169.
7. Амзин А. А. Особенности медиапотребления. / А. А. Амзин. — URL: <http://newmedia2016.digital-books.ru/kniga/osobennosti-mediapotrebleniya/> (дата обращения: 15.05.2022).
8. Аудитория медиа. — URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/cd5/Adindex%20City%20Conference%202021%20Mediascope.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

⁴ Там же. — С. 348.

День Победы в «Артеке»

Когда в 2015 году отмечали девяностолетний юбилей детского лагеря «Артек», воронежский педуниверситет, который активно сотрудничает с «Артеком», кинул в городе клич: «Ищем ветеранов-артековцев!» Клич услышал Владимир Семёнович Листенгартен: — Я старый артековец! Так и появились эти воспоминания.

«В 1941 году я окончил первый класс, и 22 июня, воскресным утром, я, мои родители, моя первая учительница и её внуки поехали в парк. Был ясный, солнечный день, мы поднялись на так называемую “лысую гору”. Начал накрапывать дождь — мы решили вернуться и на выходе из парка услышали выступление В. М. Молотова о вероломном нападении фашистской Германии. И всё как-то завертелось: учреждение отца преобразовали в аварийно-восстановительный полк...»

Отец Владимира Семёновича Листенгартена работал в финансовом отделе воронежского строительного треста — его-то в начале войны и преобразовали в аварийно-восстановительный полк. Когда отец уходил в часть (он тогда не знал, вернется ли домой), то взял всё самое необходимое и важное — в том числе семейные фотографии. Полк Семёна Листенгартена переживет все военные действия, которые будут в Воронеже.

«Все они там, в этом тресте, хорошо хлебнули. Отец, например, всё время вспоминал о своем друге — коренном воронежце, который пошел проводником с нашими частями. И погиб. Отец про него в «Коммуне» потом писал... После освобождения Воронежа полку вернут статус треста — он будет восстанавливать город. Но это всё будет потом. Маму призвали на службу в госпиталь (он помещался напротив нынешнего общежития № 1 ВГУ). Меня определили снова в старшую группу детсада, чтобы не болтался один. Вскоре в него привезли детей, бежавших от немцев из западных областей Украины. На меня неизгладимое впечатление произвели рассказы этих детей о том, как на них, совершенно беззащитных, охотились фашистские лётчики. Сводки были всё тревожнее, и в октябре 1941 года семьи сотрудников госпиталя были отправлены в эвакуацию. Мама была назначена в число сопровождающих, а вместе с нами в эвакуацию поехали моя бабушка и мой двоюродный брат, которые приехали в Воронеж, спасаясь от бомбардировок Москвы. Ехали целый месяц, и 7 ноября приехали в город Фергану Узбекской ССР. Началась жизнь в эвакуации. Запомнились постоянный голод, житейская неустроенность, холод, страх за отца, ожидания вестей с фронта. Второй класс я окончил фактически заочно, так как до школы было три километра, а мы снимали комнату “на отшибе”. Потом маме удалось во дворе лабораторши, где она работала, переоборудовать под жильё бывшую конюшню — третий класс я уже учился нормально.

Мы буквально жили вестями с фронта, письмами отца (он оставался в Воронеже, а затем в прифрон-

товой полосе). Запомнились его письма о бомбежке пионерского сада и гибели детей, прочитанное в газете стихотворение Константина Симонова “Сын артиллериста”, статьи Ильи Эренбурга, посещение госпиталей, где мы выступали с номерами художественной самодеятельности, проводы в армию брата, который только перешел в десятый класс, вступление в пионеры и ожидание — ожидание того счастливого момента, когда погонят фашистов и мы сможем вернуться в Воронеж...»

«Письма отец писал замечательные, — говорит Владимир Семёнович. — Защищайся! Писем уже нет — время не пощадило». Но фотографии, которые отец взял с собой перед уходом в полк, — остались. Не было электричества — была коптилка. Не было бумаги — писали, в прямом смысле, между строк — газетных или книжных. Всё это было, говорит Владимир Семёнович, как-то так естественно, что никто и не задумывался о том, какая всех окружала жизнь: «Ни у меня, ни у моих ровесников — ни у кого не было ощущения, что дальше будет хуже. Хотя у всех жизнь была тяжёлая (еще какая тяжёлая). А было ощущение, что все переломится, — что будет лучше. Плюс (что я сейчас абсолютно точно осознаю) — государство не бросало людей. Особенно детей». В эвакуации в Фергане были и группы продленного дня, и кружки самодеятельности. На большой перемене — обязательно кусочек хлеба. С сахаром или с рыбьим жиром. Характерная деталь того времени — в доказательство слов Владимира Семёновича: на железнодорожных станциях стояли титаны с кипятком — это было круглосуточно и бесплатно: «Вроде пустяк, а для людей это очень важно. Конечно, было и холодно, и голодно — но не было ощущения безысходности. Все верили в победу».

«В июле 1943 года первая часть мечты (а мечта-лось непрерывно и даже снилось ночами) сбылась — мы вернулись в почти полностью разрушенный, но родной, возрождавшийся к жизни Воронеж, и началась иная жизнь. Тожже полная трудностей — но жизнь в ожидании победы. Замечу, что ожидание не было пассивным: мы, ученики сначала начальной (№ 1), а потом неполной средней (№ 16) школы, старались участвовать во всех взрослых делах по возрождению в городе нормальной жизни. Одним из первых учреждений, восстановленных в Воронеже, стал Дворец пионеров». Телеграмма о возвращении в Воронеж, которую мама Владимира Семёновича отправила, чтобы предупредить близких, опоздала на сутки — таким неудержимым было возвращение. «Когда мы вышли из вагона, мама не знала, куда идти, — вспоминает Владимир Семёнович, — ну совершенно незнакомый город. Дворец пионеров и школы — первое, что восстанавливалось в разрушенном Воронеже. Но все было не так пессимистично — да, Воронеж на 95 процентов разрушен; но я помню, как семья моего одноклассника, которая осталась без квартиры,

оборудовала себе жильё под лестницей в подъезде — и работали, и учились, и настроение не теряли. Продолжался естественный ход жизни».

Первая послевоенная смена всесоюзного пионерского лагеря «Артек» открылась за год до конца войны — через три месяца после освобождения Крыма в мае сорок четвертого. Из Воронежской области поездом в «Артек» отправили группу детей. В их числе — и Володя Листенгартен: «Откровенно говоря, удивляюсь своим родителям — как они меня отпустили? Война же ещё шла! Вместе с воронежцами ехали ребята из Белоруссии и Украины. Ребята эти прошли партизанские отряды. Один паренек из Западной Белоруссии рассказывал: прислали к ним в школу учителя-немца с длинным указательным пальцем. Этим пальцем немец бил учеников по головам. После этого паренёк ушел партизанить».

* * *

В ночь на 9 мая их подняли по тревоге. Построили на линейку. Победа! «Я смотрю, ребята плачут. И для меня это было потрясением. Люди вдруг осознали своё горе. Поняли, что победа — это не только праздник. Закончилась война — а горе с человеком осталось. Это понимали взрослые — но это ещё понимали и дети».

«Был в «Артеке» один мужчина — нам он казался старым, хотя на самом деле старым он тогда ещё не был. Ходил с нами, водил нас на разные экскурсии. А местные рассказывали, что во время войны немцы на нем возили воду... Раньше думал: ну был я и был в «Артеке» в мае сорок пятого — что с того? А сейчас понимаю — это уже история».

Записал Павел Пономарёв
Фото из архива героя публикации
<http://www.vsu.ru/ru/news/feed/2022/05/14912>

Следующая остановка — «Взрослая жизнь»!

История взросления в нескольких (спойлер: кратких!) главах

Представляем работу тольяттинских студентов, приславших эту работу на фестиваль «ФРОГ»

Мы оканчиваем университет в этом учебном году, но, если честно, пока с трудом понимаем, как это — взрослеть. Взрослая жизнь нам представляется вероятно сложной — со всеми этими тарифами ЖКХ, поисками работы, ведением личного бюджета и быта... Кстати, продлить официальный возраст детства с нынешних 18 до 30 лет предлагают и чиновники от здравоохранения, и политики. Медицинские технологии развиваются, жить человек будет дольше, а значит, и детство становится длинным, к тому же нас, моло-

дых, с таким упоением сейчас уличают в тотальной инфантильности.

Мы, группа студентов-журналистов четвертого курса, решили разобраться в проблемах взросления, которые нас интересуют, понять раз и навсегда, могут ли скучные взрослые проблемы стать нескучными, а еще найти работающие лайфхаки. Поэтому проектом «Следующая остановка — «Взрослая жизнь»» мы хотим помочь в том числе и себе. Мы, как водится, серфим интернет, говорили со взрослыми специалистами и такими же студентами, как и мы сами. Пристегивайте ремни, мы отправляемся в путь. Начинаем с истории вопроса. Обещаем, путешествие будет увлекательным!

История взросления

*Взрослеть — значит привыкать к миру.
The Walking Dead / «Ходячие мертвецы»*

Колесо времени вращается, сменяя одну эпоху за другой, а вместе с ними меняется восприятие детства. Глядя на сегодняшний подход к воспитанию детей, мы стараемся отыскать его и в предыдущие периоды истории. Однако все не так просто. Преподаватель кафедры истории и философии Тольяттинского государственного университета **Игорь Трубицын** отмечает:

— *Общее понимание детства появляется лишь примерно в XVII веке. До этого проблема детства не рассматривалась. Она возникает в эпоху Нового времени и развивается на протяжении дальнейшей истории.*

Сегодня мы попробуем разобраться, как менялось отношение к детству на протяжении веков, начиная с античности. Не спешите делать скучную мину! Впереди — интересные факты и несколько глав нашей краткой истории взросления.

Такая суровая античность

До Нового времени воспитание детей не отличалось знакомой нам гиперопекой. Если ребенок родился с физическим изъяном, не соответствовал ожиданиям родителей или просто отнимал у них много времени, считалось нормальным его убить или принести в жертву богам. Особенно не везло девочкам: их убивали чаще.

Примечательно, что при таком жестоком (по нашему нынешнему восприятию) обращении родители старались наделять своих детей именами, которые помогли бы сделать их жизнь счастливой, наградить

удачей или «отдать» под покровительство божеству. Это ярко видно по произведениям автора «Илиады» и «Одиссеи» **Гомера** (VIII век до н. э.). У героев его произведений броские имена: Агамемнон — «вызывающий восхищение», Менелай — «сила войска», Гектор — «охранитель». Кстати, имя самого Гомера означает «заложник-слепой» (великий древнегреческий поэт и правда страдал слепотой). Эта система составления имен называется древнегреческой антропонимией.

Воспитывающее Средневековье

Для человека Средневековья детство заканчивалось в семь лет. К этому времени ребенок уже считался взрослым и активно постигал, например, рыцарские навыки, а в 10–11 лет для него наступала уголовная ответственность вплоть до смертной казни. Девочки могли выходить замуж уже в 12 лет, а мальчики жениться в 14.

В эпоху Средневековья за воспитание детей активно взялась церковь. Во многом образ заботливой матери сложился из образа Мадонны с Иисусом на руках. В то же время детей начали воспринимать как податливую глину, из которой можно лепить что-нибудь полезное, или же пустой сосуд, который необходимо заполнить.

Кроме того, начиная со Средних веков ребенок использовался как рабочая сила. По сути, ребенок — это просто маленький взрослый со своими жесткими

обязанностями. С одной стороны, считалось, что учить детей до семи лет не имело смысла, потому что они в любой момент могли умереть от чумы, холеры или других опасных болезней, распространенных в Средневековье. С другой стороны, детей эксплуатировали, ведь взросление определялось социальным статусом и общественной пользой, а не количеством прожитых лет.

Новые времена

Только в XIX веке появляются законы, ограничивающие детский труд. Игорь Трубицын отмечает, что один из первых таких законов в мировой истории в 1882 году ввел **Александр III**:

— Он устанавливал запрет на работу до возраста 12 лет. Для подростков от 12 до 15 лет время на производстве ограничивалось восемью часами в день (не более четырех без перерыва), запрещалась ночная работа с девяти вечера до пяти часов утра.

Впрочем, существование этого закона не отменяет того факта, что в России на протяжении всего XIX века малоимущие родители отправляли своих детей на изнурительный труд с 6 лет, а с 10–12 лет дети могли зарабатывать самостоятельно. Распространенными «детскими» профессиями были посыльный, газетчик, нянька, работник фабрик, лакей, чистильщик сапог, точильщик, подмастерье.

В XVIII–XIX веках принципы воспитания зависели от сословия. Для крестьян было важно, прежде всего, научить своих детей почитанию старших, сохранению семейных ценностей, следованию религиозным учениям. Аристократы и представители других имущих слоев, помимо образования, уделяли внимание развитию чувства собственного достоинства, проявлению храбрости и самообладания, заботе о внешнем виде и многим другим нравственным и этическим принципам.

— Когда британский дипломат **Филип Честерфилд** отправил своего сына учиться за границу, то в письмах писал ему, что он должен делать, а что не должен, исходя из принадлежности к своему аристократическому сословию. У нас про это хорошо написала **Ольга Муравьева** в своей работе «Как воспитать дворянина». В ней очень хорошо видны общие принципы воспитания, по которым нужно учить детей именно этого сословия, — поясняет Игорь Трубицын. — В молодом возрасте, в детстве проще всего заложить основы. И это понимали все типы школ. В дореволюционных школах проходило и воспитание гражданина. Например, в Царскосельском лицее Пушкина именно этому хотели научить — не наукам, а качествам добродетели. Если у человека нет этих качеств, то непонятно, что из него получится.

Многие мыслители видели школу как строгую систему, которая загоняет детей в жесткие рамки.

— Школы бывают разные. Есть школы, где вам говорят о том, что вы должны говорить, а есть школы, где вас учат размышлять. Вспомним концепцию **Мишеля Фуко** о том, что школа — подобие тюрьмы. Школа воспринимается им как один из институтов государства. Она воспитывает среднестатистического человека, — комментирует Трубицын.

Война как взросление

Как и в Средневековье, в бурлящем XX веке выросли рано. Оно и понятно: глобальные потрясения, революции, падение великих империй, мировые войны...

В первое утро Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года, на фронт прямо с выпускных баков в СССР отправлялись восемнадцатилетние солдаты. Тогда прощались они не только с любимыми, но и со счастливой и беззаботной юностью. После пяти фронтовых лет за парты университетов садились уже взрослые люди.

— У детей военного времени, стоявших за станками, детство «минимизировалось». Период счастливой, беззаботной жизни закончился, и после станка вы уже в университете. Без руки и ноги, но счастливый, потому что это мирная жизнь, вы горите желанием узнать новое. Если мы посмотрим фотографию первой лекции в МГУ, то увидим, что там сидят все военные. Кто без ног, кто без рук, но эти лица были готовы к новым открытиям, — рассказывает Игорь Трубицын.

Что было дальше...

С середины XX века в воспитании стал развиваться так называемый помогающий стиль. Он предполагал, что дети знают свои потребности лучше, чем их родители. При таком подходе родители готовы помочь своему ребенку, а главное — его понять. Этот принцип стал, пожалуй, одним из самых гуманных и актуальных на сегодняшний день.

В XX веке по всему миру увеличивается возраст вступления в брак, появляются новые возможности для получения образования. Молодые бунтари из различных субкультур всегда встают против патриархальных концепций мира, общества или семьи.

— Современное общество диктует современные условия. Мы видим, что люди не всегда хотят быстро взрослеть. А зачем? Но есть и обратная сторона. В стенах университета можно заметить, что люди взрослеют достаточно быстро. Например, у меня на первом курсе есть много студентов, которые уже работают. Они вышли из семейного гнезда — детство закончилось. И человек сначала должен стать самим собой, достичь определенного нравственного уровня своего развития, — поясняет Игорь Трубицын.

И все же почему по большей части сегодня мы, молодые, упорно не хотим взрослеть? При чем тут гаджеты? И как инфантилизация влияет на общество? В этом нам поможет разобраться социолог в следующем материале. А еще мы расскажем вам, как тема взросления получает отражение в мировой литературе и что же нам делать с этими бесконечными психологическими травмами. Не пропустите!

А пока — наш небольшой исторический конспект.

Не забудь про это, когда решишь повзрослеть

• На Руси, начиная с трех-четырех лет, мальчик начинал ухаживать за скотиной, помогать в поле, в домашних делах. Девочки ухаживали за младшими детьми, помогали по дому. С семи-девяти лет дети начинали работать. А вам все еще лень помыть за собой тарелку?

• **Петр Первый** был провозглашен русским царем в возрасте четырех лет. О том, что он успел сделать для нашей страны, рассказывать не стоит. Как говорится, а чего добился ты?

• Это Спарта! Куда же мы без фактов о суровой Спарте. В возрасте семи лет мальчиков забирали из родного дома и отправляли в специальные лагеря для подготовки к поступлению на военную службу (агогэ). Там они превращались в не ведающих страха воинов и патриотов. До 12 лет спартанские мальчики не знали одежды и обуви. При этом, ясное дело, понятия «психологическая травма» тогда тоже не существовало.

• В Великобритании XIX века, согласно Фабричному законодательству 1833 года, ребенка отправляли работать на фабрики уже после того, как у него появлялся второй коренной зуб, то есть в 11–13 лет. И никакой вам трудовой книжки или договора...

https://talk-on.ru/materials/spetsproekty/Sleduyushchaya_ostanovka_Vzroselaya_zhizn_Istoriya_vzrosleniya_v_neskolkih_spyler_kratkikh_glavakh/

Следующая остановка — «Взрослая жизнь». Почему мы перестаем взрослеть?

Мы, студенты-журналисты четвертого курса, продолжаем узнавать все о взрослении. В прошлом выпуске мы разобрали краткую историю детства. Сегодня мы говорим про вас и про нас, точнее про наше поколение. Разберемся, из-за чего во всем мире хотят увеличить молодежный возраст, почему в 22 года мы можем ощущать себя на 14, что для нас важно сегодня, какие «маркеры» взросления можно выделить в современном обществе. Пристегивайте ремни, мы отправляемся в путь. Сегодня к нам на помощь приходят эксперты-социологи.

Вечно молодой...

Ей скоро тридцать, она покупает разноцветные шарики, мечтает прокатиться на верблюде. Ему двадцать пять, родители предлагают обзавестись собственной квартирой, а он удивленно мотает головой и продолжает носить футболки с Риком и Морти. Она часто зовет к себе гостей играть в настолки, смотреть сериалы и есть попкорн из микроволновки. Он ходит в кино на новые фильмы от Marvel, покупает комиксы и копит на очередную радиоуправляемую машинку. Персонажи до боли знакомые. Вот только не персонажи это, а реальные люди, может быть, это даже вы сами.

— Сегодня мы видим расширение некоторых возрастных границ. Возраст 30+ пролонгирован чуть ли не до 40. Одна из гипотез, почему это происходит, связана с социальной инфантильностью, — объясняет заведующий кафедрой социологии Тольяттинского государственного университета доктор социологических наук **Татьяна Иванова**. Эксперт добавляет, что эта социальная инфантильность относится ко всем типам поколений: «бэби-бумерам» (1946–1964 годы рождения), поколению X (1960–1980-е), поколению Y («миллениалы», 1980–1990-е) и поколению Z («зумеры», с 2000 года).

Конечно, нужно учитывать жизненный сценарий конкретного человека, его отношения в семье и обществе. В вузах встречаются студенты, которым приходится совмещать работу и учебу. Они уже могут быть старше своих сверстников. У одних нет иного выхода, у других это способ самосовершенствования,

у третьих — простое желание быть чем-то занятым. В этом одно из ярких отличий молодого поколения от более старшего — стремиться не к семейному благополучию, а к достижению личных целей, к получению образования.

Взрослеем по этапам

Социальную инфантильность можно обойти только путем поэтапного взросления. Так считали и выдающиеся психологи **Зигмунд Фрейд** (1856–1939), **Эрик Эрикссон** (1902–1994) и **Жан Пиаже** (1896–1980). Согласно их концепциям, яркие возрастные изменения происходят у человека после четкого, поэтапного развития. Татьяна Иванова приводит в пример концепцию Эриксона:

— Он подробно описывает значение каждого возрастного периода. Первый период у него — до одного года: именно тогда у человека формируется доверие или недоверие к миру. С точки зрения Эриксона, если новорожденный получил в своем первом социальном институте — в семье — любовь, заботу, искренность и ласку (основной субъект коммуникации у него — мама), то такая личность вырастает социализированной, социально взрослой, может себя реализовать и проходит все кризисные возрастные периоды без ярких обострений.

Важно учитывать и биологический возраст. Татьяна Иванова отмечает, что у каждого человека своя внутренняя картина здоровья:

— Есть три вида здоровья: биологическое, социальное и психологическое. Для человека важно в своем возрасте перейти все этапы экологично, без обострений и застреваний в каком-то возрасте. Поэтому основной маркер взросления — это экологичная, поэтапная переходная система, не нарушающая циклические возрастные особенности.

Такие разные ценности

С одной стороны, социальная инфантильность во многом происходит из-за перемен в структуре общества, с другой — у нас изменилась система ценностей.

— В тройку ценностных ориентаций сегодня входят материальный достаток, здоровье и ценности семьи. Все-таки ценностные ориентиры морально-

нравственны и устойчивы, — подчеркивает Татьяна Иванова.

И хотя традиционные ценности остаются актуальными и в современном мире, значение семьи меняется. Например, ранние браки в России становятся несчастным явлением: в среднем мужчины вступают в семейный союз в 28 лет, женщины — в 24 года.

На фоне перемен семейных ценностей не теряют актуальности и конфликты поколений. Старшее, как правило, с неодобрением смотрит на младшее, когда молодые в свои 22 года до сих пор не связали себя узами брака, а если и связали, то уж слишком затягивают с рождением ребенка. И немудрено, что с 1994 года возраст женщины, когда у нее появлялся первенец, увеличился с 22 до 25 лет. Кроме того, молодые люди сейчас предпочитают сначала попробовать пожить в романтических отношениях, а уж потом, если все сложится, идти в ЗАГС.

Смена ценностей произошла в конце 1990-х годов, свой вклад в этот процесс внесли глобализация, адаптация западных ценностей (например, культуры чайлдфри, то есть сознательного нежелания иметь детей), открытый доступ к интернету и массмедиа, свободные путешествия по миру, массовая культура и многое другое.

— Раньше в иерархии ценностей у молодежи что было? Семья, дети, коллектив, партия. Сейчас на первом месте у молодежи карьера, благосостояние, деньги, путешествия, а потом уже только семья. Она по-прежнему есть, но уже не на первой, не на второй и даже не на третьей позициях, — добавляет доцент кафедры социологии Тольяттинского государственного университета кандидат социологических наук **Наталья Любавина**.

В эпоху инноваций

На изменение системы ценностей не могут не влиять и экономические факторы. Это связано с переходом от индустриального общества к постиндустриальному, с развитием экономики знаний и экономики инноваций. Отсюда и новые требования рынка труда. Сейчас особенно важно быть работоспособным и конкурентоспособным. Карьера в современном мире стоит на первом месте, зачастую оставляя позади семейные ценности.

Татьяна Иванова выделяет три особенности инновационного общества. Социолог отмечает:

— *Монетарное мышление направлено прежде всего на удовлетворение рынка и требовательного работодателя. Ориентир идет на карьеру, а не на семью.*

Об этом же свидетельствуют и данные статистики: 70% россиян все-таки предпочитают карьеру семье.

Вторая особенность инновационного общества — разделение рынка труда, появление первичного и вторичного рынков. Эксперт поясняет:

— *Первичный рынок труда — это престижные профессии с высокой зарплатой, вторичный рынок — более низкий уровень профессий, которые, однако, остаются необходимыми для нашего общества.*

В тройке самых востребованных и прибыльных профессий в 2021 году — IT-специалист, врач-

анестезиолог и стоматолог. А вот профессии бухгалтера, нотариуса и кассира в ближайшем будущем могут исчезнуть.

Кроме монетарного сознания и разделения рынка труда, в инновационном обществе развивается индивидуализм и глобализация. Индивидуализм проявляется и в том, что современные молодые люди отказываются работать «на дядю», доверяясь собственным способностям и целям. Пандемия, впрочем, немного изменила положение вещей. Так, 53% россиян хоть раз задумывались об открытии собственного дела, но 73% респондентов все же предпочитают оставаться на постоянной работе со стабильной заработной платой.

Развлечения как способ повзростеть

Взростеть стало куда проще. У нас есть интернет, огромное количество разнообразных образовательных курсов, родители не отправят нас работать на завод, как это было раньше, да и секрет поэтапного взросления мы теперь знаем — спасибо Фрейду, Эриксону с Пиаже. Казалось бы — живи да радуйся! Кстати, а что там с индустрией развлечений? Как она помогает нам взростеть? Или, может, мешает? Социолог Татьяна Иванова комментирует:

— *Рынок потребления настолько разнообразен и переполнен, что сегодня появляется другой феномен — «перепотребление»: когда молодой человек, находясь в возрасте, например, 23, 25, 32 лет, пребывает в некотором переизбытке потребления. Человек может приобретать лишние вещи и не реализовывать свою экокультуру (то есть не использовать грамотно природные ресурсы).*

— *В середине XX века была семья, которая активно принимала участие в жизни ребенка, — говорит Наталья Любавина. — Были и время, и возможности, и условия в обществе. А сейчас семья находится в таких условиях, когда нужно больше работать и зарабатывать. Тем временем у детей и подростков уже совсем другие потребности. Школа тоже не всегда с этим справляется. Проблемы есть, они мало решаются, а куда средства уходят? В досуг, в молодежные субкультуры, в интернет. Мы ищем пути решения у индустрии развлечений, чтобы наконец повзростеть и найти ответы на свои вопросы, потому что традиционные институты просто не справляются.*

Мы ходим по магазинам и скупаем новую одежду, книги, гаджеты, хотя дома ждет переполненный шкаф, целая полка непрочитанных книг, а модное устройство очень скоро начнет стремительно устаревать. В кинотеатрах тем временем показывают новый фильм про вселенные Marvel или DC, а на ютьюбе уже вышел долгожданный клип Оксимирона. А сколько всего еще обрушивается на нас каждую секунду с лент соцсетей! Взростеть стало не проще, но точно веселее. Да и зачем взростеть, обзаводиться семьей, принимать серьезные решения, когда вокруг столько увлекательного?!

Не забудь про это, когда решишь повзростеть

• В декабре 2020 года Госдума приняла в окончательном чтении законопроект, согласно которому молодежь в России

будут считаться люди в возрасте от 14 до 35 лет. Увеличение возраста позволит молодым людям получить больше возможностей государственной поддержки. Молодежный возраст по всему миру увеличивается из-за социальной инфантильности и изменения ценностных ориентиров. Конечно, еще влияют и социальный статус, и место в обществе, и внутреннее состояние (как человек сам себя ощущает). Тебе может быть 30, а в душе всего 15!

- Наши ценности изменились. Если для наших родителей в приоритете были семья, дети и коллектив, то сейчас нам важны карьера, благосостояние, деньги, путешествия. Как говорится, один раз живем!

- Рынок труда все четче делится на сегменты престижных и менее востребованных профессий. А все потому, что мы жи-

вем сейчас в эпоху инновационного общества. Современные проблемы требуют современных решений.

- Развлечения стали для нас не только средством скоротать время, но и способом повзрослеть и найти ответы на интересные вопросы. Главное, чтобы это не переросло в банальную прокрастинацию!

- Основные «маркеры» взросления: поэтапный переход от одного возраста к другому, материальная независимость и самостоятельность, основная работа или самозанятость, личная и социальная свобода, признание в обществе. Ищем свое идеальное комбо!

https://talk-on.ru/materials/spetsproekty/Sleduyushchaya_ostanovka__Vzroslaya_zhizn_Pochemu_my_perestayem_vzroslet/

По следам конференции «Журналистика и география»

Памятники рельефообразующей деятельности человека

Город Благовещенск первоначально основан в виде Усть-Зейского военного поста (позднее — одноименной станицы) в 1856 г. в узле слияния р. Амур и р. Зея на их общей пойме в результате деятельности капитан-лейтенанта (позднее — капитана I ранга и полного адмирала) Геннадия Ивановича Невельского и руководимого им экипажа транспорта «Байкал» и позднее — Амурской экспедиции в 1849–1855 гг., обеспечивших присоединение юга Дальнего Востока и Восточного Забайкалья к России, закрепленного Айгунским трактатом — пограничным договором между Россией и Китаем от 16 мая 1858 г., по которому граница между ними в Приамурье установлена и проходит в настоящее время по фарватерам р. Амур и ее правого притока р. Уссури. Статус города Благовещенск получил 9 мая 1858 г.

Не в пример абсолютному большинству городов мира Благовещенск в самом начале своего существования упорядоченно спланирован воинами 2-го линейного пехотного батальона под командованием капитана Дьяченко. Улицы проложены по буссоли по магнитным азимутам, близким к 0° и 90°, и образуют строгую прямоугольную планировку, так что в начале каждой улицы видно ее окончание (фото 1–3) и окружающие город формы и элементы рельефа, будь то, например, уступ Амуро-Зейского плато, р. Зея или расположенный на правом берегу р. Амур китайский город Хэйхэ. Извилистая улица в городе — одна, вдоль р. Амур: Краснофлотская. Улицы широкие, нередко — с 4–6-рядным движением, справляющиеся чаще всего и с современными потоками автомашин. Такая же планировка присуща, по наблюдениям автора, лишь еще одному городу: Николаевску-на-Амуре, основанному под руководством участника Амурской экспедиции лейтенанта флота Николая Константиновича Бошняка. Остальные города, те же т. н. «мировые культурные столицы» (в частности, Париж или Антверпен), такой совершенной планировкой не обладают.

Геоморфологическая позиция Благовещенска обеспечивает ему определенные благоприятные экологические условия. Расположенный на общей пойме рр. Амур и Зея (относящихся к крупнейшим рекам мира), ограниченной с запада и севера уступом Амуро-Зейского плато, город открыт буквально всем ветрам, преимущественно северных, западных и южных румбов, и поэтому хорошо проветривается от вредных выбросов в любое время года. Сочетание общего западного направления переноса воздуха и муссонной его циркуляции приводит к поступлению континентальных и чаще всего сухих воздушных масс и к ясной и сухой погоде в холодный период года (срочные

температуры — до –45°С), а в теплый период (срочные температуры — до +39°С) — также и к периодическому поступлению влажных морских воздушных масс, вызывающих дожди различной продолжительности и высокой интенсивности, приводящие к ежегодным 5–7 волнам летне-осенних паводков. Высота уровней рек хотя бы в одну из волн паводка превосходит таковую в весеннее половодье, что служит признаком особого, дальневосточного типа водного режима рек. Летне-осенние паводки вызывают наводнения, которые стали частыми: в 2013 г. и в 2021 г. Причины этого пока точно не установлены. Предполагаемая причина наводнения 2013 г. — космическая: кратковременное смещение угла наклона земной оси к плоскости эклиптики до величины, близкой к 90°, во время влажного мая, что задержало дождливую погоду на обычно сухой июнь. О причине наводнения 2021 г. — ниже.

Расположение города в узле слияния Амура и Зеи, которая по большей на 20% величине стока является главной рекой, обеспечивает сложные гидрологические условия: как экологически отрицательные, так и положительные. Нередко они неразделимы. К отрицательным относится быстрое накопление воды на поверхности (тем более — «забронированной» асфальтом, бетоном, уличной плиткой, зданиями и сооружениями) во время дождей и быстрый ее сток не только и не столько по системе ливневой канализации, а вследствие закономерно быстрого стока с поверхности поймы в реки и наличия двух принимающих пойменный сток рек. В то же время из-за длительных интенсивных дождей подтопление улиц в виде луж глубиной по ступицы автобусных колес продолжается в течение 7–10 дней (например, в начале (в южной части) улицы 50 лет Октября).

Главенствующая роль р. Зея проявляется во время наводнений в виде распространения подтопления территории города не от р. Амур, а прежде всего по малому правому притоку р. Зея — р. Бурхановка.

Существенные изменения экологических условий гор. Благовещенск произошли с 2009 г., когда была начата реконструкция набережной р. Амур. Насыпным грунтом набережная была расширена на расстояние до 200–320 м в сторону р. Амур за счет прирусловых отмелей. Изменение положения новой набережной относительно и при сохранении старой показано на фото 4. Строительство новой набережной сопровождается берегоукреплением. В этом состоит положительное изменение экологических условий. Отрицательное изменение — уменьшение емкости русла в периоды высокой воды, в частности — в наводнения, увеличивающее их опасность, что явилось одной из главных причин наводнения 2021 г., когда был

достигнут 2-й (за период гидрологических наблюдений) по высоте уровень воды р. Амур (фото 5). В периоды высокой воды ее поверхность становится слабо выпуклой в поперечном профиле (рис. 6), что выдает ее стесненное положение в русле реки.

Кроме того, преобладающие в холодный период года северо-западные ветра, дующие через уступ Амуро-Зейского плато относительной высотой 80 м, при своих изначально высоких скоростях, разгоняясь по уступу, создают эффект «бора». Их действие приводит к нарушениям объектов инфраструктуры, самые безобидные из которых — поваленные рекламные щиты, стоящие на бетонных кубах-опорах.

*Е. Ликотов,
г. Калуга*

Литература

1. 1. Зайков Б. Д. Средний сток и его распределение в году на территории СССР // Тр. НИУ ГМС.— Сер. IV.— Вып. 24.— Л.: Гидрометеиздат, 1946.— 64 с.
2. 2. Ликотов Е. Ю. Проблемы геоморфологических и в целом географических исследований Дальнего Востока вследствие своеобразия природных условий его территории // Материалы XVI Совещания географов Сибири и Дальнего Востока.— Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2021.— С. 45–48.
3. 3. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855.— Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1969.— 421 с.
4. 4. Подкаминер О. С., Помыткин Б. А. Река Зейя.— Хабаровск: Кн. изд-во, 1967.— 66 с.

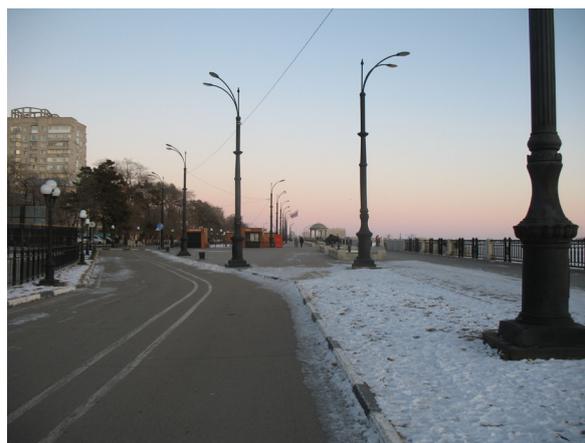
Улица Ленина, вид на запад (от перекрестка с ул. Шимановского). Здесь и далее — фото автора.

Улица Ленина, вид на восток (от перекрестка с ул. Шимановского).

Улица Богдана Хмельницкого, вид на север (от перекрестка с ул. Краснофлотская)

Старая (непосредственно левее линии фонарных столбов в центре снимка) и новая (непосредственно правее линии фонарных столбов в центре снимка) набережные р. Амур в месте их разветвления (район городского парка). Вид на низовья р. Амур. Фото 2020 г.

Отметки наивысших уровней воды р. Амур на гидропосту г. Благовещенск

Слабо выпуклая (в поперечном профиле) поверхность р. Амур при высокой воде.

Ландшафтно-историко-экологическая экскурсия по территории памятника природы «Костёнки-Борщёво»

«...Забуты были людьми и стоянки у Дона, где триста лет назад (по масштабам времени — только «вчера») образовалось село с названием Костёнки»

В. М. Песков

В настоящее время экотуризм охватывает многие сферы жизни общества и становится наиболее востребованным туристическим направлением. Основанием этому послужило понимание необходимости бережного отношения к объектам природно-исторического наследия, а также развитие туризма для приобщения населения к культурному и природному наследию.

Повышение вклада экотуризма в экономику региона возможно за счет эффективного использования значительного туристско-рекреационного потенциала Воронежской области, основу которого составляют выгодное геополитическое и географическое положение, высокая транспортная доступность, благоприятные природно-климатические условия, богатейшее историко-культурное наследие.

Одним из видов экотуризма, о котором пойдет речь в данной статье, является ландшафтно-историко-экологическая экскурсия, ставящая перед собой цель не только культурно-исторического просвещения посетителей, но, главным образом, необходимость защищать и оберегать природу.

Задачи проведения ландшафтно-историко-экологической экскурсии:

- Сохранение культурного и исторического наследия, обеспечение доступа граждан к культурным ценностям и участию в культурной жизни не только Воронежской области, но и страны в целом.
- Создание условий для этнокультурного раз-

вития народов, проживающих на территории Воронежской области.

- Создание благоприятных условий для устойчивого развития сферы культуры.
- Увеличение доли объектов культурного наследия.
- Содействие охране природы и местной социокультурной среде.

Развитие внутреннего экотуризма для Воронежской области является одной из приоритетных задач в последние годы. Особенно это актуально сейчас, когда из-за эпидемии коронавируса ограничено международное сообщение.

На Среднем Дону, на северо-западе Воронежской области, в Хохольском районе, расположены два ничем на первый взгляд не примечательных села: Костёнки и Борщёво. Тем не менее, эти названия хорошо известны в среде ландшафтоведов, археологов, историков и антропологов всего мира.

Костёновско-Борщёвское Подонье — уникальная ландшафтно-археологическая территория, известная науке как район древних стоянок первобытного человека. В настоящее время здесь разведано более 60 стоянок, имеющих внушительный возраст — от 50 до 18 тыс. лет. Данный район является крупнейшим верхнепалеолитическим комплексом на территории России и одним из известнейших в Европе.

В 1980 году территории был присвоен статус ландшафтного памятника природы областного значения, площадь которого составила 260 га, а в 1991 году организован археологический музей-заповедник «Костёнки», который совместно с Институтом материальной культуры РАН проводит археологические исследования на стоянках.

На правом берегу Дона в районе сел Костёнки и Борщёво имеются необходимые предпосылки для создания ландшафтно-историко-экологической экскурсионной тропы с последующим предоставлением территории статуса природно-исторического парка «Костёнковско-Борщёвское Подонье».

Данная позиция обусловлена рядом причин, описание которых уместно привести ниже.

Важная особенность организации ландшафтно-историко-экологической тропы на территории памятника природы «Костёнки-Борщёво» — уникальная возможность демонстрации на конкретной территории ярких примеров взаимодействия общества и природы, человека и ландшафта на разных этапах в ходе их исторического развития.

Проведение экскурсии на территории памятника связано с изучением исторических, географических и культурных объектов непосредственно на местности. Важно уделять особое внимание экологическому аспекту в районе памятника природы и состоянию культурных ландшафтов, подчеркивая их уязвимость от внешних, включая человека, факторов среды.

Во время экскурсии по памятнику природы «Костёнки-Борщёво» появляется уникальная возможность познакомиться с особенностями образа жизни первобытного человека, его бытом, хозяйством. Редкие природные ландшафты в виде дубово-ясеневых лесных массивов и обнаженных меловых склонов с редкими представителями растительности — настоящие «художественные произведения» природы, позволяющие сформировать у посетителей целостное восприятие этого исторического места, а также развить ландшафтно-экологическое мышление.

Для успешного проведения данной экскурсии выявлены следующие этапы подготовки:

1. Детальное изучение ландшафтных и ландшафтно-исторических комплексов.
2. Оценка природной и исторической ценности территории.
3. Анализ экологического состояния природной среды.

Это позволит выявить конкретные объекты экмаршрута и обосновать их культурно-историческую значимость.

Во время маршрута освещаются проблемы устойчивости ландшафтов к антропогенному воздействию, этапность и типы хозяйственного освоения территории, обращается внимание на значимость сохранения целостности природного каркаса данного уникального памятника культурного наследия нашей страны.

Основные характеристики экскурсии:

1. Название экотропы — «Костёнковско-Борщёвское Подонье».
2. Местонахождение: Воронежская область, Хохольский район, с. Костёнки, 4 км по направлению юго-восток от музея «Костёнки».
3. Пункт отправления: музей-заповедник «Костёнки» до начала пешего маршрута ~ 4 км;
Общая протяженность пешего маршрута: ~2–4 км;
Время прохождения маршрута: 1,5–2 часа;
Расстояние между точками: 200–400 м.

4. Время использования: в течение всего года (с уклоном на летний сезон).

Станция № 1 — Образ жизни первобытного человека

Основную информацию для представления жизни человека в то далекое время дают поселения, изучение которых происходит путем их раскопок и образования так называемых «стоянок» на местах бывших поселений древнего человека.

На территории памятника природы получили распространение 5 палеолитических стоянок, открытые и разрабатываемые в разные временные промежутки (наиболее древняя стоянка, Борщёво-1, открыта до 1922 года).

Исследования ученых показали, что на территории памятника природы находился ряд лагерей охотников, на месте которых и были обнаружены следы палеолитических костров, а также многочисленные кремневые изделия того времени.

Длина его составляла 35 м, ширина — 15–16 м. Таким образом, жилая площадь достигала размера ~600 м². В центре жилой площади тянулись симметрично расположенные, с интервалами в 2 м, очажные ямы. Очагов было 9, каждый диаметром около 1 м. Эти очаги сверху были покрыты толстым слоем костной золы и обуглившись костей, которые употреблялись в качестве топлива.

Рисунок 1. План большого общинного дома

Также были найдены землянки, которые служили своеобразными «погребями» для хранения частей туш мамонтов.

Обнаружены в помещении и специальные ямки, которые являлись хранилищами для особо ценных вещей. Там были обнаружены скульптурные изображения женщин, животных, в том числе мамонта, медведя, пещерного льва, украшения из коренных зубов и клыков хищников, главным образом песца.

Эта сложная и вместе с тем стройная картина древнего поселения свидетельствует, что в жизни ее обитателей существовал определенный внутренний распорядок, который унаследовался от предшествующих поколений, имел прочные традиции.

Наряду с большими многоочажными строились и жилища меньшего размера (рис. 2).

Реконструкция жилища с поселения Костенки

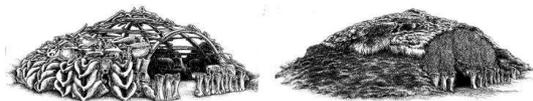

Рисунок 2. Жилище первобытного человека на территории с. Костёнки

Станция № 2 — Описание долины р. Дон на территории памятника

Долина Дона на данном участке принадлежит к морфологическому типу зрелых долин и сочетает в себе все структурные части — русло, пойма, надпойменные террасы, коренные склоны и относится к Белогорскому морфологическому отрезку. Характерная черта долины — устойчивая правобережная асимметрия.

Русло реки Дон имеет ширину от 110 до 160 м, глубина достигает 4 м. Обращает на себя внимание почти идеально прямой отрезок русла, протянувшийся от южной окраины с. Костёнки до с. Борщёво на 3,2 км, являющийся результатом разлома докембрийского фундамента.

Склон имеет мягкие очертания, расчленен балками, действующими и заросшими оврагами, иногда осложнен оползнями и карстом.

На территории памятника распространены байрачные дубравы, которые надежно укутывают вершину и среднюю часть балок. Поражают густота, высота и разнообразие состава древесных пород; красочность лугово-травяного покрова влажных байрачных лесов по днищам балок. Высота и качество древостоя снижаются при движении вверх по склону балки. Степная (полевая) опушка байрачной дубравы, при выходе ее на водораздел, заканчивается густейшими зарослями терна и вишни.

Станция № 3 — Специфика природных ландшафтов и растительности

Костенковский тип склонов имеет выпуклый поперечный профиль с высотой до 50–60 м и крутизной — 20–25°.

Средняя часть склона представлена верхнемеловыми отложениями — 10–12-метровой толщиной белого мела. В этих условиях широкое распространение получили урочища нагорных порослевых дубрав и крутых меловых долинных склонов.

Наибольший интерес вызывают первые, так как существует мнение, что в недавнем прошлом Костенковско-Борщёвское Подонье было в значительной степени облесено. Существовавшие здесь нагорные дубравы чередовались, вероятно, с участками горных меловых боров. Хотя прямых свидетельств на этот счет

нет, но происхождение названия с. Борщёво от слова «бор», присутствие на меловых обнажениях ряда характерных растений и ряд других признаков позволяют говорить об этом.

Вторые — урочища крутых меловых склонов долины, обязаны своим происхождением деятельности человека, но в зависимости от первичной природной обстановки (степь или лес) возможно выделение двух типов обнажений.

Первые сформировались на месте бывшего развития степной растительности и сейчас несут сравнительно богатую флору кальцефилов: она проста, живучка ложнохвостовая, тимьян меловой, местами эфедра двуколосковая и др.

Редкие ландшафты на территории памятника — нагорные березняки. Береза появляется на меловых склонах в виде отдельных деревьев в нагорных дубравах. Растет в них в основном береза повислая. Тянутся эти «леса» узкой полоской вдоль бровки долинного склона. Редко можно найти в них прямое дерево.

Цирковидная балка — редкое урочище, необычная форма которого сразу бросается в глаза — сверху балка похожа на два слившихся лунных кратера. Такую форму ей придают резко выраженные цирковидные расширения, размещающиеся на ее противоположных концах. Крутые меловые склоны балки на большей части покрыты пестрым ковром, вытканым из ярких розовых тимьянников, сизо-зелёной полыни и серебристых ковылей.

До наших дней в Костенках сохранилось и реликтовое растение, современник мамонтов, служившее когда-то им пищей — это трава осока низкая.

На территории памятника природы «Костёнки-Борщёво», являющегося перспективным объектом экологического туризма, имеются необходимые предпосылки для создания ландшафтно-историко-экологической тропы с последующим развитием экотуризма на территории всего района исторического комплекса.

Разработка и дополнение станций на маршруте — одна из ключевых задач в рамках реализации данного проекта.

М. Мохова,
г. Воронеж

Литература

1. Мильков Ф. М. Долина Дона: природа и ландшафты. — Воронеж: Центрально-Черноземное издательство, 1982. — 159 с.
2. Песков В. М. Просёлки: Селение на костях мамонтов. — Воронеж, Молодая гвардия, 2004. — 561 с.
3. Комплексные решения по развитию экологического туризма на ООПТ — URL: <https://www.govrn.ru/novost/-/id/5362862>
4. Каменный век — URL: <https://coolib.net/b/271167/image>
5. Археология верхнего палеолита — URL: <https://theslide.ru/uncategorized/arxeologiya-verxnego-paleolita>

Лесные пожары в заповедниках

В многочисленных научных публикациях можно обнаружить мнение с приводимыми соответствующими обоснованиями, что лесные пожары были и остаются наиболее мощными эволюционными факторами в развитии простирающихся лесов на планете Земля, оказывая существенное влияние на «формирование лесов прошлого и настоящего». Это, возможно, справедливо для обширных таежных лесов, но не для лесов Центрального Черноземья, где они являются всего лишь оставленными островками когда-то существовавшего леса. Недавние исследования, проведенные учеными-лесоведами Черноземья (табл. 1) [1], говорят о том, что за период с конца XVI века по начало XXI века лесистость земель Воронежской области уменьшилась с 31% до 8%. Поэтому вышеприведенные рассуждения к Черноземью не относятся, — как бы не потерять в пожарах оставшиеся леса — в 2010 г. верховым пожаром в лесах Воронежской области было пройдено 15 тыс. га.

Таблица 1
Динамика лесистости Воронежской области
(1585–2011 гг.) [1]

Годы учета	Лесистость, % (по покрытым лесной растительностью землям)
1585	31,0
1630	29,0
1705	22,0
1725	18,7
1785	11,1
1868	9,1
1914	6,3
1927	5,7
1950	6,1
1961	8,6
1966	8,7
1993	8,9
1998	8,4
2003	8,3
2008	8,3
2011	8,0

Как известно, в Воронежской области находится два государственных заповедника: Воронежский государственный природный биосферный заповедник им. В. М. Пескова (далее — Воронежский заповедник; 57,1% от общей территории располагается на землях Воронежской области) и Хоперский государственный природный заповедник (далее — Хоперский заповедник).

Для рассмотрения проблемы возникновения лесных пожаров в особо охраняемых природных территориях, а именно, рассмотрения природных и антропогенных факторов влияния на возникновение лесных пожаров в заповедниках, расположенных в схожих природных условиях, удобнее провести анализ в срав-

нении лесопожарных ситуаций, сложившихся в рассматриваемых заповедниках.

Исходя из этого, дадим краткую характеристику заповедников.

Хоперский заповедник.

Территория лесничества «Хоперский государственный природный заповедник» (16,178 тыс. га) разделена на четыре участковых лесничества:

- Васильевское — 2,974 тыс. га;
- Северное — 5,331 тыс. га;
- Центральное — 4,579 тыс. га;
- Южное — 3,294 тыс. га.

Территория заповедника, покрытая лесом, занимает площадь 13,211 тыс. га, что составляет 81,6% от общей площади. Остальные земли заповедника распределены следующим образом:

- не покрытые лесом — 4,3%;
- нелесные площади (воды, болота, сенокосы) — 14,1%;
- просеки квартальной сети, лесные дороги и тропы — 0,7% от общей площади земель Хоперского заповедника.

Река Хопер пересекает территорию заповедника с северо-востока на юго-запад (рис. 1). Ширина реки в межень составляет 100 м, а во время половодья достигает 7 км.

Внешние воды охватывают всю пойму за исключением повышенных ее элементов, заливаемых только в наиболее высокие подъемы полых вод. Половодье продолжается около 3-х месяцев — с начала апреля и до конца июня.

По территории заповедника протекают два притока Хопра — р. Карачан и р. Калмычек.

Число озер, запитываемых полыми и грунтовыми водами, велико. К числу таких озер относятся: Юрмище, Большое Голое, Русская Речка, Шилово и др.

Техногенные объекты, находящиеся на территории Хоперского заповедника:

- газопровод высокого давления, который подходит к центральной усадьбе заповедника (п. Варварино);
- ЛЭП-500 «Волгоград-Москва»;
- ЛЭП-10 для электроснабжения центральной усадьбы;

— инфраструктурные объекты заповедника и жилые дома на центральной усадьбе Хоперского заповедника.

В заповеднике имеются участки, выделенные:

- для ловли рыбы — всего 13 участков;
- под пашню — 18 участков;
- под выпас животных проживающего населения — 30 участков;
- под сенокосение — 53 участка.

На территории заповедника имеется 6 туристических маршрутов с общей длиной 139 км.

В Хоперском заповеднике преобладают лиственные деревья (рис. 1), это дубравы (перечисление по мере убывания занимаемых площадей произрастания), ольшаники, осинники, сосняки.

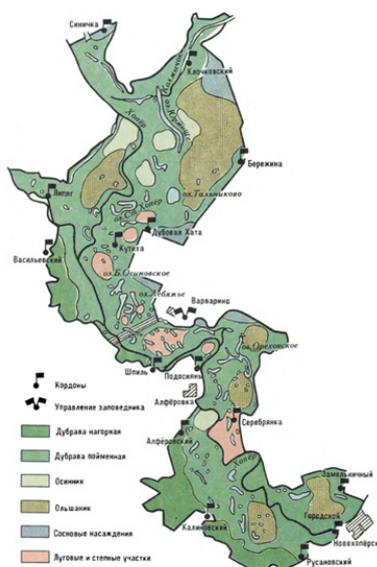

Рис. 1 — Структура лесов Хоперского заповедника [2].

Воронежский заповедник.

Территория лесничества «Воронежский государственный природный биосферный заповедник» (31,053 тыс. га) разделена на три участковых лесничества:

- Усманское (Липецкая область) — 13,324 тыс. га;
- Борское (Воронежская область) — 10,615 тыс. га;
- Краснолесенское (Воронежская область) — 7,114 тыс. га.

Территория заповедника, покрытая лесом, занимает площадь 28,893 тыс. га, что составляет 93,0% от общей площади. Остальные земли заповедника распределены следующим образом:

- не покрытые лесом — 1,0%;
- нелесные площади (воды, болота, сенокосы) — 4,5%;
- просеки квартальной сети, лесные дороги и тропы — 1,5% от общей площади земель Воронежского заповедника.

По территории заповедника транзитом протекает Усманка и берет начало Ивница (рис. 2).

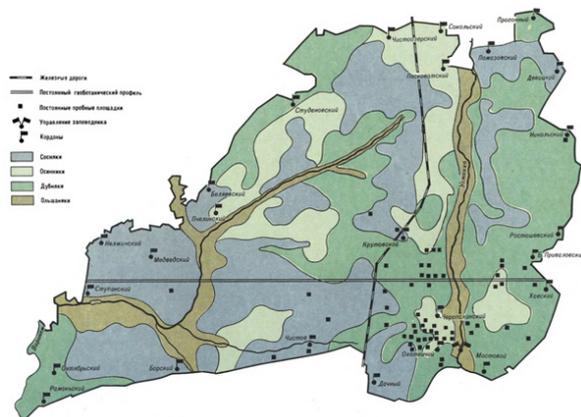

Рис. 2 — Структура лесов Воронежского заповедника [2].

Русло Усманки состоит из нескольких плесов шириной до 60 м и глубиной 3-4 м, соединенных между собой протоками-ручьями. Это, по существу, слабопроточные озера с заболоченными берегами и затонами. В засушливые периоды протоки сильно мелеют. Пойма р. Усманки сильно заболочена, ее ширина не превышает 1 км, местами суживается до 300 м. На территории заповедника в Усманку впадает до 20 притоков длиной 0,6-4,6 км. Среди них наиболее крупными притоками являются Девиченка, ручьи Шеломенский, Ямный, Ледовский, Приваловский.

Река Ивница также имеет небольшой уклон, пойма сильно заболочена, ширина поймы может достигать 400-500 м. В Ивницу впадает 7 притоков длиной от 1,1 до 15 км. Наибольшие притоки у р. Ивницы — Городянка, ручьи Ржавец, Усманский и Каверинский.

Результатом заболачивания пойм является значительное залегание торфяников. Поэтому в засушливые периоды в случае несвоевременного реагирования на загорание леса в районе таких участков возможен уход огня в глубину, в тело торфяника. После этого тушение торфяника растягивается на многие дни и требует значительного затрачивания ресурса сил пожаротушения.

По территории заповедника проходят:

- автомобильная дорога — длиной 12,8 км;
- ЛЭП — 18,4 км;
- железная дорога — 19 км;
- южной границей лесничества являются две железнодорожные ветки: Графская-Рамонь (протяженность 17 км) и Графская-Анна (7 км);
- вдоль восточной границы лесничества проходит асфальтированная автодорога Воронеж-Усмань;
- в северной и северо-западной части проходит асфальтированная автодорога Усмань-Ступенки-Беляево; от с. Беляево до с. Ступино — грунтовая дорога; от с. Ступино до п. Рамонь — асфальтированная дорога;
- в южной части лесничества, по территории заповедника проходит асфальтированная дорога ст. Графская — с. Малая Приваловка;
- на территории лесничества имеются жилые дома, находится действующее кладбище, монастырь;
- инфраструктурные объекты заповедника и строения на центральной усадьбе Воронежского заповедника.

Отдельные участки лесничества используются под сенокосение, выпас сельскохозяйственных животных.

Администрация Воронежского заповедника уделяет большое внимание туризму — установлены четыре туристические зоны:

1-я туристическая зона включает: 3 экологические тропы (общая длина 6,5 км) и 4 туристических маршрута (общая длина 13,5 км);

2-я туристическая зона включает: экологическая тропа (6 км) и 2 туристических маршрута (общая протяженность 13 км);

3-я и 4-я туристические зоны — в составе только одного туристического маршрута с протяженностями

3,5 км и 4 км соответственно.

В Воронежском заповеднике преобладают сосняки (по убыванию занимаемых площадей) (рис. 2), дубняки, осинники, ольшаники.

Перечисленные факторы антропогенного давления

на заповедники создают не только экологические риски, но и лесопожарные. К этому же следует добавить и достаточно высокую пожарную природную опасность лесов, классифицированную в соответствии с нормативным документом [3–5].

Таблица 2

Распределение общей площади лесов в Хоперском и Воронежском заповедниках по классам пожарной опасности (для сравнения)

Заповедник		Классы природной пожарной опасности					Итого	Средний класс
		I	II	III	IV	V		
Хоперский	S, га	442	444	12 222	3 070		16 178	3,1
	%	2,7	2,7	75,6	19,0		100	
Воронежский	S, га	2 544	5 741	8 313	13 000	1 455	31 053	3,2
	%	8,2	18,5	26,8	41,8	4,7	100	

В последние годы отмечается сложная лесопожарная обстановка в рассмотренных заповедниках (табл. 2), все чаще возникают крупные лесные пожары,

причиной которых прежде всего является деятельность людей.

Таблица 3

Лесные пожары последних лет в Хоперском и Воронежском заповедниках

Дата	Площадь пожара	Привлекаемые силы и средства для тушения
Лесные пожары в Хоперском заповеднике		
30.09–06.10.2020	185 га	до 100 человек, авиация
13–19.04.2021	400 га	7 АЦ, 53 человека
Лесные пожары в Воронежском заповеднике		
13–15.10.2014	380 га	- от Воронежской области: 11 АЦ, 147 человек; — от Липецкой области: 12 АЦ, 152 человек; — пожарный поезд; - 90 добровольцев
25.08.2018	2,8 га	4 АЦ, трактор, 19 человек
23–24.06.2018	43 га	45 ед. техники, 100 человек
26.04.2019	2 га	7 АЦ, 31 человек
14.09.2020	17 га	5 АЦ, трактор, 21 человек
09–11.08.2021	30 га	всего 27 единиц техники, 67 человек, в том числе от МЧС России: — от Воронежской области: 3 АЦ, 10 человек; — от Липецкой области: 3 АЦ, 6 человек

Из таблицы 2 следует, что наиболее сложная пожарная обстановка присутствует в Хоперском заповеднике, несмотря на меньшие потенциальные природные риски, из чего следует о недостаточности применяемых организационных и специальных превентивных мероприятий.

Имеется возможность проанализировать лесопожарную ситуацию в Воронежском заповеднике в исторической ретроспективе, так как в заповеднике помимо всего прочего создан Музей пожаров. За весь период существования заповедника лесных угодий повреждено на площади более 3,5 тыс. га! Это более 11% от общей территории заповедника.

Наиболее крупные лесные пожары случались в 1936, 1937, 1938, 1972, 1997, 2010, 2014 годах. В 4-х случаях лесной пожар переходил в подземный пожар — горели торфяники.

В заключение следует подчеркнуть, что антропогенное давление на особо охраняемые территории продолжает возрастать, и это на фоне изменяющегося климата! К расширению экскурсионных и туристических программ на территории заповедников следует подходить с особенной осторожностью с точки зрения высоких лесопожарных рисков в заповедниках, необходимо и дальше прорабатывать и расширять весь спектр превентивных мероприятий, направленных

на предотвращение крупных лесных пожаров в заповедниках. К их числу следует отнести: развитие системы мониторинга за лесными пожарами, совершенствование специальных сил и средств для оперативного реагирования на возгорания, управление туристическими программами в зависимости от класса пожарной опасности в лесах в зависимости от условий погоды.

*Н. Разиньков,
г. Воронеж*

Литература

1. Мустевский А. Л. Динамика лесистости и структуры лесного фонда Воронежской области / ФГБОУ ВПО «Воронежская государственная лесотехническая академия» // Лесотехнический журнал 3/2013. — Воронеж, ВГЛТА, 2013. — С. 13–21.
2. Заповедники СССР. Заповедники европейской части РСФСР. Ч. II / Под общ. ред. В. Е. Соколова, Е. Е. Сыроечковско-го. — М.: Мысль, 1989. — 301 с.
3. Приказ Федерального агентства лесного хозяйства от 05.07.2011 № 287 «Об утверждении классификации природной пожарной опасности лесов и классификации пожарной опасности в лесах в зависимости от условий погоды» (зарег. в Минюсте РФ 17.08.2011 № 21649).
4. Лесохозяйственный регламент лесничества «Воронежский государственный природный биосферный заповедник», утвержден Директором Департамента государственной политики и регулирования в сфере охраны окружающей среды 01.12.2014 / Филиал ФГУП «Рослесинфорг» «Воронежлеспроект». — Воронеж, 2014. — 87 с.
5. Лесохозяйственный регламент лесничества «Хоперский государственный природный заповедник», утвержден И.о. директора Департамента государственной политики и регулирования в сфере развития ООПТ и Байкальской природной территории 06.04.2020 / Минприроды России. — п. Варварино, 2019. — 48 с.

ПРАВИЛА

для авторов научно-практического альманаха «Акцентy. Новое в массовой коммуникации»

Альманах принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Альманах выпускается в восьми номерах (4 ежеквартальных выпуска).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром издания, поэтому им рекомендуется скачивать PDF-версии с сайта факультета (<http://jour.vsu.ru/izdaniya-zhurnaly-i-prodolzhayushchiesya-izdaniya/almanah-akcenty>).

Статьи принимаются в электронном виде. Они должны быть сжато написаны, аккуратно оформлены и тщательно отредактированы.

Текст статьи должен быть набран через полтора интервала, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr).

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы в бумажном и электронном виде (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru):

- 1) текст статьи, подписанный всеми авторами, таблицы, иллюстрации и подписи к ним;
- 2) название статьи, аннотацию, ключевые слова, инициалы и фамилию авторов, место работы — **на русском и английском языках**;
- 3) сведения об авторах: их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (**на русском и английском языках**);
- 4) цветное фото автора.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через запятую дается указание на страницы — [1, с. 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, с. 5; 2, с. 75]).

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать сноски.

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавляется **Литература**. Список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 Библиографическая запись. **Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.**

Редколлегия